

ISSN 1994-9960

2018

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Серия **ЭКОНОМИКА**

Том 13. № 2

Vol. 13. No. 2

PERM UNIVERSITY HERALD.
ECONOMY

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
PERM STATE UNIVERSITY

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по отрасли науки 08.00.00 Экономические науки и научным специальностям 08.00.01 Экономическая теория; 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; Региональная экономика); 08.00.12 Бухгалтерский учет, статистика; 08.00.13 Математические и инструментальные методы экономики

Научный рецензируемый журнал «Вестник Пермского университета. Серия «Экономика» = Perm University Herald. ECONOMY» издается экономическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета.

Тематика статей журнала отражает научные достижения российских и зарубежных ученых в области актуального экономического знания. В публикуемых материалах освещаются теоретические и практические проблемы методологии и методики в области экономики и управления народным хозяйством, математических и инструментальных методов экономики, бухгалтерского учета, аудита и экономического анализа. Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, представителей общественности, бизнеса и государственных служащих всех уровней власти.

Подробные сведения о журнале, его редакционная политика и условия публикации размещены на интернет-сайте Вестника: <http://economics.psu.ru/>

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), Электронно-библиотечную систему ЭБС IPRbooks, Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка», Национальный цифровой ресурс Руконт, Электронно-библиотечную систему Издательства «Лань», EBSCO Publishing, Базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свид. о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-66483 от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия «Экономика» = Perm University Herald. ECONOMY» в каталогах «Пресса России» 41030

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, ПГНИУ, Экономический факультет.
E-mail: vestnik.economy@econ.psu.ru и vestnik.psu.economy@gmail.com
Web-site: <http://economics.psu.ru/>

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миролюбова Т.В., докт. экон. наук, проф., зав. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Базуева Е.В., докт. экон. наук, доц., проф. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Деминцев В.Е., докт. экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, руководитель научного направления, ФГБУН «Центральный экономико-математический институт Российской академии наук», Москва, Россия

Домоиницкий А.И., канд. физ.-мат. наук, проф., зав. каф. математики, декан факультета естественных наук, Ариэльский Университет, Ариэль, Израиль

Клейнер Г.Б., докт. экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, зам. научного руководителя, ФГБУН «Центральный экономико-математический институт Российской академии наук», Москва, Россия

Ключков В.В., докт. экон. наук, канд. техн. наук, директор департамента стратегии и методологии управления созданием научно-технического задела, ФГБУ «Национальный исследовательский центр «Институт им. Н.Е. Жуковского», Жуковский, Россия

Кузнецов Ю.А., докт. физ.-мат. наук, проф., зав. каф. математического моделирования экономических процессов, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия

Латыгин Ю.Н., докт. экон. наук, проф., проф. каф. менеджмента, Владимирский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Владимир, Россия

Нижегородцев Р.М., докт. экон. наук, зав. лабораторией, ФГБУН «Институт проблем управления Российской академии наук им. В.А. Трапезникова», Москва, Россия

Панкова С.В., докт. экон. наук, проф., проректор по экономике и стратегическому развитию, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», Оренбург, Россия

Попов Е.В., докт. экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, главный ученый секретарь, Уральское отделение ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», Екатеринбург, Россия

Поспелов И.Г., докт. физ.-мат. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. отделом, ФГУ «Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук», Москва, Россия

Сухарев О.С., докт. экон. наук, проф., зав. лабораторией, ФГБУН «Институт проблем рынка Российской академии наук», Москва, Россия

Тургель И.Д., докт. экон. наук, проф., зам. директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия

Фальков С.Г., докт. экон. наук, проф., зав. каф. экономики и организации производства, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», Москва, Россия

Шерешева М.Ю., докт. экон. наук, проф. каф. прикладной институциональной экономики, зав. лабораторией институционального анализа, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва, Россия

Шенчукова Т.Г., докт. экон. наук, проф., проф. каф. учета, аудита и экономического анализа, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бабеев Б.Д., докт. экон. наук, проф., проф. Межвузовского центра гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Иваново, Россия

Балашова Е.С., докт. экон. наук, доц., проф. Высшей школы управления и бизнеса, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Санкт-Петербург, Россия

Городилов М.А., докт. экон. наук, доц., декан экономического факультета, зав. каф. учета, аудита и экономического анализа, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

Ермолаев М.Б., докт. экон. наук, проф., проф. каф. экономики и финансов Института управления, финансов и информационных систем, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет», Иваново, Россия

Лётчиков А.В., докт. физ.-мат. наук, проф., зав. каф. математических методов Института экономики и управления, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия

Максимов В.П., докт. физ.-мат. наук, проф., проф. каф. информационных систем и математических методов в экономике, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

Миэринь Л.А., докт. экон. наук, проф., зав. каф. национальной экономики, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Санкт-Петербург, Россия

Орлова Е.Р., докт. экон. наук, проф., зав. отделом информационных технологий оценки эффективности инвестиций, ФГБУН «Институт системного анализа Российской академии наук», Москва, Россия

Петренко С.Н., докт. экон. наук, проф., зав. каф. бухгалтерского учета, ГО ВПО «Донецкий национальный исследовательский университет и торговли им. Михаила Туган-Барановского», Донецк, Украина

Суглобов А.Е., докт. экон. наук, проф., проф. департамента учета, анализа и аудита, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», Москва, Россия

Третьякова Е.А., докт. экон. наук, проф., проф. каф. охраны окружающей среды, ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь, Россия

Трофимов О.В., докт. экон. наук, проф., зам. директора Института экономики и предпринимательства, ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия

Ковалева Т.Ю., канд. экон. наук, доц., доц. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия (ответственный редактор)

Founder: Perm State University

The periodical is included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals, where the results of scientific research required for getting the scientific degrees of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences on the branch of science 08.00.00 Economic Sciences and scientific specialties 08.00.01 Economic theory; 08.00.05 Economy and National Economy Management (Economics, organization and management of enterprises, branches, complexes; Regional economy); 08.00.12 Accounting, Statistics; 08.00.13 Mathematical and Instrumental methods of Economics must be published

The scientific journal "Perm University Herald. ECONOMY" has been published by the Faculty of Economics of the Perm State University.

The subject area of articles published in the "Perm University Herald. ECONOMY" series demonstrates achievements of Russian and foreign scholars in the sphere of today's economic knowledge. Theoretical and practical issues of methodology and methods in economics and management of the national economy, mathematical and instrumental methods of economics, accounting, auditing and economic analysis are covered.

Publication is intended for researchers, teachers, graduate students, members of the public, business and government officials at all levels.

Detailed information about the journal, its editorial policy and requirements for publication are provided at the website of "Perm University Herald. ECONOMY": <http://economics.psu.ru/>

The periodical is included in the national information-analytic system "Russian Science Citation Index" (RSCI), Electronic library system IPRbooks, Scientific electronic library "CyberLeninka", National digital resource Rucont, Electronic library system of the publishing house "Lan", University library online, EBSCO Publishing, database of Ulrich's Periodicals Directory.

The periodical was registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate PI № FS77-66483 dd. July 14, 2016.

Subscription code for the «Perm University Herald. «ECONOMY» in catalogues of «The Press of Russia» is 41030

The founder, publisher address: 15, Bukireva st., Perm, Perm region, 614990, Russian Federation.

Editorial board address: 15, Bukireva st., Perm, Perm region, 614990, Russian Federation, Perm State University, Faculty of Economics.

E-mail: vestnik.economy@econ.psu.ru and vestnik.psu.economy@gmail.com

Web-site: <http://economics.psu.ru/>

CHIEF EDITOR

Mirolyubova T.V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of the World and Regional Economy, Economic Theory, Perm State University, Perm, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITOR

Bazueva E.V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of the World and Regional Economy, Economic Theory, Perm State University, Perm, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dement'ev V.E., Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Scientific Department, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Domoshnitsky A.I., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of Mathematics Department, Dean of Natural Sciences Faculty, Ariel University, Ariel, Israel

Kleiner G.B., Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Director, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Klochov V.V., Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences, Director of the Department of Strategy and Methodology of Management of Scientific and Technical Start, National Research Center "Zhukovsky Institute", Zhukovsky, Russian Federation

Kuznetsov Yu.A., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Department of Mathematical Modeling of Economic Processes, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russian Federation

Lapygin Yu.N., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir branch), Vladimir, Russian Federation

Nizhegorotsev R.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Laboratory, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Pankova S.V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Economics and Strategic Development, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

Popov E.V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Academic Secretary, the Ural division of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

Pospelov I.G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department, Federal Research Center "Informatics and Management" of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Sukharev O.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Laboratory, the Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Turgel' I.D., Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Science Director of Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

Fal'ko S.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economy and Production Organization, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

Shersheva M.Yu., Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Applied Institutional Economics, Head of the Laboratory of Institutional Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Sheshukova T.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Accounting, Auditing and Economic Analysis, Perm State University, Perm, Russian Federation

EDITORIAL STAFF

Babaev B.D., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at Inter-University Center of Humanitarian Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Balashova E.S., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor at the Higher School of Management and Business, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

Gorodilov M.A., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics, Head of the Department of Accounting, Auditing and Economic Analysis, Perm State University, Perm, Russian Federation

Ermolaev M.B., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Economy and Finances of the Institute of Management, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation

Lechikov A.V., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Department of Mathematical Methods of the Institute of Economy and Management, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Maksimov V.P., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Professor at the Department of Information Systems and Mathematical Methods in Economics, Perm State University, Perm, Russian Federation

Mierin' L.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of National Economy, Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

Orlova E.R., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Information Technologies of Investment Efficiency Assessment, Institute for Systems Analysis of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Petrenko S.N., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Accounting, Donetsk National University of Economics and Trade named after Michael Tugan-Baranovsky, Donetsk, Ukraine

Suglobov A.E., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Accounting, Account Analysis and Audit, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Tretnikova E.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Environment Protection, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

Trofimov O.V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Economics and Entrepreneurship, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russian Federation

Kovaleva T.Y., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of the World and Regional Economy, Economic Theory, Perm State University, Perm, Russian Federation (Executive Editor)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Бабаев Б.Д., Николаева Е.Е.

Концептуальные основы исследования региона как открытой экономической системы: синтез политэкономии и институционализма

159

РАЗДЕЛ II. ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Серков Л.А.

Влияние теневого сектора экономики на поведение гетерогенных агентов

177

РАЗДЕЛ III. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Косенчук О.В.

Развитие сельских территорий на основе регулирования ценообразования в агрокластере

196

Дусаева Е.М., Курманова А.Х., Цыгулева М.И.

Проблемы и перспективы развития личных подсобных хозяйств в экономике региона (на примере Оренбургской области)

212

РАЗДЕЛ IV. ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ

Николаев Р.С.

Транспортно-логистический комплекс страны в условиях структурной перестройки экономики: макроэкономические подходы к анализу эффективности

228

Селиванова У.И.

Роль стратегического планирования в обеспечении успешного функционирования текстильных и швейных предприятий

251

Ощепков В.М., Тютык О.В., Мальцева Н.В.

Усиление внутреннего бренда работодателя как фактор повышения производственной эффективности: международный опыт и российская практика

264

РАЗДЕЛ V. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА, АУДИТА, ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И СТАТИСТИКИ

Городилов М.А., Коняева Т.В.

Совершенствование методики оценки налоговой нагрузки в группе компаний

282

Савин В.Ю.

Индикаторы оценки экономической безопасности как комплексной характеристики защищенности финансово-хозяйственной деятельности организаций – участников ВЭД

303

Корепина Т.А.

Методология учета и измерения образовательной миграции населения: проблемы и перспективы развития

319

CONTENTS

SECTION I. ECONOMIC THEORY

Babaev B.D., Nikolaeva E.E.

Conceptual framework of the region research as an open economic system: Synthesis of political economy and institutionalism 159

SECTION II. ECONOMIC-MATHEMATICAL MODELING

Serkov L.A.

Influence of a shadow sector of economy on heterogeneous agent behavior 177

SECTION III. REGIONAL ECONOMY

Kosenchuk O.V.

Development of rural territories on the basis of price regulation in an agro-cluster 196

Dusaeva E.M., Kurmanova A.Kh., Tsyguleva M.I.

Challenges and trends of private household development in a regional economy (In the case study of Orenburg region) 212

SECTION IV. ENTERPRISE ECONOMY AND MANAGEMENT OF ENTERPRISES,
ORGANIZATIONS, BRANCHES, COMPLEXES**Nikolaev R.S.**

Transport and logistic complex of the country in the conditions of economic restructuring: Macroeconomic approaches to the analysis of efficiency 228

Selivanova U.I.

Role of strategic planning in the efficient operation of textile and garment manufacturers 251

Oshchepkov V.M., Tiutyk O.V., Maltseva N.V.

Employer's internal branding as a factor of operational efficiency increase: International experience and practice in Russia 264

SECTION V. CURRENT ISSUES OF ACCOUNTING, AUDITING,
ECONOMIC ANALYSIS AND STATISTICS**Gorodilov M.A., Konyaeva T.V.**

Improvement of methods for estimation of tax burden in a group of companies 282

Savin V. Yu.

Economic security indicators as a complex characteristic of security of financial and business activity of organizations participating in foreign-economic activity 303

Korepina T.A.

Methodology of accounting and measurement of educational migration of population: Problems and prospects of development 319

РАЗДЕЛ I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

doi 10.17072/1994-9960-2018-2-159-176

УДК 332.1:330.341.2

ББК 65.04+65.01

JEL Code R1, R2, R3, R5

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНА
КАК ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ:
СИНТЕЗ ПОЛИТЭКОНОМИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА****Бронислав Дмитриевич Бабаев**

ORCID ID: 0000-0002-0398-2279, Researcher ID: F-8011-2018

Электронный адрес: politeconom@yandex.ruИвановский государственный университет
153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, 39**Елена Евгеньевна Николаева**

ORCID ID: 0000-0001-6224-0331, Researcher ID: K-2904-2017

Электронный адрес: dvn2002@yandex.ruИвановский государственный университет
153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, 39

Тема региональной экономики является популярной в современной экономической литературе, однако в большинстве своем исследования носят конкретно-экономический, организационно-управленческий характер. Вместе с тем не следует забывать и о фундаментальных теоретических вопросах территориального развития. Общая задача данной статьи – раскрыть понимание региональной экономики, во-первых, в рамках воспроизводственного подхода, во-вторых, ее многоуровневости, в-третьих, в плоскости ее понимания как открытой экономики, в-четвертых, как взаимосвязи экономического и социального. В методологическом плане исследование опирается на взаимопроникновение и взаимодополняемость политической экономики и институционализма, которое означает соединение объективных основ процессов и явлений (политико-экономический аспект) с определением условий и предпосылок их реализации, учетом субъективных факторов (институциональный аспект). Этот двойственный методологический принцип может быть применен к различным объектам. Так, понятие «регион» трактуется как экономическое территориальное образование с размытыми границами (открытая экономическая система), но в то же время их упорядоченность обеспечивается благодаря использованию понятия административно-территориальной единицы. Осуществлена структуризация регионального воспроизводства как открытой экономической системы, которая предполагает выдвижение ряда фундаментальных проблем (четырёхблочная система видов экономической деятельности на основе принципа «ввоз-вывоз», корректирующая роль рынка, разноразмерность производства как необходимое условие нормального развития, структурный сдвиг в направлении торговой деятельности и другие). Область применения результатов исследования – теория воспроизводства, блок конкретно-экономических, организационно-управленческих наук, связанных с регионом и региональной хозяйственной политикой. Дальнейшее рассмотрение открытой региональной экономической системы предполагает вычленение в экономике двузначных процессов – депрессивного и инновационного характера. Движение экономики осуществляется посредством выявления торжествующих моментов, их устранения и поиска новых рыночных ниш, новых импульсов развития.

Ключевые слова: региональная экономика, воспроизводство, открытая экономическая система, концепции регионального воспроизводства, материальное производство, многоуровневость экономики, самодостаточность экономики, корректирующая роль рынка, взаимосвязь экономического и социального, депрессивный регион.

**CONCEPTUAL FRAMEWORK OF THE REGION
RESEARCH AS AN OPEN ECONOMIC SYSTEM:
SYNTHESIS OF POLITICAL ECONOMY AND INSTITUTIONALISM**

Bronislav D. Babaev

ORCID ID: [0000-0002-0398-2279](https://orcid.org/0000-0002-0398-2279), Researcher ID: [F-8011-2018](https://orcid.org/F-8011-2018)

E-mail: politeconom@yandex.ru

Ivanovo State University
39, Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russia

Elena E. Nikolaeva

ORCID ID: [0000-0001-6224-0331](https://orcid.org/0000-0001-6224-0331), Researcher ID: [K-2904-2017](https://orcid.org/K-2904-2017)

E-mail: divn2002@yandex.ru

Ivanovo State University
39, Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russia

Regional economy issues are popular in modern economic literature, but majority of the studies are characterized as specific economic, organizational or managerial in their origin. At the same time, fundamental theoretical issues of territorial development should also be considered. The main object of this article is to reveal the regional economy concept, first, within the framework of the reproduction approach, secondly, within its multilevel nature, thirdly, in terms of its understanding as an open economy, and fourth, as the interrelation between the economic and social. From methodological point of view, the research is based on the interpenetration and complementarity of political economy and institutionalism, that means the combination of the objective foundations of processes and phenomena (the political and economic aspect) with the definition of conditions and prerequisites for their implementation, taking into account subjective factors (institutional aspect). This dual methodological principle can be applied to different objects. Thus, the concept of "region" is interpreted as an economic territorial formation with blurred borders (an open economic system), but at the same time the orderliness of these borders is provided through the use of the concept of an administrative-territorial unit. Structurization of regional reproduction as an open economic system has been made. The system involves the nomination of a number of fundamental problems (the four-block system of economic activities on the basis of an import-export principle, the corrective role of the market, the multidimensionality of production as a necessary condition for normal development, a structural shift towards trade activities and others) have been made. The research results can be applied in the theory of reproduction, in the field of specific economic, organizational and managerial sciences related to the region and regional economic policy. Further consideration of the open regional economic system implies the isolation of two-valued processes in the economy – a depressive and innovative one. The movement of the economy is carried out by identifying the braking moments, their elimination and the search for new market niches, new development impulses.

Key words: regional economy, reproduction, open economic system, concepts of regional reproduction, material production, multilevel economy, self-sufficiency of the economy, corrective role of the market, interrelation of economic and social, Ivanovo region, depressive region.

Введение

В нашей стране на протяжении последних 25 лет продолжают оставаться чрезвычайно актуальными проблемы регионального воспроизводства. Это связано с целым рядом причин. Во-первых, трансформация экономической системы страны разрушила основы прежней системы, вовлекла регионы страны в глубочайший трансформационный кризис, который смогли преодолеть не во всех территориальных образованиях. Во-вторых, сохраняется чрезвычайно высокая дифференциация эко-

номического пространства страны, связанная как с неодинаковой обеспеченностью необходимыми для развития в современных условиях ресурсами, так и со сложившимся в предшествующий период территориальным разделением труда в рамках единого народнохозяйственного комплекса. В-третьих, усиливается разрыв в социально-экономическом развитии не только между регионами страны, но и внутри регионов, порождающий возникновение заброшенных, «умирающих территорий», депрессивных регионов. Это создает угрозы национальной безопасности страны.

Проблемные регионы не в состоянии самостоятельно решить свои социально-экономические проблемы и требуют активной поддержки государства. Для выработки адекватных мер государственного регулирования необходимо обратиться к теории регионального воспроизводства.

Современные концепции регионального воспроизводства и методология исследования

В нашей стране существуют различные научные центры, исследующие воспроизводственные проблемы. В Институте экономики РАН ряд исследователей (акад. В.И. Маевский [1; 2], Д.Е. Сорокин [3; 4], Р.С. Гринберг [5], П.В. Савченко [5] и др.) в теоретико-методологическом ключе работает над воспроизводственной проблематикой в рамках национальной экономики с учетом глобализации мировой экономики. В журнале «Экономист» активно публикуются статьи С.С. Губанова [6; 7], П.А. Игнатовского [8] и др. по проблемам воспроизводства в основном с материалистических позиций. В регионах Верхневолжья (Ярославль, Кострома, Иваново) функционируют вузовские исследовательские центры, в которых ученые занимаются воспроизводственной проблематикой: разрабатывают региональный аспект распределительных отношений, исследуют систему противоречий и парадоксов в экономике мезоуровня и другие вопросы [9].

Назовем ряд научных концепций, которые имеют отношение к исследованию темы регионального воспроизводства: теория технологических укладов (С.Ю. Глазьев [10; 11], Д.С. Львов [11; 12] и др.); теория макрогенерации (В.И. Маевский [1; 13]); новая теория воспроизводства, опирающаяся на «переключающийся режим воспроизводства» (В.И. Маевский [2], С.Ю. Малков [2]); концепция неоиндустриализации и вертикальной интеграции (С.С. Губанов [6; 7]); многообразные кластерные концепции (например, коллективные работы ученых Екатеринбургского И.В. Макаровой, А.П. Петрова, А.И. Татаркина и др. [14; 15]); концепция взаимосвязи материального и нематериального производства (В.А. Медведев [16],

В.Н. Черковец [17], Б.Д. Бабаев, Е.Е. Николаева и др. [9 (гл. 1, 4); 18; 19]); концепция взаимосвязи экономического и социального аспектов (Д.С. Львов [11; 12], Н.П. Федоренко [20]); концепция единства обобществленной и необобществленной экономики (Б.Д. Бабаев, М.Е. Мусллова [21]); концепция единства рыночного и нерыночного хозяйства (В.А. Мартынов [22]) и др.

В контексте исследуемых вопросов следует подчеркнуть, что термины «воспроизводство» и «регион» практически не используются в западной экономической теоретической литературе (например, в работах таких ученых, как М. Блауг, Б. Селигмен [23; 24]). Эти термины мы также не найдем и в популярных на Западе экономических словарях¹. Правда, в трудах зарубежных и отечественных исследователей, опирающихся на марксистскую концепцию, термин «воспроизводство» сохраняет свою силу. По-видимому, аналогом понятия «воспроизводство» в зарубежной литературе является термин «экономический рост».

Следующее замечание, касающееся темы настоящего исследования, связано с понятием «региональная наука». Его появление в литературе связано с именем американского экономиста У. Изарда [25]. В основе авторских суждений об «открытой экономике» лежит методологический плюрализм, который в качестве исследовательского приема признан и у нас, и на Западе [26]. В нашем понимании, методологический плюрализм – это синтез политэкономии и институционализма. Другими словами, с методологической точки зрения перспективным является исследование темы регионального воспроизводства в плоскости взаимосвязи политической экономики и институциональной экономики, когда на передний план выдвигается тема институционализации экономических законов, то есть создание таких условий и

¹ Например, Pass C., Lowes B., Davies L. Collins dictionary of economics. New York: HarperCollins, 1993. 569 p.; Macmillan dictionary of modern economics / Gen. ed. David W. Pearce. 3 ed. London; Basingstoke: Macmillan ref. books, 1986. 462 p.

предпосылок, которые в наибольшей степени обеспечивают реализацию требований самих экономических законов. Одним из разработчиков этого направления исследования является кафедра экономической теории и региональной экономики ИвГУ (см., например, [27; 28]). Мы исходим из того, что региональное воспроизводство надлежит рассматривать в рамках теоретико-прикладных суждений воспроизводственного характера. При этом мы поддерживаем идею многоуровневости самого производства, когда выделяется мировая экономика, национальная экономика, региональная экономика, экономика муниципалитетов (субрегиональное воспроизводство), поселенческая экономика (в нашей литературе этот аспект практически не разрабатывается), экономика предприятия с учетом рыночного аспекта, экономика домохозяйства, «экономика индивида». Отметим, что в «новой» теории воспроизводства В.И. Маевского выделяется еще 2 уровня иерархической организации реального сектора экономики – квазимезоуровень, занимающий промежуточное положение между микро- и мезоуровнями экономики, и квазимакроуровень, расположенный между мезо- и макроуровнями экономики. Это связано с пониманием реального сектора как открыто-замкнутой системы [2, с. 10–11].

Исследования «открытой региональной экономики» можно усилить за счет разработки концепции инновационно-технологического развития и теории социального капитала. В первом случае, если речь идет о динамике, важен метод «поток-потоки», который целесообразно применять взамен связки «потоки-запасы». «Запас» физического капитала – его оценка на определенную дату. Эта оценка недостаточна для динамических размышлений, необходимо учитывать уровень использования производственных мощностей, понимаемый как поток. При таком подходе сама динамика открытой региональной экономики есть движение совокупности потоков, связанных в первую очередь с основным капиталом (подчеркивается эта объективная сторона) [29].

Однако инновационно-технологический подход, будучи важным, в то же время страдает технологической односторонностью. Его должна сопровождать динамика социального капитала. В суждениях о нем учитываются доверие, добровольные социальные взаимодействия и прочие социальные аспекты при акцентировании внимания на профессиональном обучении и взаимосвязи с человеческим капиталом [30].

Прежде чем перейти к рассмотрению фундаментальных вопросов регионального воспроизводства, выделим существенные, по-нашему мнению, характеристики воспроизводственного подхода: 1) возобновляемость процесса производства, его непрерывность, носящая циклический характер; 2) кругооборотный и одновременно постадийный характер воспроизводства, идущий по формуле «производство – обращение – потребление во взаимосвязи с накоплением»; 3) выдвижение в качестве центрального пункта воспроизводства системы производственных отношений, взаимодействующих как с производительными силами, так и с надстроечными явлениями и сопровождающихся формированием пограничных категорий. Это выводит исследователей на понятия формационных и цивилизационных отношений; 4) вычленение в производстве, распределении, обмене и использовании годового продукта, в его стоимостной и натурально-услуго-вещественной форме; 5) определение двух рядов экономических отношений – по поводу воспроизводства общественного продукта (материальное производство) и по поводу воспроизводства самого человека во всем многообразии его сущностей и функций (нематериальное производство), другими словами, в единстве экономического и социального начал [31]. Подчеркнем, что мы будем опираться не на все аспекты воспроизводственного подхода. Однако само многостороннее содержание этого подхода необходимо сформулировать, поскольку лишь в этом случае можно понять исходные методологические авторские основы настоящего исследования.

Региональное воспроизводство как открытая экономическая система: ключевые вопросы

Региональное воспроизводство, вне всякого сомнения, представляет собой открытую экономику. Когда К. Маркс во втором томе «Капитала» исследовал общественное воспроизводство, то он, по сути, исходил из условий закрытой экономической системы (если применить эту современную характеристику к марксовской теории). В рамках «кругооборотной методологии» в центре воспроизводственного подхода находится теория реализации совокупного общественного продукта на примере материального производства с выделением соответствующих подразделений общественного воспроизводства. При этом акцент делается на условиях, которые необходимы для постоянного возобновления процесса производства [32, гл. 20–21, с. 441–596].

Открытую экономику со стороны производства товаров и услуг нельзя рассматривать как самодостаточную, она функционирует не только за счет собственных ресурсов, но и за счет своей включенности в общественное разделение труда. Со стоимостной точки зрения экономика региона, по сути, может и должна быть *самодостаточной* (в РФ до такого идеала далеко), что предполагает зарабатывание регионом средств как для своего собственного существования и развития с учетом функции патроната, так и в интересах осуществления взаимодействия с вышестоящей хозяйственной системой, прежде всего в лице государственного сектора. Одной из серьезных проблем в региональном воспроизводстве в нашей стране является зависимое положение регионов и их муниципальных образований, их неспособность к саморазвитию. Покажем это на примере Ивановской области, которая является депрессивным регионом. Обратимся к развернутым данным системы национальных счетов (далее – СНС) об использовании валового регионального продукта, например в 2013 и 2014 гг. Статистика за 2013 г. свидетельствует, что ВРП в теку-

щих ценах составлял 158 229 млн руб., а конечное потребление домохозяйств, государственного управления вместе с валовым накоплением основного капитала – 247 552 млн руб. Данные за 2014 г. показывают, что в регионе валовая добавленная стоимость составила 151 047 млн руб., а конечное потребление домашних хозяйств, государственного управления в совокупности с валовым накоплением основного капитала – 268 021 млн руб.¹ За счет чего покрывается разница в размере 89 323 млн руб. в 2013 г. и 116 974 млн руб. в 2014 г. Во-первых, за счет безвозмездных перечислений из федерального центра (пенсии, различные социальные пособия, выплачиваемые из федеральных фондов; субсидии, дотации в региональный бюджет из вышестоящего бюджета и др.). Во-вторых, за счет денежных переводов населения (от 5 до 15 % жителей населенных пунктов Ивановской области трудятся за ее пределами, преимущественно в Москве). В-третьих, указанная разница может покрываться за счет использования населением ранее сделанных сбережений, продажи организациями имущества за пределы области. На данном примере нетрудно убедиться в *высокой значимости внешнего фактора* для депрессивного региона. Следует отметить, что дотируемые регионы становятся все более зависимыми от центра, а регионы-доноры теряют стимулы для увеличения своей доходной базы и привлечения дополнительных инвестиций. Следовательно, социально-экономическое развитие большинства субъектов РФ в настоящее время возможно только благодаря финансовой поддержке других регионов, а также федерального центра.

Кроме того, в состав региональной экономической системы включаются *воспроизводственные системы низшего уровня – муниципальная и поселенческая экономика*. К примеру, Ивановская область состоит из 144 муниципальных образований (21 муниципальный район, 6 городских округов, 24 городских и 93

¹ Ивановская область. Статистический ежегодник: стат. сб. / Ивановостат. Иваново, 2016. С. 179.

сельских поселений) при территории области в 21,4 тыс. км² и численности населения на 01.01.2016 – 1029,8 тыс. чел.¹ Открытая хозяйственная система в отношении нижестоящих систем и структур выполняет роль *патронирования*. Необходимость патронажа диктуется тем, что практически все субъекты региональной экономики являются дотационными. Доходная часть регионального консолидированного бюджета Ивановской области на 50 % формируется за счет безвозмездных перечислений из федерального центра, но, в свою очередь, бюджеты муниципалитетов в отдельных случаях на 70–80 % создаются за счет безвозмездных перечислений из регионального бюджета. В итоге мы наблюдаем, что экономика Ивановской области носит не только *депрессивно-дотационный характер, но и имеет перераспределительную природу*. О слабости муниципальных бюджетов свидетельствуют следующие данные: в Ивановской области доход муниципального района без областного центра в среднем составляет менее 70 млн руб. при средней численности населения 4,3 тыс. чел. Получается, что на одного жителя приходится около 16 тыс. руб. Есть еще поселенческий уровень – сельские и городские поселения, на который в соответствии с действующим законодательством возложены многообразные функции (по нашим оценкам, не менее 30). Однако общая слабость государственной политики, характерная для России, заключается в том, что эти полномочия не обеспечены необходимыми ресурсами. Часто складывается ситуация, когда поселения не имеют в достатке средств не только для своего развития, но и для нормального существования (поддержание территории, организация функционирования населенных пунктов, обустройство дорог и мостов и прочее). Приводимые нами цифры свидетельствуют о необходимости перестройки консолидированного бюджета РФ с тем, чтобы поднять долю региональных и

местных бюджетов в жизнедеятельности периферийных территорий.

В итоге приходим к выводу о высокой степени зависимости самого региона как от позиционирования в общественном разделении труда, так и от его взаимосвязи с государством. Одновременно говорим и о том, что региональный субъект, муниципальные районы, города областного подчинения и сам областной центр также находятся в существенной зависимости от тех ресурсов, которые в их распоряжение предоставляет как федеральный центр, так и сам регион. В связи с этим применительно к функционированию региона следует учитывать, что региональная экономика работает как на внутреннее потребление, так и на вывоз. Соответственно при рассмотрении хозяйственной системы как открытой экономики необходимо выделить иную структуру видов экономической деятельности (по принципу «ввоза – вывоза») с учетом двух моментов – включенности региона в вышестоящую хозяйственную систему (национальную и мировую) и патроната региона над системами нижестоящего уровня (субрегиональный и поселенческий уровень, предприятие, домашнее хозяйство, индивид). Принимая во внимание вышесказанное, дадим следующую трактовку состава сфер экономической деятельности в рамках регионального воспроизводства:

1. *Ввоз ресурсов – их переработка в регионе – вывоз готовой продукции*. Это, по сути, «проточная экономика». В Ивановской области под эту схему подходит производство хлопчатобумажной продукции, доля которого в 2010 г. составляла 76 % общероссийского производства (производство хлопчатобумажных тканей в РФ составило 1542 млн м², в Ивановской области – 1172,8 млн м²), в 2015 г. – 85,7 % (в РФ – 1121 млн м², в Ивановской области – 960,3 млн м²)², но наблюдается тенденция падения производства хлопчатобумажных

¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 47.

² Рассчитано по данным источников: Промышленное производство в России: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 182; Ивановская область. Стат. ежегодник: стат. сб. / Ивановостат. Иваново, 2016. С. 233.

тканей как по стране в целом, так и по Ивановской области в частности.

2. Ввоз ресурсов – переработка в границах территории – потребление внутри региона. Наиболее типичный пример – производство хлеба и хлебобулочных изделий, поскольку мука в основном завозится из-за пределов Ивановской области. Частично под эту сферу хозяйственной деятельности подпадает и производство хлопчатобумажных тканей.

3. Местные ресурсы – местная переработка – вывоз. В качестве примера можно взять лес и лесопroduкцию, поскольку половина территории Ивановской области покрыта лесами (по данным на конец 2015 г. лесистость Ивановской области составляла 46,4 %¹).

4. Местные ресурсы – их внутренняя переработка – внутреннее потребление («местная экономика»). В качестве примеров приведем водоснабжение, теплоэнергетику.

Такая структуризация видов экономической деятельности позволяет сделать акцент на значимости изыскания средств за пределами региона. Если экономика функционирует в рамках региона («местная экономика»), то возможности ее расширения сильно ограничены, при этом в качестве ограничивающих факторов выступает узость рынка, дефицит ресурсов, денежных доходов населения. При активной работе на вывоз эти «узкие места» преодолеваются, формируются предпосылки для расширенного воспроизводства. Ивановская область недостаточно работает на вывоз своей продукции за пределы региона. При этом регион уступает серьезные сегменты внутреннего рынка более предприимчивым производителям из Московской, Владимирской, Костромской, Вологодской, Нижегородской областей и других субъектов РФ. Это касается хлебобулочных и кондитерских изделий, молочной продукции, мясных и колбасных изделий и проч. Внешние конкуренты теснят ее даже в области производства товаров ши-

рокого потребления, не говоря уже о предметах длительного пользования. Открытая экономика дает определенные преимущества региону с точки зрения включенности в общественное разделение труда, сбыта продукции, пополнения ресурсов, но в то же время несет и угрозы, нередко очень серьезные. В 90-е годы импорт текстильных и швейных изделий без протекционистской внешнеторговой политики привел к банкротству целого ряда текстильных предприятий Ивановской области. Это касается и других отраслей. Так, оказались существенно подорваны позиции по производству машин, оборудования, транспортных средств, практически исчезло производство мебели. По отношению к 1991 г., взятому за 100%, в 2015 г. индекс промышленного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» составил 35,8 %, а по производству машин и оборудования упал до ужасающей цифры – 3,7 %²! Отрасль, по существу, свернулась, хотя определенный потенциал еще сохраняется. Поэтому перед регионом стоит задача развития в первую очередь отраслей и производств, ориентированных на внешние по отношению к региону рынки сбыта своей продукции.

В 2017 г. на Петербургском международном экономическом форуме обострилась дискуссия по поводу рассмотрения региона в качестве открытой экономической системы. А.Л. Кудрин и ряд других лиц видят будущее России в не менее чем в 20 крупных агломерациях. Авторы этого подхода, по существу, серьезно не задумываются о том, что в этом случае будет происходить на периферии, социально-экономический потенциал которой начнет затухать в случае, если эти процессы интенсифицируются. Они опираются на существующую тенденцию концентрации экономической деятельности в крупных центрах, куда стекаются наиболее предприимчивые люди, материальные, трудовые и финансовые ресурсы. Эти центры

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 557.

² Ивановская область. Стат. ежегодник: стат. сб. / Ивановостат. Иваново, 2016. С. 214–215.

расширяются и в технико-экономическом, и в организационно-управленческом, и в культурном отношениях. Эта тенденция активно исследуется [33, с. 97–122; 34–38]. Казалось бы, объективным тенденциям концентрации хозяйственной деятельности в крупных городах трудно противостоять. Наше критическое суждение заключается в том, чтобы с помощью государства «подправить» рынок и не допустить деградации периферии за счет оптимизационных стратегических решений. Как у нас, так и на Западе тема регулирующей роли государства обычно трактуется во взаимосвязи с промышленной политикой. Западные исследователи опасаются, что в условиях коррупции и слабости политического режима государство будет играть доминирующую роль [39]. Мы разделяем точку зрения многих прогрессивно мыслящих исследователей, которые исходят из концепции регулируемого рынка [40]. Надо полагать, что механизмом, адекватным открытой экономике, является, по-видимому, взаимодействие централизованного управления и конкуренции, о чем говорят как отечественные, так и зарубежные ученые. В частности, в исследованиях по данной проблематике часто упоминается, например, имя Вальтера Ойкена [41]. В свою очередь, представители западной региональной науки Х. Армстронг и Дж. Тейлор дают характеристику регионов и рассматривают важнейшие вопросы региональной политики [42].

Мы исходим из того, что региональная экономика, с одной стороны, характеризуется началами самоорганизации, самодвижения, а с другой – является объектом государственного регулирования (впрочем, в регулировании принимают участие вообще все крупные структуры, если они имеются в регионе).

Во-первых, любая страна должна обеспечить нормальное функционирование своей хозяйственной территории. Это элементарное требование любой экономики, претендующей на самодостаточность. Особо выделим моменты коммуникационного характера: ведь развитие экономики пред-

полагает движение товаров, услуг, капиталов, перемещение рабочей силы.

Во-вторых, наша страна обладает колоссальными ресурсами, при этом в качестве таковых выступают не только сельскохозяйственные угодья, леса, полезные ископаемые, воды, воздух, но и территория как таковая. Это наше великое конкурентное преимущество, которое необходимо реализовать.

В-третьих, можно много говорить о постиндустриальной экономике, о пользе Интернета, активно развивать идею виртуальной (цифровой) экономики, но не следует забывать о первостепенной значимости материального производства, которое обеспечивает население пищей, одеждой, жилищем, дает возможность оказывать транспортные услуги и услуги связи, то есть создает первооснову существования человека и общества. Следует учитывать, что сама цифровая экономика с технической стороны зиждется на машинах, оборудовании, приборах, иных вещах, производимых обрабатывающими производствами. Любые успехи в сфере виртуальной экономики, по сути, обеспечиваются техническими успехами в материальном производстве, которое остро нуждается в государственной поддержке.

В социально-экономическом «движении» регионов происходит взаимодействие инициативы «снизу» и регулирования «сверху». В таком ключе тема длительное время разрабатывается на кафедре экономической теории ИвГУ. В западной литературе эта же идея подается как определение подходов «снизу – вверх» и «сверху – вниз» в рамках «многослойной» промышленной политики (США, Германия) [43]. Мы считаем, что необходимо создавать координационные региональные и межрегиональные центры.

Также необходимо обратиться к вопросу *о разноразмерности производства*, которое связано с общественным разделением труда. Одни задачи успешно решают крупные или сверхкрупные предприятия типа ПАО «НПО «Сатурн»» (численность работающих на предприятии по состоянию

на 1-й квартал 2017 г. – 12 141 чел.)¹, другие задачи решают средние по объемам производства предприятия, работая в существенной степени на местные рынки, но есть ниши для малых хозяйственных форм, прежде всего в сфере торговли и услуг. Одной из серьезных проблем экономики Ивановской области является утрата крупнейших и крупных предприятий в годы реформ 90-х годов, например Ивановского и Родниковского меланжевых комбинатов, где численность рабочих достигала 10–12 тыс. чел. Конечно, современное производство далеко не всегда в смысле масштабов измеряется числом работающих, но этот показатель существенен. Крупные предприятия обеспечивали не только занятость, доходы населения, поступления в казну, но и развитие инфраструктуры – как производственной, так и социальной, создавали привлекательную для проживания людей среду. Можно делать ставку на активизацию малого и среднего бизнеса, это верный подход, но без амбициозных проектов экономику проблемного региона сложно или даже практически невозможно вывести из состояния депрессии. Для таких депрессивных регионов, как Ивановская область, чрезвычайно высока значимость внешних инвестиций, которые дают хороший мультипликационный эффект занятости, и инвестиций (коэффициент порядка 5–6) за счет потребителей продукции крупных предприятий в виде малых и средних форм бизнеса.

Нельзя не отметить тот факт, что **открытая экономика сыграла свою выдающуюся роль во многих регионах с точки зрения опережающего развития торговли**. Так, в 2014 г. в Ивановской области доля вида экономической деятельности «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов длительного пользования» составила 53 % от ВРП. Постараемся объяснить этот «торго-

вый феномен». Обратим внимание на следующие аспекты:

1. В советское время государство направляло основные усилия на развитие производства. При этом сфера товарного обращения недооценивалась, к тому же в условиях плановой экономики в некоторых ее элементах, возможно, не было особой нужды. Этот пробел рыночная экономика пыталась устранить.

2. Подъем торговли и бытового обслуживания связан с ростом доходов населения, который в период 2005–2015 гг. опережал повышение производительности труда.

3. Сфера торговли и оказания услуг населению в заметной степени обеспечивала самозанятость людей, которые в условиях недостатка рабочих мест, свертывания промышленного производства с устраивающей их заработной платой открывали свое собственное дело (сначала «челночный» бизнес, затем организованная торговля). В торговле многие виды услуг характеризуются использованием простых технологий, не требующих специальной квалификации, особых знаний, сравнительно небольшим стартовым капиталом.

4. В повышении роли торговли выдающуюся роль сыграл сам характер экономики как открытой, это касается импорта (даже сейчас в РФ в товарных ресурсах доля импорта составляет не менее 40 %) и экспорта товаров, а также торгово-экономических связей межрегионального и межмуниципального характера.

5. Особую роль в развертывании торговли сыграла близость к Москве, которая выступает и как поставщик ресурсов в громадном разнообразии, и как рынок сбыта. Ивановскую область недаром относят к Подмосковию, к московской агломерации. В объяснении «торгового прорыва» важна роль Иванова как сформировавшегося **торгово-логистического текстильно-швейного кластера всероссийского значения**. Соседние регионы даже организуют автобусные шоп-туры для покупки тканей, комплектов постельного белья, другой текстильно-швейной продукции.

¹ Годовой отчет ПАО «Научно-производственное объединение «Сатурн» за 2016 г. С. 59. URL: <http://stroim-samolet.ru/oa0-rybinskie-motory> (дата обращения: 10.03.2018).

Заметную роль здесь играет разница в ценах. Так, в Москве комплект постельного белья стоит примерно в 2 раза дороже, чем в Иванове.

Для характеристики открытой экономики региона целесообразно вернуться к воспроизводственной цепи «производство – обращение – потребление во взаимосвязи с накоплением». Относительно производства можно сказать, что представляет интерес *выгодность разных видов экономической деятельности*, показываемая в статистических сборниках в разделе СНС. В качестве показателя мы берем отношение валовой добавленной стоимости к выпуску в основных ценах. В целом по экономике Ивановской области в 2014 г. этот показатель равен 42 %, в обрабатывающих производствах – 26 %, в торговле – 40 %. Интересно, что при переходе от СНС к реальным показателям рентабельности товаров и активов мы сталкиваемся с цифрами, не слишком корреспондирующимися с рассчитанным нами показателем по ВДС. Но это уже вопросы особого характера.

Переходя к обращению, как элементу воспроизводственной цепи, укажем, что оно конституируется как рынок. О стимулирующей роли рынка говорят достаточно много, равно как и о том, что он выступает известным ограничителем производственной деятельности: производится то, что реализуется, то есть находит спрос. Мы обращаем внимание на *корректирующую роль рынка*, заключающуюся в том, что рыночные законы корректируют пропорции, сложившиеся в соответствии с законами производства. Так, в производстве складывается определенная пропорциональность как между видами деятельности, так и между живым и овеществленным трудом. Но эта пропорциональность не является окончательной, ее корректирует существующий на рынке спрос, точнее соотношение между спросом и предложением. При этом результаты корректировки со стороны рынка могут быть улучшающими, нейтральными или ухудшающими. В связи с корректирующей ролью рынка вновь можно поднять тему необходимости его государственного регулирования. Су-

ществуют мягкие формы регулирования цен, например установление надбавок к издержкам, которые могут удачно корреспондировать с договорными отношениями, получающими развитие в различных секторах экономики. Для машиностроения, химической промышленности контрактная форма особо важна, доля продукции этих отраслей, поступающая на свободный рынок, достаточно скромная.

Возникает теоретический вопрос: в какой степени товарное обращение можно рассматривать как продолжение процесса производства? Известно высказывание К. Маркса, что процесс производства продолжается до тех пор, пока товар не доведен до потребителя. У К. Маркса это увязывается с дополнительными издержками, связанными с транспортировкой, доработкой, упаковкой, хранением и другими операциями, которые являются условием сбыта продукции. Эти затраты носят стоимостьобразующий характер, на что требуется обратить особое внимание. Что касается чистых издержек, то К. Маркс их рассматривает как вычет из общественного продукта. Но эти издержки, связанные в решающей степени с деньгами, нельзя рассматривать лишь как некий формальный акт или счетную операцию, это признание общественной природы продукта и создавшего его труда.

В связи с рынком, который в данном случае мы рассматриваем не как абстракцию, а как реально функционирующий организм, целесообразно поставить вопрос о его *фрагментации*. Применительно к любому населенному пункту как территориальной единице можно использовать понятие «функционирующий рынок», который является как бы составным, включая в себя частицу мирового и национального рынка, долю регионального и муниципального рынка. В то же время в рамках этого рынка можно выделить *местный (локальный) рынок* [44], который предполагает, что продукт произведен из местного ресурса, подвергся обработке в данной местности и реализован на этом рынке. Фрагментация рынка населенного пункта – это не просто мыслительная опе-

рация, а констатация непреложного факта, фиксируемого торговыми и иными организациями.

В рассматриваемой воспроизводственной цепи считаем возможным расширить и конкретизировать категорию потребления, выделив в качестве потребителей население, социальную сферу как структурное звено, бизнес с его производственными запросами, государство, с его политико-правовым окружением (политические организации, правоохранительные органы и проч.). Естественно, в данном случае различается использование как предметов потребления, так и средств производства, а также материальных и нематериальных услуг. Подобного рода подход снижает уровень абстрактности рассуждений и приближает нас к действительным фактам самой социально-экономической жизни.

Классическую воспроизводственную цепь, (производство – обращение – потребление) мы дополняем моментом накопления, которое мы истолковываем в духе операций, завершающих кругооборот. Соотношение потребления и накопления в современных условиях очень существенно. В настоящее время многие исследователи ставят вопрос о том, чтобы норма накопления в ВВП достигала 30–35 % (С.Ю. Глазьев и др.)¹. С этой цифрой можно согласиться, если учитывать такие грандиозные задачи, как новая индустриализация, широкое внедрение современных технологий, импортозамещение, инфраструктурное обустройство территорий страны, задачи обеспечения национальной безопасности в РФ.

В связи с тем что мы рассматриваем региональную проблематику и широко опираемся на практику Ивановской области, укажем на следующие парадоксы. По показателю ВРП на душу населения в

2014 г. Ивановская область в 2,1 раза уступает Ярославской области – 145 243,7 руб. и 305 210,7 руб. соответственно². Этот показатель можно истолковать как измерение уровня производительности регионального труда. Казалось бы, такому различию в эффективности деятельности региона должны соответствовать существенные различия в заработной плате. На самом деле зарплата в Ивановской области в 2014 г. была меньше, чем в Ярославской всего лишь в 1,23 раза³. Этот парадокс повторяется и при сравнении Ивановской области с Владимирской и Костромской областями. Отметим также, что доля зарплаты в обороте организаций⁴ в Ивановской области составляла в 2014 г. 25,8 %. Это высокий показатель. В данном случае сказывается низкая производительность труда. Расчеты по соседним регионам дают цифры от 15 до 20 %. Дальнейший анализ требует прояснить, как обстоит дело с долей накопления, которую мы представим в виде доли инвестиций. В Ивановской области инвестиции в основной капитал в 2014 г. составили 33 075 млн руб., их доля в обороте организаций – 7 %. Этого недостаточно для обеспечения подъема экономики региона. Более привычно показывать инвестиции в их отношении к ВРП. В этом случае цифра возрастает и составляет в 2014 г. почти 22 %⁵. Но этого тоже недостаточно для решения инвестиционных проблем депрессивной территории. Мы сталкиваемся с известным положением:

² Ивановская область. Стат. ежегодник / Ивановостат. Иваново, 2016. С. 458.

³ В 2014 г. в Ивановской области среднемесячная начисленная заработная плата составляла 20592,2 руб., в 2015 – 21160,5 руб., в Ярославской области – 25 433,5 и 26 747,7 руб. соответственно (Ивановская область. Стат. ежегодник: стат. сб. / Ивановостат. Иваново, 2016. С. 441).

⁴ Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата в годовом измерении (рассчитана как произведение среднемесячной начисленной заработной платы 20 592,2 руб. и 12 месяцев года), умноженная на численность занятых по балансу затрат труда (487,5 тыс. чел.), соотносится с оборотом организаций (465 854 млн р.).

⁵ Ивановская область. Стат. ежегодник: стат. сб. / Ивановостат. Иваново, 2016. С. 203, 395.

¹ См., например: Глазьев представит план по усилению экономического суверенитета России. 08.09.2015. URL: <http://rusvesna.su/economy/1441691907> (дата обращения: 17.09.2017); Сергей Глазьев: 12 шагов для экономического развития России. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/03/27/10595417.shtml> (дата обращения: 17.09.2017).

низкая производительность труда вызывает и заниженную зарплату, и ограниченные инвестиции. Невысокие доходы подрывают трудовую мотивацию, а низкая инвестиционная активность не позволяет обеспечить сколько-нибудь приемлемые темпы экономического роста. В контексте наших рассуждений ключевой момент – производительность труда, для ее повышения требуется мотивированный квалифицированный персонал и достаточно высокий уровень инвестиций и в основной капитал, и в оборотные материальные средства.

Таким образом, в рамках понимания региона как открытой экономической системы необходимо рассмотреть *взаимосвязи экономического (движение продукта) и социального (объект рассуждения – сами люди)*. С позиции материалистического понимания истории первенство принадлежит материальному производству как необходимому фактору жизнедеятельности людей. Исторически такой подход справедлив. Однако сложившаяся ситуация, характерная для современного мира, затрудняет возможность четко определить, что первично, а что вторично как в известной притче о курице и яйце. Ответ носит диалектический характер: система существует как единство экономического и социального на основе прямых и обратных связей. Без материального производства люди вообще не могут существовать: нынешнее общество и сопровождающая его экономика как таковые немислимы без развитой социальной сферы. Тот же Интернет, значение которого колоссально, есть результат содружества лиц, одни из которых заняты в материальной сфере, а другие действуют в области социальных отношений. Единство экономического и социального есть не только основа жизнедеятельности людей, но и фактор развития их общностей и каждого индивида в от-

дельности. Значимость регионов как первоосновы общества и государства, как его фундамента, естественно, в связи с этим очень значительна. Таким образом, социально-экономическая система страны рассматривается как единое экономическое и социальное пространство, но в то же время и как дифференцированное, поскольку выделяется региональный аспект.

Заключение

В научной литературе, а также в различных средствах массовой информации ведутся оживленные дискуссии о судьбах депрессивных территорий, включая старопромышленные регионы, малые города и сельские поселения. Любая территория только тогда живет и приносит пользу, когда на ней проживают люди, развивается производство, функционирует бизнес, действует власть. По нашему убеждению, необходимо противостоять тенденции концентрации экономической деятельности в определенном числе крупных центров, ограничивая эти процессы, регулируя их с учетом не только интересов крупных городов, но и громадной периферии. Здесь остроту приобретает дискуссия о познании и использовании экономических законов, а также выборе наиболее благоприятных вариантов развития, которую активно развивал, в частности, академик Л.И. Абалкин.

Эти проблемы удачнее решаются в рамках открытой экономики с соответствующей ей социально-экономической политикой государства. Конкретно речь идет о перераспределении ресурсов в пользу периферии, когда ей гарантируется существенная доля валового национального продукта в интересах не просто поддержания деятельности, а развития территорий. В этом случае возрастет конкурентоспособность регионов, которые начнут развиваться в рамках национальной и даже мировой экономики.

Список литературы

1. *Маевский В.И.* Эволюционная теория и макроэкономика // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 26–39.
2. *Маевский В.И., Малков С.Ю.* Новый взгляд на теорию воспроизводства. М.: ИНФРА-М, 2015. 238 с.
3. *Сорокин Д.Е.* Воспроизводственный ракурс российской модернизации // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 6. С. 117–123.
4. *Сорокин Д.Е.* Концепция устойчивого инновационного роста: монография. М.: Финансовый ун-т, 2012. 179 с.
5. *Абамова М.А., Андрианов В.Д., Ахапкин Н.Ю. и др.* Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития: коллективная монография / под ред. Р.С. Гринберга и П. В. Савченко. М.: ИНФРА-М, 2014. 416 с.
6. *Губанов С.С.* Путь развития России: назревшее уточнение // Экономист. 2010. № 4. С. 3–7.
7. *Губанов С.С.* Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3–27.
8. *Игнатовский П.* Исторические перспективы воспроизводства материальных и духовных благ // Экономист. 1998. № 11. С. 43–54.
9. *Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б., Боровкова Н.В., Езерская С.Г., Зайцева Н.Е., Николаева Е.Е., Попова Т.К., Сергеева М.Е.* Региональное воспроизводство: фундаментальные вопросы теории и практики (по материалам областей Верхневолжья): науч. изд. / под общ. ред. Е.Е. Николаевой. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. 308 с.
10. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993. 310 с.
11. *Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г.* Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного управления. М.: Наука, 1992. 207 с.
12. *Львов Д.С.* Экономика развития. М.: Экзамен, 2002. 512 с.
13. *Маевский В.И., Каждан М.Я.* Эволюция макрогенераций (на примере экономики США) // Экономика и математические методы. 1997. Т. 33. № 4. С. 153–157.
14. *Использование кластерного подхода в модернизации экономического пространства Российской Федерации* / под ред. акад. РАН А. И. Татаркина. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013. 535 с.
15. *Макарова И.В., Петров А.П., Аверина Л.М.* Теория и практика формирования кластерной политики региона. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2012. 169 с.
16. *Медведев В.А.* Социалистическое производство. Политико-экономическое исследование. М.: Экономика, 1976. 326 с.
17. *Черковец В.* О содержании понятия «реальный сектор экономики» и роли материального производства (материалы к лекциям и семинарам) // Российский экономический журнал. 2001. № 11–12. С. 49–62.
18. *Николаева Е.Е., Бабаев Б.Д.* Распределение как фаза общественного воспроизводства и проблемы мотивационного механизма общества // Деформации общественного воспроизводства: диспропорции, риски, неустойчивость: науч. изд. / под общ. ред. проф. Б.Д. Бабаева. Кострома: Знание, 2006. С. 43–57.
19. *Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б., Боровкова Н.В., Николаева Е.Е., Попова Т.К., Сергеева М.Е., Белкин Е.А.* О некоторых фундаментальных вопросах регионального воспроизводства: постановка проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. «Экономика». 2016. № 2. С. 29–57.
20. *Федоренко Н.П.* Гуманистическая экономика. М.: Экономика, 2006. 188 с.
21. *Бабаев Б.Д., Муслова М.Е.* Локальное (местное) воспроизводство: теоретико-прикладные проблемы: монография / под общ. ред. Б.Д. Бабаева. Шуя: Изд-во ГОУ ВПО «Шуйский гос. пед. ун-т», 2011. 112 с.
22. *Переходная экономика: теоретические аспекты, российские проблемы, мировой опыт* / ред. В.А. Мартынов, В.С. Автономов, И.М. Осадчая. М.: Экономика, 2005. 720 с.
23. *Blaug M.* Economic theory in retrospect (5th ed.). Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1997. 751 p.
24. *Seligman B.* Main currents in modern economics: Economic thought since 1870. New York: Free Press of Glencoe, 1963. 887 p.

25. *Isard W.* Methods of regional analysis: An introduction to regional science. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1960. 832 p.
26. *Economic pluralism* / Ed. by R. Garnett, E.K. Olsen, M. Starr. New York: Routledge, 2010. 302 p.
27. *Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б.* Взаимосвязь политической экономии и институционализма – важное направление совершенствования экономико-теоретического знания // Журнал экономической теории. 2013. № 2. С. 84–93.
28. *Николаева Е.Е., Роднина А.Ю.* Продуктивность использования синтеза политической экономии и институционализма в исследовании распределительных и кредитных отношений // Второй международный политэкономический конгресс «Возвращение политэкономии»: сб. материалов: в 2 т. / под ред. А.В. Бузгалина и М.И. Воейкова. М.: Культурная революция, 2015. Т. 2. С. 173–182.
29. *Bush P.D.* The theory of institutional change // *Journal of Economic Issues*. 1987. Vol. XXI, № 3. P. 1075–1116.
30. *Wei Zh.* A social capital perspective of innovation from individuals to nations. Where is empirical literature directing US? // *International Journal of Management Reviews*. 2010. Vol. 12, № 2. P. 151–183.
31. *Бабаев Б.Д., Боровкова Н.В., Муслова М.Е., Роднина А.Ю.* К вопросу о понимании роли и значения воспроизводственного подхода в экономической теории // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики: сб. науч. тр. / под ред. Б.Д. Бабаева. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. Вып. 2 (18). С. 35–42.
32. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / под ред. Ф. Энгельса. М.: Политиздат, 1984. Т. II. Кн. 2. Процесс обращения капитала. 650 с.
33. *Строев П.В.* Пространственная организация экономики России: тенденции и перспективы развития городов как точек экономического роста: монография. М.: А-проджект, 2015. 144 с.
34. *Ahrend R., Gamper C., Schumann A.* The OECD Metropolitan Governance Survey: A quantitative description of governance structures in large urban agglomerations. OECD Regional Development Working Papers. 2014/04, OECD Publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5jz43zldh08p-en> (дата обращения: 17.04.2017).
35. *Ahrend R.* Urban productivity and governance. Head of regional economics and governance unit. Scorus Meeting. 2014. URL: http://scorus.org/wp-content/uploads/2014/07/2014Brus_Pt1.3.pdf (дата обращения: 22.04.2017).
36. *Brülhart M., Sbergami F.* Agglomeration and growth: Cross-country evidence // *Journal of Urban Economics*. 2009. № 65. Iss. 1. P. 48–63. URL: <http://www.hec.unil.ch/mbrulhar/papers/agglogrowth.pdf> (дата обращения: 10.04.2017).
37. *Nakamura R.* Agglomeration economies in urban manufacturing industries: A case of Japanese cities // *Journal of Urban Economics*. 1985. Vol. 17. № 1. P. 108–124.
38. *Rosenthal S.S., Strange W.C.* Evidence on the nature and sources of agglomeration economies. 2003 // Henderson. V., Thisse J.F. (Eds.) *Handbook of Regional and Urban Economics*. Vol. 4. Elsevier. P. 2243–2291. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTLED/Resources/3396501105473440091/WillAndStuart.pdf> (дата обращения: 22.04.2017).
39. *Altenburg T.* Industrial policy in developing countries. Bonn, 2011. 101 p.
40. *Князев Ю.К.* Современная экономика – синтез рынка и социального регулирования: монография. М.: ИНФРА-М, 2014. 176 с.
41. *Goldshmidt N.* Walter Eucken's place in the history of ideas // *Review of Austrian Economics*. 2013. Vol. 26. № 2. P. 127–147.
42. *Armstrong H., Taylor J.* Regional economics and policy. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2000. 432 p.
43. *Andreoni A.* Varieties of industrial policy: Models, packages, and transformation cycles. Ch. 9 // *Efficiency, Finance, and Varieties of Industrial Policy. Guiding Resources, Learning, and Technology for Sustained Growth* / Ed. by A. Noman, J.E. Stiglitz. New York: Columbia University Press, 2017. P. 245–305.
44. *Феоктистова Н.А.* Локальный (местный) рынок как фрагментация экономического пространства: факторный подход: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Иваново, 2009. 188 с.

Статья поступила в редакцию 16.03.2018

Сведения об авторах

Бабаев Бронислав Дмитриевич – доктор экономических наук, профессор, профессор Межвузовского центра гуманитарных исследований, Ивановский государственный университет (Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39; e-mail: politeconom@yandex.ru).

Николаева Елена Евгеньевна – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономической теории и региональной экономики, Ивановский государственный университет (Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39; e-mail: dvn2002@yandex.ru).

References

1. Maevskii V.I. Evolyutsionnaya teoriya i makroekonomika [Evolutionary theory and macroeconomics]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 1997, no. 3, pp. 26–39. (In Russian).
2. Maevskii V.I., Malkov S.Y. *Novyi vzglyad na teoriyu vosproizvodstva* [A new look at the theory of reproduction]. Moscow, INFRA-M Publ., 2015. 238 p. (In Russian).
3. Sorokin D.E. Vosproizvodstvennyi rakurs rossiiskoi modernizatsii [Reproduction perspective of the Russian modernization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2013, no. 6, pp. 117–123. (In Russian).
4. Sorokin D.E. *Kontsepsiya ustoichivogo innovatsionnogo rosta* [The concept of sustainable innovation growth]. Moscow, Finansovyi universitet Publ., 2012. 179 p. (In Russian).
5. Abamova M.A., Andrianov V.D., Ahapkin N.Yu., etc. *Rossiiskaya sotsial'no-ekonomicheskaya sistema: realii i vektory razvitiya*. Pod red. R.S. Grinberg, P.V. Savchenko [Russian socio-economic system: Reality and development vector. Ed. by R.S. Grinberg, P.V. Savchenko]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 416 p. (In Russian).
6. Gubanov S.S. Put' razvitiya Rossii: nazrevshee utocnenie [The way of development of Russia: Urgent clarification]. *Ekonomist* [Economist], 2010, no. 4, pp. 3–7. (In Russian).
7. Gubanov S.S. Neoindustrializatsiya plus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neoindustrialization plus vertical integration (on a formula for the development of Russia)]. *Ekonomist* [Economist], 2008, no. 9, pp. 3–27. (In Russian).
8. Ignatovskii P. Istoricheskie perspektivy vosproizvodstva material'nykh i dukhovnykh blag [Historical prospects for the reproduction of material and spiritual goods]. *Ekonomist* [Economist], 1998, no. 11, pp. 43–54. (In Russian).
9. Babaev B.D., Babaev D.B., Borovkova N.V., Ezerskaya S.G., Zaitseva N.E., Nikolaeva E.E., Popova T.K., Sergeeva M.E. *Regional'noe vosproizvodstvo: fundamental'nye voprosy teorii i praktiki (po materialam oblastei Verkhnevolzh'ya)*. Pod obshch. red. E.E. Nikolaeva [Regional reproduction: Fundamental issues of theory and practice (in the case study of the Upper Volga regions). Ed. by E.E. Nikolaeva]. Ivanovo, Ivan. gos. unt Publ., 2017. 308 p. (In Russian).
10. Glaz'ev S.Yu. *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of long-term technical and economic development]. Moscow, VlaDar Publ., 1993. 310 p. (In Russian).
11. Glaz'ev S.Yu., L'vov D.S., Fetisov G.G. *Evolutsiya tekhniko-ekonomicheskikh sistem: vozmozhnosti i granitsy tsentralizovannogo upravleniya* [Evolution of technical and economic systems: The possibilities and boundaries of centralized management]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 207 p. (In Russian).
12. L'vov D.S. *Ekonomika razvitiya* [The economy of development]. Moscow, Ekzamen Publ., 2002. 512 p. (In Russian).
13. Maevskii V. I., Kazhdan M. Ya. Evolyutsiya makrogeneratsii (na primere ekonomiki SShA) [Evolution of Macro-Generations (in the case study of the US Economy)]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical methods.], 1997, vol. 33, no. 4, pp. 153–157. (In Russian).
14. *Ispol'zovanie klasternogo podkhoda v modernizatsii ekonomicheskogo prostranstva Rossiiskoi Federatsii*. Pod red. akad. RAN A.I. Tatarikina [The use of the cluster approach in the modernization of the economic space of the Russian Federation. Ed. by Tatarik A.I., memb. of the Russian Academy of Science]. Ekaterinburg, Institut ekonomiki ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2013. 535 p. (In Russian).
15. Makarova I.V., Petrov A.P., Averina L.M. (Ed.). *Teoriya i praktika formirovaniya klasternoy politiki regiona* [Theory and practice of cluster policy formation in the region]. Ekaterinburg, Institut ekonomiki ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2012. 169 p. (In Russian).

16. Medvedev V.A. *Sotsialisticheskoe proizvodstvo. Politiko-ekonomicheskoe issledovanie* [Socialist production. Political and economic research]. Moscow, Ekonomika Publ., 1976. 326 p. (In Russian).
17. Cherkovets V. O sodержanii ponyatiya «real'nyi sektor ekonomiki» i roli material'nogo proizvodstva (materialy k leksiyam i seminarom) [About the development of the "real sector of the economy" concept and the role of material production (materials for lectures and seminars)]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2001, no. 11–12, pp. 49–62. (In Russian).
18. Nikolaeva E.E., Babaev B.D. Raspredelenie kak faza obshchestvennogo vosproizvodstva i problemy motivatsionnogo mekhanizma obshchestva [Distribution as a phase of social reproduction and the problem of the motivational mechanism of society]. *Deformatsii obshchestvennogo vosproizvodstva: disproportsii, riski, neustoiichivost'*. Nauch. izd. pod obshch. red. prof. B.D. Babaeva [Deformations of social reproduction: Disproportions, risks, instability. Sci. publ. ed. by prof. Babaev B.D.]. Kostroma, Obshchestvo "Znanie" Publ., 2006, pp. 43–57. (In Russian).
19. Babaev B.D., Babaev D.B., Borovkova N.V., Nikolaeva E.E., Popova T.K., Sergeeva M.E., Belkin E.A. O nekotorykh fundamental'nykh voprosakh regional'nogo vosproizvodstva: postanovka problem [On some fundamental issues of regional reproduction: Formulation of the problem]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika* [Bulletin of Ivanovo State University. Series Economy], 2016, no. 2, pp. 29–57. (In Russian).
20. Fedorenko N.P. *Gumanisticheskaya ekonomika* [Humanistic economy]. Moscow, Ekonomiks Publ., 2006. 188 p. (In Russian).
21. Babaev B.D., Muslova M.E. *Lokal'noe (mestnoe) vosproizvodstvo: teoretiko-prikladnye problem*. Pod obshch. red. B.D. Babaeva [Local (regional) reproduction: Theoretical and applied problems. Ed. by B.D. Babaev]. Shuya, Shuiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2011. 112 p. (In Russian).
22. *Perekhodnaya ekonomika: teoreticheskie aspekty, rossiiskie problemy, mirovoi opyt*. Red. V.A. Martynov, V.S. Avtonomov, I.M. Osadchaya [Transition economy: Theoretical aspects, Russian problems, global experience. Ed. by V.A. Martynov, V.S. Avtonomov, I.M. Osadchaya]. Moscow, Ekonomika Publ., 2005. 720 p. (In Russian).
23. Blaug M. *Economic theory in retrospect* (5th ed.). Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1997. 751 p.
24. Seligman B. *Main currents in modern economics: Economic thought since 1870*. New York, Free Press of Glencoe, 1963. 887 p.
25. Isard W. *Methods of regional analysis: An introduction to regional science*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1960. 832 p.
26. Garnett R., Olsen E.K., Starr M. (Ed.) *Economic Pluralism*. New York, Routledge, 2010. 302 p.
27. Babaev B.D., Babaev D.B. Vzaimosvyaz' politicheskoi ekonomii i institutsionalizma – vazhnoe napravlenie sovershenstvovaniya ekonomiko-teoreticheskogo znaniya [The interrelation of political economy and institutionalism is an important direction for improving economic and theoretical knowledge]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Journal of Economic Theory], 2013, no. 2, pp. 84–93. (In Russian).
28. Nikolaeva E.E., Rodnina A Yu. Produktivnost' ispol'zovaniya sinteza politicheskoi ekonomii i institutsionalizma v issledovanii raspredelitel'nykh i kreditnykh otnoshenii [Productivity of using the synthesis of political economy and institutionalism in the study of distributive and credit relations]. *Vtoroi mezhdunarodnyi politekonomicheskii kongress "Vozvrashchenie politekonomii"*. Sb. materialov pod red. A.V. Buzgalina, M.I. Voeikova. V 2-kh tomakh. Tom 2. [Second International Political Economy Congress "Return of Political Economy". Proceedings ed. by A.V. Buzgalin, M.I. Voeikov In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2015, pp. 173–182. (In Russian).
29. Bush P.D. The theory of institutional change. *Journal of Economic Issues*, 1987, vol. XXI, no. 3, pp. 1075–1116.
30. Wei Zh. A social capital perspective of innovation from individuals to nations. Where is empirical literature directing us? *International Journal of Management Reviews*, 2010, vol. 12, no. 2, pp. 151–183.
31. Babaev B.D., Borovkova N.V., Muslova M.E., Rodnina A.Yu. K voprosu o ponimanii roli i znacheniya vosproizvodstvennogo podkhoda v ekonomicheskoi teorii [On the issue of understanding the role and significance of the reproductive approach in economic theory]. *Mnogourovnevoe obshchestvennoe vosproizvodstvo: voprosy teorii i praktiki*. Sb. nauch. tr. [Multi-level social reproduction: Questions of theory

and practice. Collection of scientific articles]. Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2012, no. 2 (18), pp. 35–42. (In Russian).

32. Marks K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii*. T. II. Kn. 2. Protseess obrashcheniya kapitala. Izd. pod red. F. Engel'sa. [Capital. Criticism of political economy. Vol. 2. In Book 2: The process of capital circulation. Ed. by F. Engel's]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 650 p. (In Russian).

33. Stroeв P. V. *Prostranstvennaya organizatsiya ekonomiki Rossii: tendentsii i perspektivy razvitiya gorodov kak tochek ekonomicheskogo rosta*. [Spatial organization of the Russian economy: Trends and prospects for the development of cities as points of economic growth.]. Moscow, A-prodzhekt Publ., 2015. 144 p. (In Russian).

34. Ahrend R., Gamper C., Schumann A. The OECD Metropolitan governance survey: A quantitative description of governance structures in large urban agglomerations. *OECD Regional Development Working Papers*, 2014, no. 04. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5jz43zldh08p-en> (accessed 17.04.2017).

35. Ahrend R. *Urban productivity and governance*. Head of Regional Economics and Governance Unit. Scorus Meeting, 2014. Available at: http://scorus.org/wp-content/uploads/2014/07/2014Brus_Pt1.3.pdf (accessed 22.04.2017).

36. Brülhart M., Sbergami F. Agglomeration and growth: Cross-country evidence. *Journal of Urban Economics*, 2009, vol. 65, iss. 1, pp. 48–63. Available at: <http://www.hec.unil.ch/mbrulhar/papers/agglogrowth.pdf> (accessed 10.04.2017).

37. Nakamura R. Agglomeration economies in urban manufacturing industries: A case of Japanese cities. *Journal of Urban Economics*, 1985, vol. 17, no. 1, pp. 108–124.

38. Rosenthal S.S., Strange W.C. *Evidence on the Nature and Sources of Agglomeration Economies*. In book: *Handbook of Regional and Urban Economics*. Ed. by V. Henderson, J.F. Thisse. 2003, vol. 4, pp. 2243–2291. Available at: <http://siteresources.worldbank.org/INTLED/Resources/339650-1105473440091/WillAndStuart.pdf> (accessed 22.04.2017).

39. Altenburg T. *Industrial policy in developing countries*. Bonn, 2011. 101 p.

40. Knyazev Yu.K. *Sovremennaya ekonomika – sintez rynka i sotsial'nogo regulirovaniya* [Modern economy – synthesis of market and social regulation]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 176 p. (In Russian).

41. Goldshmidt N. Walter Eucken's place in the history of ideas. *Review of Austrian Economics*, 2013, vol. 26, no. 2, pp. 127–147.

42. Armstrong H., Teylor J. *Regional economics and policy*. Oxford, Blackwell Publishing Ltd., 2000. 432 p.

43. Andreoni A. Varieties of industrial policy: Models, packages, and transformation cycles. In book: *Efficiency, finance, and varieties of industrial policy. guiding resources, learning, and technology for sustained growth*. Ed. by A. Noman, J.E. Stiglitz. New York, Columbia University Press, 2017, pp. 245–305.

44. Feoktistova N.A. *Lokal'nyi (mestnyi) rynek kak fragmentatsiya ekonomicheskogo prostranstva: faktornyi podkhod*. Dis. kand. ekon. nauk [Local (regional) market as a fragmentation of economic space: Factor approach. Cand. econ. sci. diss.]. Ivanovo, 2009. 188 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 16.03.2018

Information about the Authors

Babaev Bronislav Dmitrievich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Interuniversity centre for Humanities Research, Ivanovo State University (39, Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russia; e-mail: politeconom@yandex.ru).

Nikolaeva Elena Evgenievna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Regional Economics, Ivanovo State University (39, Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russia; e-mail: dvn2002@yandex.ru).

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бабаев Б.Д., Николаева Е.Е. Концептуальные основы исследования региона как открытой экономической системы: синтез политэкономии и институционализма // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2018. Том 13. № 2. С. 159–176. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-159-176

Please cite this article in English as:

Babaev B.D., Nikolaeva E.E. Conceptual framework of the region research as an open economic system: Synthesis of political economy and institutionalism. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 159–176. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-159-176

РАЗДЕЛ II. ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ

doi 10.17072/1994-9960-2018-2-177-195

УДК 330.341.42

ББК 65.20

JEL Code E17, E52, E61

**ВЛИЯНИЕ ТЕНЕВОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ НА ПОВЕДЕНИЕ
ГЕТЕРОГЕННЫХ АГЕНТОВ****Серков Леонид Александрович**ORCID ID: 0000-0002-3832-3978, Researcher ID: [M-2991-2018](#)Электронный адрес: dsge2012@mail.ru

Институт экономики УрО РАН

620014, Россия, г. Екатеринбург, Московская, 29

Рассматривается влияние теневого, неформального сектора и сектора домашних хозяйств, производящих блага для собственного потребления, на динамику стохастической модели с неоднородными (гетерогенными) агентами. В исследовании применяется подход общего равновесия, позволяющий объяснить поведение спроса, предложения и цен в экономике с несколькими взаимодействующими рынками. Анализируемая модель описывает экономику с агрегированной неопределенностью и с бесконечным числом гетерогенных агентов (домашних хозяйств). Источником гетерогенности являются идиосинкратические шоки доходов агентов в легальном и теневом секторах экономики. Наличие двух секторов экономики (легального и теневого) приводит соответственно к двум источникам неоднородности, связанным с индивидуальным распределением доходов домашних хозяйств в этих секторах. При анализе применяется алгоритм аппроксимации динамики функции распределения запасов капитала индивидуальных агентов – динамикой ее первого и второго моментов. Параметры модели оцениваются байесовским методом на эмпирических данных экономики России. Существенным фактом является то, что функция правдоподобия модели с неоднородными агентами имеет большее значение по сравнению с аналогичной функцией для модели с репрезентативными агентами, т. е. исследуемая модель более адекватно описывает эмпирические данные российской экономики. Поведение функций импульсного отклика основных переменных модели подтверждает факт позитивного влияния теневой экономики (ниже определенного предела) на минимизацию темпов снижения экономических показателей во время рецессий, особенно для развивающихся экономик. Новизна результатов исследования определяется тем, что при анализе динамики агрегированных переменных в исследуемой модели с двумя источниками гетерогенности учитываются не только моменты первого порядка функции распределения запасов капитала, но и моменты второго порядка. Дальнейшие перспективы исследования могут быть связаны с применением более детализированных моделей общего равновесия, позволяющих, в частности, описать поведение неоднородных групп агентов в предпринимательском секторе экономики.

Ключевые слова: гетерогенные агенты, ожидания, идиосинкратические шоки, агрегированная неопределенность, теневая экономика, неформальный сектор экономики, легальный сектор экономики, сектор домашних хозяйств, байесовский метод, общее экономическое равновесие.

INFLUENCE OF A SHADOW SECTOR OF ECONOMY ON HETEROGENEOUS AGENT BEHAVIOR

Leonid A. Serkov

ORCID ID: [0000-0002-3832-3978](https://orcid.org/0000-0002-3832-3978), Researcher ID: [M-2991-2018](https://orcid.org/M-2991-2018)

Institute of Economics, the Ural branch of the Russian Academy of Sciences
29, Moskovskaya st., Ekaterinburg, 620014, Russia

The influence of the shadow, informal and household sectors that produce goods for own consumption on the dynamics of a stochastic model with heterogeneous agents is considered. The general equilibrium approach that explains the behavior of demand, supply and prices in economy with several interactive markets is used in the study. The model under consideration describes an economy with aggregated uncertainty and with an infinite number of heterogeneous agents (households). The source of heterogeneity is the idiosyncratic shocks of agents' incomes in the legal and shadow sectors of economy. The presence of two sectors of the economy (legal and shadow) leads, respectively, to two sources of heterogeneity associated with the individual distribution of household income in these sectors. In the analysis an approximation algorithm of the dynamics of capital supply functions of individual agents – the dynamics of its first and second moments is used. The parameters of the model are estimated by the Bayesian method in the case study of the empirical data of Russian economy. An important fact is that the likelihood function of the model with heterogeneous agents is more important than the analogous model for the model with representative agents, i. e. the model under consideration describes the empirical data of Russian economy more adequately. The behavior of the impulse response functions of the basic variables of the model confirms the positive influence of the shadow economy (below a certain limit) on minimizing the rates of decline in economic indicators during recessions, especially for developing economies. The original result is that when analyzing the dynamics of aggregated variables in the model under consideration with two sources of heterogeneity, it is necessary to take into account not only the first-order moments of the distribution function of capital stocks, but also second-order moments. The further prospects of research can be connected to the application of more detailed models of the general (common) balance allowing, in particular, to describe also behavior of non-uniform groups of agents of enterprise sector of economy.

Keywords: heterogeneous agents, expectations, idiosyncratic shocks, aggregated uncertainty, shadow economy, informal sector of economy, legal sector of economy, household sector, Bayesian method, general economic equilibrium.

Введение

Динамические стохастические модели общего равновесия (DSGE-модели) являются теоретическим и прикладным фундаментом современной макроэкономики [1]. Эти модели являются мощным инструментом для разработки монетарной и фискальной политики, при анализе структурных изменений в экономике и объяснении причинно-следственных связей между эндогенными переменными. Данный инструмент используется при исследовании национальных экономик во многих странах [2; 3; 4]. Анализ макроэкономической политики России рассматривается в публикациях [5; 6; 7].

Практически все результаты, полученные с помощью DSGE-моделей, базируются на принципе репрезентативности экономических агентов с рациональными

ожиданиями [8; 9]. Данный принцип является одним из самых критикуемых при использовании этих моделей, так как он уравнивает макро- и микроэкономическое поведение агентов. Вместе с тем анализ моделей с гетерогенными агентами является важным как в прикладном, так и в теоретическом аспекте. Во-первых, с помощью этих моделей можно изучать поведение различных групп агентов в рамках подхода общего равновесия. Во-вторых, одной из главных целей при анализе DSGE-моделей является разработка стабилизационной монетарной и фискальной политики. Поэтому возникает вопрос, как разрабатывать подобную политику при разном реагировании на нее индивидуальных агентов.

В предлагаемой публикации исследуется DSGE-модель, в которой агенты испытывают идиосинкратические шоки,

связанные, например, с различием в индивидуальных доходах экономических агентов, и системные агрегированные шоки общефакторной производительности. Наличие этих двух видов шоков приводит к ослаблению гипотезы рациональности ожиданий, так как для анализа подобных моделей необходима соответствующая аппроксимация функции распределения доходов агентов [10; 11; 12].

Исследованию моделей при наличии агрегированных неопределенностей (шоков) с гетерогенными агентами посвящен ряд работ [13; 14; 15]. Здесь приведены лишь наиболее значимые работы по исследованию моделей с гетерогенными агентами и наличием агрегированных шоков, в которых источником неоднородности является различие в индивидуальных доходах экономических агентов. Не приводятся публикации по анализу DSGE-моделей с гетерогенными ожиданиями и с гетерогенными предпочтениями агентов. Во всех перечисленных работах присутствует лишь один источник гетерогенности (один идиосинкратический шок), связанный с индивидуальным распределением доходов домашних хозяйств. Главный вывод, вытекающий из этих работ, заключается в том, что динамика агрегированных переменных в основном определяется динамикой первого момента функции распределения запасов капитала, т. е. динамикой агрегированного капитала. Таким образом, распределение запасов капитала среди индивидуальных агентов практически не влияет на макроскопическую динамику. Поэтому представляет интерес исследование макроскопической динамики в DSGE-моделях при наличии нескольких источников идиосинкратических и агрегированных шоков, что является одной из задач предлагаемой публикации. В данной работе анализируется поведение потребителей не только в легальном, но и в теневом секторах экономики. Наличие двух секторов экономики приводит соответственно к двум источникам гетерогенности, связанным с индивидуальным распределением доходов домашних хозяйств в этих секторах. Этим данная публикация

отличается от вышеприведенных работ в области исследования моделей с гетерогенными агентами в присутствии агрегированных шоков.

Вместе с тем исследование влияния теневого сектора экономики на макроэкономическую динамику безусловно представляет научный интерес. Так, анализ экономики посредством DSGE-моделей при наличии теневого сектора изучался в работах [16; 17], общим выводом которых является лучшее соответствие полученных теоретических результатов фактическим данным при наличии сектора нелегальной экономики. Все результаты в перечисленных публикациях основаны на принципе репрезентативности агентов. Поэтому результаты по макроэкономической динамике в моделях с теньвым сектором экономики и с гетерогенными агентами являются оригинальными. В частности, в предыдущей работе автора [12] показано, что наличие идиосинкратических шоков приводит к снижению корреляции заработной платы с объемом выпуска, по сравнению с корреляцией в моделях с репрезентативными агентами. Однако в цитируемой работе применялась лишь аппроксимация первого порядка для функции распределения доходов индивидуальных агентов. Кроме того, в этой и перечисленных выше публикациях анализируется только теневое (скрытое, формально законное) производство без учета операций в неформальном секторе экономики и в секторе производства домашних хозяйств для их собственного потребления.

Целью предлагаемой публикации является исследование влияния теневого сектора экономики, неформального производства и производства домашних хозяйств для собственного потребления на макроэкономическую динамику в DSGE-моделях и сравнение динамики агрегированных переменных в этих моделях с подобной динамикой в моделях с репрезентативными агентами. Параметры исследуемой модели оцениваются байесовским методом на эмпирических данных экономики России.

Описание модели

В предлагаемой публикации исследуется динамическая стохастическая модель с агрегированной неопределенностью в виде шоков общефакторной производительности, гибкими ценами и неполными рынками. В модели присутствуют два источника гетерогенности – идиосинкратические шоки доходов домашних хозяйств в легальном и теневом секторах экономики. При этом агенты – домашние хозяйства имеют одинаковые потребительские предпочтения, т. е. они являются *ex post* неоднородными и *ex ante* однородными.

При исследовании применяется подход общего межвременного равновесия. Этот подход предполагает, что все экономические агенты (домашние хозяйства, производители, правительство) оптимизируют свою целевую функцию в рамках определенных ограничений. Домашние хозяйства максимизируют дисконтированный ожидаемый поток полезности путем выбора оптимальных траекторий потребления и часов досуга при заданном бюджетном ограничении. Фирмы максимизируют дисконтированный ожидаемый поток прибыли путем выбора в каждом периоде объема производства при заданном технологическом ограничении. Данная модель имеет следующую особенность: результатом ее решения являются структурные поведенческие правила (функции спроса и предложения на продукты и ресурсы) в зависимости от цены.

Росстат подразделяет экономическую деятельность, не наблюдаемую прямыми статистическими методами, на следующие категории: теневое производство, производство в неформальном секторе экономики, незаконные операции (не учитываются Росстатом) и производство домашних хозяйств для их собственного конечного использования. При этом теневое производство является формально законным видом деятельности, но намеренно скрываемым от органов государственной власти в целях уклонения от уплаты налогов или следования законодательным нормам. Неформальный сектор экономики

представляет производственную деятельность, осуществляемую незарегистрированными предприятиями сектора домашних хозяйств. Производство домашних хозяйств для собственного конечного использования представляет собой хозяйственную деятельность, в результате которой домашние хозяйства потребляют или капитализируют произведенные ими же товары и услуги.

В описываемой модели учитываются все группы операций, по которым Росстат производит корректировку валовой добавленной стоимости, т. е. теневое (скрытое) производство, операции в неформальном секторе экономики и производство домашних хозяйств для собственного потребления.

В модели рассматриваются три вида агентов – индивидуальные домашние хозяйства, фирмы и государственный сектор. При этом фирмы, действующие на конкурентных рынках, и домашние хозяйства составляют континуальное множество единичной массы (агенту присваивается индекс $i \in [0,1]$). Домашние хозяйства, обладающие определенным запасом собственного и заемного капитала, осуществляют капиталовложения в фирмы по процентной ставке r_t (ставка арендной платы за капитал). Объем выпуска гомогенного продукта фирмами легального сектора описывается производственной функцией Кобба – Дугласа $Y_{t,r} = z_{1,t} K_t^\alpha h_{t,r}^{1-\alpha}$, где $z_{1,t}$ – агрегированный шок общефакторной производительности в легальном секторе экономики. В производственной функции K_t – агрегированное значение капитала (на одного агента), $h_{t,r}$ – количество отработанных часов в легальном секторе экономики. Считаем, что теневой сектор обладает более низкой капиталоемкостью по сравнению с легальным, поэтому объем выпуска фирм теневого сектора экономики описывается производственной функцией $Y_{t,u} = z_{2,t} h_{t,u}^{\alpha u}$, где $z_{2,t}$ – агрегированный шок производительности в теневом секто-

ре экономики¹, $h_{t,u}$ – количество отработанных часов в теневом секторе экономики, $\alpha_u \in [0,1]$. Отметим, что $z_{1,t}, z_{2,t}$ являются экзогенными стохастическими процессами.

При условии единичной цены гомогенного продукта доход фирм легального сектора экономики составляет $R_{r,t} = (1 - \tau_F)Y_{t,r}$, где τ_F – постоянная ставка налога с прибыли, $\tau_F \in (0,1)$. Учтем также, что фирмы теневого сектора при обнаружении налоговыми органами их деятельности должны будут выплатить сумму $s\tau_F$, где множитель $s > 1$ является штрафом за неуплату налогов. Тогда суммарный доход фирм составляет $R_t = pR_{D,t} + (1 - p)R_{ND,t}$, где p ($p \in (0,1)$) – вероятность обнаружения налоговыми органами теневых операций фирм, $R_{D,t}$ – суммарный доход фирм при обнаружении ими нарушений, аналогично $R_{ND,t}$ – суммарный доход фирм при отсутствии обнаружения ими нарушений. При этом

$$R_{D,t} = (1 - \tau_F)Y_{t,r} + (1 - s\tau_F)Y_{t,u}, \quad (1)$$

$$R_{ND,t} = (1 - \tau_F)Y_{t,r} + Y_{t,u}, \quad (2)$$

$$R_t = (1 - \tau_F)Y_{t,r} + (1 - ps\tau_F)Y_{t,u}. \quad (3)$$

Максимизируя прибыль

$$\max_{(h_{t,r}, h_{t,u}, K_t)} (\Pi_t = R_t - w_{t,r}h_{t,r} - w_{t,u}h_{t,u} - r_tK_t)$$

с учетом (3) и выражений для производственных функций $Y_{t,r}, Y_{t,u}$ получим уравнения

$$(1 - \alpha) \frac{Y_{t,r}}{h_{t,r}} = \frac{w_{t,r}}{(1 - \tau_F)}, \quad (4)$$

$$\alpha_u \frac{Y_{t,u}}{h_{t,u}} = \frac{w_{t,u}}{(1 - ps\tau_F)} \text{ при } (1 - ps\tau_F) > 0, \quad (5a)$$

$$h_{t,u} = 0 \text{ при } (1 - ps\tau_F) \leq 0, \quad (5b)$$

$$\alpha \frac{Y_{t,r}}{K_t} = \frac{r_t}{(1 - \tau_F)}, \quad (6)$$

где $r_t = r(K_t, h_{t,r}, z_{1,t})$ – ставка арендной платы за капитал, $w_{t,r} = w_{t,r}(K_t, h_{t,r}, z_{1,t})$, $w_{t,u}$ – заработные платы агентов в легальном и теневом секторах экономики, K_t – агрегированное значение капитала. Уравнения (5a) – (5b) описывают оптимальный спрос на труд в теневом секторе экономики. Следовательно, если $(1 - ps\tau_F) > 0$, спрос на труд в теневом секторе существует до тех пор, пока предельная производительность труда в этом секторе не будет равна предельным издержкам. При $(1 - ps\tau_F) \leq 0$ спрос на труд в теневом секторе отсутствует.

Неоднородные индивидуальные агенты – домашние хозяйства в каждый период времени t максимизируют дисконтированный ожидаемый поток полезности $U(c_{it}, h_{it,r}, h_{it,u}, h_{it,n})$ путем выбора оптимальных траекторий потребления и часов досуга при заданном бюджетном ограничении. Суммарный уровень потребления индивидуального агента описывается функцией с постоянной эластичностью замещения как в работе [16]:

$$c_{it} = (a(c_{it,m})^\gamma + (1 - a)(c_{it,n})^\gamma)^{1/\gamma}, \quad (7)$$

где переменная $c_{it,m}$ – индивидуальный уровень потребления агентом товаров и услуг, производимых в легальном, теневом и неформальном секторах экономики. В дальнейшем будем называть эти секторы рыночным сектором. Переменная $c_{it,n}$ – индивидуальный уровень потребления агентом товаров и услуг, производимых в секторе домашних хозяйств, для собственного конечного использования. Параметры a и $(1 - a)$ являются весовыми факторами, параметр γ определяет эластичность замещения между двумя видами потребления $c_{it,m}$ и $c_{it,n}$. Таким образом, задача максимизации ожидаемой дисконтированной суммы значений функции полезности принимает вид

¹ Кроме того, в теневом секторе часто используется тот же капитал, что и в легальном.

$$\{c_{it,m}, c_{it,n}, h_{it,r}, h_{it,u}, h_{it,n}, h_{it,nu}\} \quad (8)$$

$$E_t \sum_{i=0}^{\infty} \beta^i U(c_{it,m}, c_{it,n}, h_{it,r}, h_{it,u}, h_{it,n}, h_{it,nu}).$$

В выражении (8) E_t – оператор рациональных ожиданий. Переменные $h_{it,r}$, $h_{it,u}$, $h_{it,nu}$, $h_{it,n}$ – затраты агента на труд в легальном, теневом, неформальном секторах экономики и в секторе производства домашних хозяйств соответственно. Будем считать, что количество часов $h_{it,nu}$ является неделимым ресурсом в составе количества часов в секторе производства домашних хозяйств для собственного конечного использования производимых благ $h_{it,n}$. Уровень потребления $c_{it,n}$ зависит от затраченного времени $h_{it,n}$ и применяемого уровня технологии $z_{3,t}$. Примем, что $c_{it,n} = z_{3,t} h_{it,n}$. Соответственно $c_{it,nu} = Y_{it,nu} = z_{3,t} h_{it,nu}$. Вследствие того что трудовой ресурс $h_{it,nu}$ является неделимым, количество часов, отводимое на досуг индивидуальным агентом, $l_{it} = 1 - h_{it,r} - h_{it,u} - h_{it,n}$.

Домашние хозяйства имеют возможность инвестировать свои активы в физический капитал согласно уравнению $k_{i,t+1} = i_{i,t} + (1 - \delta)k_{i,t}$, где k_{it} – запас капитала индивидуального агента на начало периода, параметр δ является нормой обесценения капитала, $i_{i,t}$ – уровень инвестиций.

Бюджетное ограничение задачи в каждый период времени t для индивидуальных домашних хозяйств, потребляющих товары и услуги, производимые в рыночном секторе экономики, с учетом возможностей заимствования в реальных переменных записывается в виде

$$c_{it,m} + k_{i,t+1} = (1 - \tau_Y)((r_t(K_t, h_{t,r}, z_{1,t})k_{it} + w_{t,r}(K_t, h_{t,r}, z_{1,t})e_{4,i,t}h_{it,r}) + w_{t,u}e_{5,i,t}h_{it,u} + (1 - \delta)k_{it} + (1 - \omega)R_{it,nu}), \quad (9)$$

$$e_{4i,t} = (1 - \rho_4) + \rho_4 e_{4i,t-1} + \zeta_{4i,t}, \quad \zeta_{4i,t} \sim N(0, \sigma_4^2),$$

$$e_{5i,t} = (1 - \rho_5) + \rho_5 e_{5i,t-1} + \zeta_{5i,t},$$

$$\zeta_{5i,t} \sim N(0, \sigma_5^2),$$

$$k_{i,t+1} \geq -B, \quad B \geq 0.$$

В бюджетном ограничении (9) $R_{it,nu}$ – доход индивидуального агента от производства в неформальном секторе экономики. В соответствии с соображениями, согласно которым получены уравнения (1) – (3), $R_{it,nu} = (1 - ps\tau_Y)z_{3,t}h_{it,nu}$. Параметр $\omega \in (0,1)$ характеризует долю издержек от дохода $R_{it,nu}$ при изготовлении продукции в неформальном секторе экономики. В ограничении (9) предполагается различие в трудовом статусе и, как следствие, в заработных платах индивидуальных агентов в легальном $w_{it,r} = w_{t,r}e_{4,i,t}$ и теневом секторе $w_{it,u} = w_{t,u}e_{5,i,t}$. Это различие обусловлено идиосинкратическими шоками $e_{4,i,t}$ и $e_{5,i,t}$, подчиняющимися авторегрессионному процессу первого порядка. В бюджетном ограничении (9) τ_Y – ставка налога на доход физических лиц, $\tau_Y \in (0,1)$. В дальнейшем для упрощения будем считать количество отработанных часов в отдельных секторах одинаковым для всех агентов¹, то есть $h_{it,r} = h_{t,r}$, $h_{it,u} = h_{t,u}$, $h_{it,n} = h_{t,n}$, $h_{it,nu} = h_{t,nu}$. Ограничение на запасы капитала $k_{i,t+1} \geq -B$ (ограничение на заимствования) обеспечивает частичное страхование агентов против рисков уменьшения доходов и неотрицательность потребления. Более подробно с ограничением на заимствования можно познакомиться в работе [19].

¹ При наличии идиосинкратических шоков это предположение не влияет на общность результатов.

Экзогенные агрегированные шоки общекфакторной производительности $z_{1,t}$, $z_{2,t}$, $z_{3,t}$ являются серийно коррелированными и изменяются в соответствии с уравнениями

$$z_{1,t} = (1 - \rho_1) + \rho_1 z_{1,t-1} + \zeta_{1,t}, \quad (10)$$

$$z_{2,t} = (1 - \rho_2) + \rho_2 z_{2,t-1} + \zeta_{2,t}, \quad (11)$$

$$z_{3,t} = (1 - \rho_3) + \rho_3 z_{3,t-1} + \zeta_{3,t}, \quad (12)$$

где $\zeta_{i,t} \sim N(0, \sigma_i^2)$, $i=1,2,3$ и σ_i^2 – соответствующие дисперсии.

Однопериодная функция полезности, используемая в предлагаемой публикации, основанная на вышеназванных предположениях, имеет вид

$$U(c_{it}, h_{it,r}, h_{it,u}, h_{it,n}) = \ln(c_{it}) - \Theta h_{it,nu} + \frac{B_m (l_t)^{1-\rho}}{1-\rho} - \frac{B_u h_{it,u}^{1+\zeta}}{1+\zeta}, \quad (13)$$

где суммарный уровень потребления c_{it} определяется равенством (7), l_t – количество часов досуга, параметр B_m определяет предпочтение досуга, параметры Θ и B_u определяют предпочтение труда в неформальном и теневом секторах экономики соответственно. Параметры ρ, ζ – обратные эластичности предложения труда в соответствующих секторах экономики. Заметим, что функция полезности (13) является возрастающей по переменной c_{it} и удовлетворяет условиям $\lim_{c_{it} \rightarrow 0} \frac{\partial U(\cdot)}{\partial c_{it}} = \infty$ и $\lim_{c_{it} \rightarrow \infty} \frac{\partial U(\cdot)}{\partial c_{it}} = 0$.

С учетом этих свойств положительность потребления всегда оптимальна.

Для абстрагирования от ограничения $k_{i,t+1} \geq -B$ в виде неравенства следует заменить это ограничение стандартным добавлением в условие максимизации (8) штрафной функции [15] вида

$$P(k_{i,t+1}) = \frac{\eta_1}{\eta_0} \exp(-\eta_0(k_{i,t+1} + B)) - \eta_2(k_{i,t+1} + B), \quad (14)$$

где η_0, η_1, η_2 – параметры штрафной функции. Условие максимизации (8) в этом случае примет вид

$$\{c_{it,m}, c_{it,n}, h_{it,r}, h_{it,u}, h_{it,n}, h_{it,nu}\} E_t \sum_{t=0}^{\infty} \beta^t U(c_{it,m}, c_{it,n}, h_{it,r}, h_{it,u}, h_{it,n}, h_{it,nu}) - \varphi P(k_{i,t+1}). \quad (15)$$

Кроме домашних хозяйств и фирм в модели присутствует третий агент – государство. В каждом периоде времени t государство аккумулирует налоги для финансирования государственных расходов. Для упрощения абстрагируемся от государственного долга, трансфертов и предположим, что в каждый момент времени бюджет государства сбалансирован. В этом случае бюджетное ограничение со стороны государства можно записать в виде

$$g_t = \tau_Y \int_0^1 (r_t k_{it} + w_{t,r} e_{4,i,t} h_{it,r} + ps Y_{it,nu}) di + \tau_F (Y_{t,r} + ps Y_{t,u}). \quad (16)$$

Остановимся более подробно на решении задачи оптимизации. Задача оптимизации (15) решается в данной работе методами теории возмущений первого и второго порядка [14; 18]. Чтобы решить эту задачу, агенты должны уметь прогнозировать будущие цены труда и капитала. Для этого необходимо знать стохастический процесс, описывающий эволюцию агрегированного капитала. Стохастические свойства запасов агрегированного капитала зависят от распределения его среди всех индивидуальных агентов, поэтому для решения задачи оптимизации (15) необходима соответствующая аппроксимация функции распределения доходов (запасов капитала).

В предлагаемой публикации используется один из самых популярных подходов Р. Krusell and А. Smith [13], которые предложили аппроксимировать распределение доходов дискретным и конечным набором моментов $m = (m_1, m_2, \dots, m_i)$, где i – порядок момента. При этом они показали, что в модели с одним источником гетерогенности для функции распределения доходов достаточно аппроксимации первого порядка. Поскольку исследуемая модель характеризуется наличием двух источников гетерогенности, в предлагае-

мой публикации рассматривается аппроксимация распределения доходов индивидуальных агентов первого и второго порядков.

Основной целью подхода Р. Krusell and А. Smith является получение агрегированных и индивидуальных поведенческих функций. Для этого при аппроксимации первого порядка ($i=1$) динамика функции распределения запасов капитала индивидуальных агентов заменяется динамикой ее первого момента, т. е. воспринимаемым агентами законом изменения агрегированного капитала. Функциональную форму этого закона можно представить в виде

$$K_t = b_0 + b_K K_{t-1} + b_{z1}(z_{1,t} - z_1) + b_{z2}(z_{2,t} - z_2), \quad (17)$$

где z_1, z_2 – стационарные детерминированные состояния шоков производительности $z_{1,t}, z_{2,t}$, параметры b_0, b_K, b_{z1}, b_{z2} характеризуют убеждения агентов относительно изменения агрегированного капитала и обновляются при каждой итерации [15].

При аппроксимации второго порядка воспринимаемый агентами закон изменения агрегированного капитала и соответствующих моментов записывается в виде

$$K' = f_2(K, z_1, z_2, M_{ke4}, M_{ke5}, M_{k^2}; \zeta), \quad (17a)$$

$$M'_{k^2} = f_2(K, z_1, z_2, M_{ke4}, M_{ke5}, M_{k^2}; \bar{\zeta}),$$

$$M'_{ke1} = f_2(K, z_1, z_2, M_{ke4}, M_{ke5}, M_{k^2}; \hat{\zeta}),$$

$$M'_{ke2} = f_2(K, z_1, z_2, M_{ke4}, M_{ke5}, M_{k^2}; \tilde{\zeta}),$$

где $M_{k^2}, M_{ke1}, M_{ke2}$ – соответствующие моменты второго порядка, $\zeta, \bar{\zeta}, \hat{\zeta}, \tilde{\zeta}$ – векторы коэффициентов перед соответствующими переменными, переменные со штрихом относятся к периоду $t+1$, временные индексы опущены.

Пошаговая реализация алгоритма Р. Krusell and А. Smith применительно к исследуемой модели при аппроксимации первого порядка выглядит следующим образом.

1. Задаются начальные значения вектора параметров убеждений агентов b

из компонент b_0, b_K, b_{z1}, b_{z2} , запасов капитала k_{it} для N индивидуальных агентов. Начальные значения задаются из условий максимальной скорости схождения алгоритма.

2. Генерируется временная последовательность агрегированных и идиосинкратических шоков длиной T .

3. Для заданного вектора параметров b и закона изменения агрегированного капитала (17) решается задача оптимизации (15) с функцией полезности (13) и ограничениями (7) – (12) с учетом (4) – (6), (17) для индивидуального агента. Результатом решения задачи оптимизации являются поведенческие функции (правила) для индивидуальных агентов $k' = k(z_1, z_2, z_3, e_4, e_5, K')^1$.

4. Используя полученные на третьем шаге оптимальные поведенческие функции (правила) для индивидуальных агентов, с помощью метода Монте-Карло проводится имитационное моделирование индивидуальных запасов капитала для совокупности N агентов. Агрегируя на каждом периоде симуляции запасы капитала индивидуальных агентов, получаем временной ряд K_t .

5. С помощью уравнения регрессии для агрегированного капитала K_t находится вектор параметров \tilde{b} .

6. Для обновления закона изменения агрегированного капитала задается вектор параметров \tilde{b}_{new} для следующей возможной итерации по правилу $\tilde{b}_{new} = \lambda b + (1 - \lambda)\tilde{b}$, где $\lambda \in [0,1]$ – параметр обновления.

7. Повторяются шаги с третьего по шестой до тех пор, пока норма вектора разности $\tilde{b}_{new} - \tilde{b}$ не будет превышать заданную величину ошибки.

При аппроксимации второго порядка обновление векторов коэффициентов

¹ Переменная со штрихом относится к периоду $t+1$, индексы – временные и индивидуальных агентов – опущены.

$\zeta, \bar{\zeta}, \hat{\zeta}, \tilde{\zeta}$ происходит через алгоритм агрегации. Итерации продолжаются до тех пор, пока $\|Z^j(\bullet) - Z^{j-1}(\bullet)\| \leq \varepsilon$, где $\|Z\|$ – норма вектора, составленного из коэффициентов $\zeta, \bar{\zeta}, \hat{\zeta}, \tilde{\zeta}$, ε – заданная величина ошибки.

При решении задачи оптимизации индивидуальные агенты обладают рациональными ожиданиями в слабой форме [8]. Поясним это подробнее. Пусть $I_{t,h}$ – информационное множество, доступное агенту h в конце периода t , включающее в себя все структурные характеристики анализируемой системы. Множество $I_{t,h}$ содержит текущие и предшествующие значения всех переменных модели и реализации всех случайных величин (шоков) в текущем и прошлых периодах. Пусть $E_{t,h}u_{t+k}$ – субъективное ожидание (прогноз), сформированное агентом h относительно значения, которое примет переменная u в период времени $t+k$, $k \geq 1$. Пусть также $E[u_{t+k} | I_{t,h}]$ – объективное, т. е. вычисленное в силу модели, связывающей в конечном счете решения всех агентов, ожидаемое значение u_{t+k} при условии $I_{t,h}$ (через E здесь обозначен оператор условного математического ожидания). В нашем исследовании объективные и субъективные ожидания не совпадают ввиду использования агентами при прогнозировании цен ограниченного аппроксимацией функции распределения доходов информационного множества, то есть $E_{t,h}u_{t+k} = E[u_{t+k} | I_{t,h}] + \varepsilon_{t,h}$, где $E[\varepsilon_{t,h} | I_{t,h}] = 0$. В результате функционирования алгоритма P. Krusell and A. Smith происходит минимизация ошибки $\varepsilon_{t,h}$.

Условия равновесия и решение модели

Идея экономического равновесия заключается в том, что каждый из агентов в модели предлагает свой план величины спроса и предложения на продукты и ресурсы [20]. Этот план условный, так как он

зависит от значений информационных переменных (цен на продукты и ресурсы) и имеет внешнее ограничение относительно значений агрегированных цен $(w_{t,r}, w_{t,u}, r_t)$.

В процессе взаимодействия агентов их планы согласовываются так, чтобы выполнялись включенные в модель материальные и финансовые системные балансовые соотношения.

Таким образом, применительно к исследуемой модели, общее равновесие устанавливается в результате:

оптимизации: агенты – домашние хозяйства решают задачу максимизации (15) при ограничениях (7) – (12) и заданных значениях $w_{t,r}, w_{t,u}, r_t$ (4) – (6) и вос-

принимаемом агентами законе изменения агрегированного капитала (17). Результатом решения задачи оптимизации являются поведенческие функции агентов, зависящие от агрегированных шоков общефакторной производительности, идиосинкратических шоков, запасов капитала агентов, и согласованные с законом изменения агрегированного капитала (17);

равновесия на рынке товаров и услуг:

$$\int \left\{ \begin{aligned} &c(k, z_1, z_2, z_3, e_4, e_5, K') + \\ &+ k'(k, z_1, z_2, z_3, e_4, e_5, K') \end{aligned} \right\} di = Y_r + Y_u + (1 - \delta)K,$$

где $c(\bullet), k'(\bullet)$ – поведенческие функции агентов; операция интегрирования заключается в суммировании по соответствующим функциям всех индивидуальных моделируемых агентов;

ценового фактора: заработные платы и процентная ставка определяются из условий максимизации прибыли фирм (4) – (6);

агрегирования факторов производства: $K_t = \int k_{i,t} di, d, h_{t,r} = \int h_{it,r} di,$

$$h_{t,n} = \int h_{it,n} di, h_{t,nu} = \int h_{it,n} di.$$

Максимизация (15) по отношению к (7), (9) и с учетом уравнений (4) – (6), (10) – (14), (17) приводит к системе уравнений для индивидуального агента исследуемой модели. Система уравнений модели, явля-

ющаяся результатом реализации алгоритма P. Krusell and A. Smith и соответствующая состоянию общего равновесия, выглядит следующим образом:

$$c_t = (a(c_{t,m})^\gamma + (1-a)(c_{t,n})^\gamma)^{1/\gamma}; \quad (18)$$

$$\frac{ac_{m,t}^{\gamma-1}}{(ac_{m,t}^\gamma + (1-a)c_{n,t}^\gamma)} = \lambda_t, \quad (19)$$

где λ_t – множитель Лагранжа;

$$\frac{(1-a)c_{n,t}^{\gamma-1}}{(ac_{m,t}^\gamma + (1-a)c_{n,t}^\gamma)} = \frac{1}{l_t} + B_m l_t^{-\rho}; \quad (20)$$

$$\Theta = \lambda_t (1 - ps\tau_Y) z_{3,t}; \quad (21)$$

$$\lambda_t = E_t \lambda_{t+1} + \beta(1 + (1 - \tau_Y)r_t - \delta); \quad (22)$$

$$l_t = 1 - h_{r,t} - h_{n,t} - h_{u,t}; \quad (23)$$

$$l_t^{-1} = -B_m l_t^{-\rho} + \lambda_t (1 - \tau_Y) w_{m,t}; \quad (24)$$

$$l_t^{-1} = -B_u l_t^{-\rho} + \lambda_t w_{u,t} - B_u h_{u,t}^\zeta; \quad (25)$$

$$z_{1,t} (1 - \tau_F) (1 - \alpha) K_t^\alpha h_{t,r}^{1-\alpha} = w_{t,r}; \quad (26)$$

$$z_{2,t} (1 - ps\tau_F) = w_{t,u}; \quad (27)$$

$$z_{1,t} (1 - \tau_F) \alpha K_t^{\alpha-1} h_{t,r}^{1-\alpha} = r_t; \quad (28)$$

$$c_{t,m} + K_{t+1} = (1 - \tau_Y) ((r_t (K_t, h_{t,r}, z_{1,t}) K_t + w_{t,r} (K_t, h_{t,r}, z_{1,t}) h_{t,r}) + w_{t,u} h_{t,u} + (1 - \delta) K_t + (1 - \omega) R_{t,nu}); \quad (29)$$

$$R_{t,nu} = (1 - ps\tau_Y) z_{3,t} h_{t,nu}; \quad (30)$$

$$Y_{t,nu} = z_{3,t} h_{t,nu}; \quad (31)$$

$$Y_{t,r} = z_{1,t} K_t^\alpha h_{t,r}^{1-\alpha}; \quad (32)$$

$$Y_{t,u} = z_{2,t} h_{t,u}; \quad (33)$$

$$c_{n,t} = z_{3,t} h_{t,n}; \quad (34)$$

$$g_t = \tau_Y (r_t K_t + w_{t,r} h_{t,r} + ps Y_{t,nu}) + \tau_F (Y_{t,r} + ps Y_{t,u}); \quad (35)$$

$$z_{1,t} = (1 - \rho_1) + \rho_1 z_{1,t-1} + \zeta_{1,t}; \quad (36)$$

$$z_{2,t} = (1 - \rho_2) + \rho_2 z_{2,t-1} + \zeta_{2,t}; \quad (37)$$

$$z_{3,t} = (1 - \rho_3) + \rho_3 z_{3,t-1} + \zeta_{3,t}. \quad (38)$$

Все переменные системы уравнений (18) – (38) являются агрегированными пе-

ременными. Эта система уравнений описывает модель, параметры которой связаны с предпочтениями гетерогенных (не репрезентативных!) агентов. Реализация алгоритма P. Krusell and A. Smith для анализа модели с гетерогенными агентами осуществлялась в программном пакете *Matlab*. При этом второй шаг алгоритма, т. е. решение задачи оптимизации для индивидуального агента, оценка параметров модели и окончательная реализация модели, осуществлялись в программном пакете *Dynare*¹. При аппроксимации функции распределения запасов капитала моментами первого порядка решение уравнений модели выполнялось с помощью приближения первого порядка теории возмущений. Соответственно при аппроксимации функции распределения моментами второго порядка решение уравнений модели осуществлялось с помощью приближения второго порядка. Окончательная реализация модели происходила при значениях параметров, полученных после реализации алгоритма P. Krusell and A. Smith.

Оценка параметров модели

Параметры исследуемой модели при каждой итерации оценивались с помощью метода Байеса на эмпирических данных российской экономики. Байесовский статистический подход можно охарактеризовать как «обучающий» процесс, при котором вектор наблюдаемых переменных Y используется для получения информации об апостериорной функции плотности вероятностей $f(\mathcal{G}|Y)$ распределения вектора параметров модели \mathcal{G} при заданной априорной функции плотности вероятности $f(\mathcal{G})$ и функции правдоподобия $L(\mathcal{G}; Y)$. Байесовский статистический подход базируется на теореме Байеса [21]:

$$f(\mathcal{G}|Y) = \frac{f(\theta)L(\mathcal{G}; Y)}{f(Y)}, \quad (39)$$

где $f(Y)$ – функция маргинального правдоподобия (нормализованная константа).

¹ Juillard M. *Dynare Manual*. CEPREMAP, 2004. 45 p.

Поскольку функция правдоподобия находится при решении DSGE-модели, можно определить вид числителя в (39), в то время как знаменатель является константой (не зависит от \mathcal{Y}). Как уже отмечалось выше, при каждой итерации алгоритма P. Krusell and A. Smith происходит оценка параметров модели на основе (39) путем нахождения апостериорного максимума. При оценке модели использовались квартальные данные для российской экономики, с 1-го квартала 2003 г. по 4-й квартал 2015 г. Анализировались пять (по числу экзогенных шоков) эндогенных макроэкономических переменных – агрегированный, скорректированный ВВП (включая теневой сектор, сектор неформального производства и сектор домашних хозяйств), ВВП теневого сектора, зарплата в легальном секторе экономики, инвестиции, потребление домашних хозяйств¹. Все переменные выражены в единицах на душу населения² и рассчитывались в постоянных ценах 2003 г. Для данных по ВВП теневого сектора экономики использовались годовые показатели корректировки валовой добавленной стоимости на экономические операции, не наблюдаемые прямыми статистическими методами³. Для перевода годовых показателей корректировки (процент к валовой добавленной стоимости) теневых операций в квартальные использовался аппарат сплайн-аппроксимации с последующей коррекцией полученных данных временных рядов [12].

Несколько параметров модели фиксировались [22; 23; 24]. Коэффициенты в штрафной функции выбраны из условий устойчивости и максимальной скорости сходимости алгоритма: $\eta_0 = 0,4$, $\eta_1 = 0,3$, $\eta_2 = 0,4$. Начальные значения коэффициентов в (17) для приближения первого порядка $b_0 = 1,4$, $b_K = 0,6$, $b_z = 0,95$ и значение

параметра $\lambda = 0,5$ также выбраны из условий максимальной скорости сходимости алгоритма. Параметры $\alpha = 0,36$, $\alpha_u = 1$, $\delta = 0,025$, $\beta = 0,99$. Эти значения параметров наиболее часто используются при калибровке DSGE-моделей российской экономики [5; 6; 25]. Для упрощения кредитный лимит $B=0$ (отсутствие чистого долга). Число моделируемых агентов $N=1000$, длина временной последовательности шоков $T=10000$. Параметр s принят равным $1,3$, параметр $p=0,1$ исходя из штрафов за неуплату налогов. Налоговые ставки $\tau_Y = 0,13$, $\tau_F = 0,2$ (основные ставки)⁴. Коэффициент a в уравнении (7) принят равным $0,830$ как среднее значение из данных по корректировке валовой добавленной стоимости на производство домашних хозяйств для собственного потребления.

Остальные параметры оценивались с помощью метода Байеса. Априорные распределения для всех параметров, как и апостериорные распределения, представлены в табл. 1. Для сравнения приведены данные для оцененных параметров в рамках модели с репрезентативными агентами. Отметим, что оценка всех параметров в табл. 1 происходила во время последней итерации на основе апостериорного максимума с помощью алгоритма случайного блуждания Метрополиса – Хастингса [21].

Далее характеризуем результаты моделирования влияния теневого, неформального сектора и сектора домашних хозяйств на динамику стохастической модели с неоднородными агентами.

¹ Источником данных являются официальные сайты Росстата и ЦБ.

² Реальная ставка заработной платы выражена в единицах на душу населения в час.

³ Национальные счета России в 2000–2007 гг.: стат. сб. М.: Росстат, 2008; Национальные счета России в 2007–2014 гг.: стат. сб. М.: Росстат, 2015.

⁴ Для упрощения косвенные налоги не учитываются, что не влияет на общность рассуждений и полученные результаты.

Таблица 1

Оценка параметров исследуемой модели с гетерогенными и репрезентативными агентами по данным российской экономики

Параметр	Априорное распределение			Апостериорное распределение			
				Модель с гетерогенными агентами		Модель с репрезентативными агентами	
	Тип	Среднее	Стат. отклонение	Среднее	t-stat	Среднее	t-stat
γ	Гамма	1,831	0,500	1,643	4,481	1,513	4,545
B_u	Гамма	1,921	0,500	2,458	11,897	2,532	13,161
B_m	Обр. Гамма	0,250	0,500	0,178	7,231	0,152	7,694
ρ	Обр. Гамма	0,300	0,500	0,261	7,613	0,373	8,604
Θ	Бета	0,100	0,500	0,132	6,645	0,142	6,641
ζ	Бета	0,14	0,200	0,291	1,741	0,413	1,787
ρ_1	Бета	0,900	0,200	0,667	4,787	0,665	4,981
ρ_2	Бета	0,900	0,200	0,783	4,254	0,815	21,654
ρ_3	Бета	0,900	0,200	0,862	11,787	0,812	66,765
ρ_4	Бета	0,900	0,200	0,662	9,281	0,612	61,141
ρ_5	Бета	0,900	0,200	0,612	6,265	0,667	31,234
σ_1	Обр. Гамма	0,040	1,000	0,066	8,498	0,049	8,114
σ_2	Обр. Гамма	0,040	1,000	0,019	7,441	0,021	7,123
σ_3	Обр. Гамма	0,040	1,000	0,011	3,361	0,013	4,554
σ_4	Обр. Гамма	0,040	1,000	0,016	2,356	0,012	3,427
σ_5	Обр. Гамма	0,040	1,000	0,013	3,234	0,011	3,567
Логарифм маргинального правдоподобия				410,647		396,451	

Результаты моделирования

Существенным результатом оценки параметров является то, что функция правдоподобия (маргинальное правдоподобие) модели с гетерогенными агентами имеет большее значение по сравнению с аналогичной функцией для модели с репрезентативными агентами (табл. 1), т. е. исследуемая модель более адекватно описывает эмпирические данные российской экономики.

Данные апостериорного распределения свидетельствуют о существенном различии для параметров ρ и ζ сравниваемых моделей. Эти параметры связаны с обратными эластичностями предложения

труда в легальном и теневом секторах экономики. Из табл. 1 видно, что значения этих параметров для модели с репрезентативными агентами намного больше, чем для модели с гетерогенными агентами, т. е. неоднородность распределения запасов капитала среди агентов способствует повышению эластичности предложения труда в соответствующих секторах экономики. Также следует отметить, что эластичность замещения γ между двумя видами потребления $c_{it,m}$ и $c_{it,n}$ для модели с гетерогенными агентами выше по сравнению с аналогичной эластичностью для модели с репрезентативными агентами. Значения

остальных параметров сравниваемых моделей различаются незначительно.

Как уже отмечалось, одной из целей предлагаемой публикации является сравнение динамики агрегированных переменных в исследуемой модели с двумя идиосинкратическими шоками с подобной динамикой в моделях с репрезентативными агентами. В табл. 2 приведена статистика агрегированных переменных: суммарного потребления c , потребления в рыночном секторе c_m и секторе домашних хозяйств c_n при одинаковых симуляциях шоков¹ общефакторной производительности. Из данных таблицы следует, что при наличии в исследуемой модели идиосинкратических шоков игнорирование моментов выше первого порядка в функции распределения запасов капитала может привести к значительной ошибке. В большей степени это относится к суммарному потреблению

и потреблению в рыночном секторе экономики.

Стандартные отклонения этих переменных при аппроксимации второго порядка отличаются от отклонений в модели с репрезентативными агентами. Полученные оригинальные результаты выявляют отличие в поведении агрегированных переменных в исследуемой модели с двумя идиосинкратическими шоками от динамики агрегированных переменных в моделях с одним источником гетерогенности [13; 14; 15]. Данное отличие можно объяснить тем, что в модели с двумя источниками гетерогенности агенты подвержены повышенному риску получения дохода. Таким образом, при анализе динамики агрегированных переменных необходимо учитывать не только моменты первого порядка функции распределения запасов капитала, но и моменты второго порядка.

Таблица 2

Влияние идиосинкратических шоков на агрегированные переменные

Статистика агрегированной переменной*	Модель с репрезентативными агентами**		Модель с идиосинкратическими шоками**	
	Аппроксимация первого порядка	Аппроксимация второго порядка	Аппроксимация первого порядка	Аппроксимация второго порядка
Среднее значение c (%СС)	0	-0,13	0	-3,128
Стандартное отклонение c	0,02	0,02	0,077	0,087
Среднее значение c_m (%СС)	0	-0,11	0	-2,324
Стандартное отклонение c_m	0,013	0,013	0,067	0,074
Среднее значение c_n (%СС)	0	-0,06	0	-1,543
Стандартное отклонение c_n	0,011	0,011	0,012	0,012

* Переменные усреднены по размеру популяции индивидуальных агентов и выражены в отклонениях от стационарного состояния (СС).

** При аппроксимации функции распределения запасов капитала моментами первого порядка реализация моделей с репрезентативными и гетерогенными агентами осуществляется приближением первого порядка теории возмущений. Соответственно при аппроксимации моментами второго порядка – приближением второго порядка.

Одним из основных инструментов анализа DSGE-моделей является исследование поведения функций импульсного отклика. На рис. 1 показано влияние одномоментного положительного шока производительности в легальном секторе эконо-

мики на переменные исследуемой модели. Приведенные результаты, в принципе, являются ожидаемыми. Положительный шок производительности в легальном секторе экономики приводит к возрастанию всех основных показателей, в том числе повышению потребления для собственного конечного использования в секторе домашних хозяйств (переменная hn). В то же время выпуск в теневом секторе экономики уменьшается (переменная hu). При этом

¹ Для модели с гетерогенными агентами генерировалась последовательность из 1000 идиосинкратических шоков (по числу агентов) длиной 10 000. Первые 1000 наблюдений удалялись для исключения зависимости от начальных условий.

следует отметить более высокую степень затухания отклика спроса на труд в легальном секторе экономики (переменная hr) по сравнению с персистентностью отклика остальных переменных.

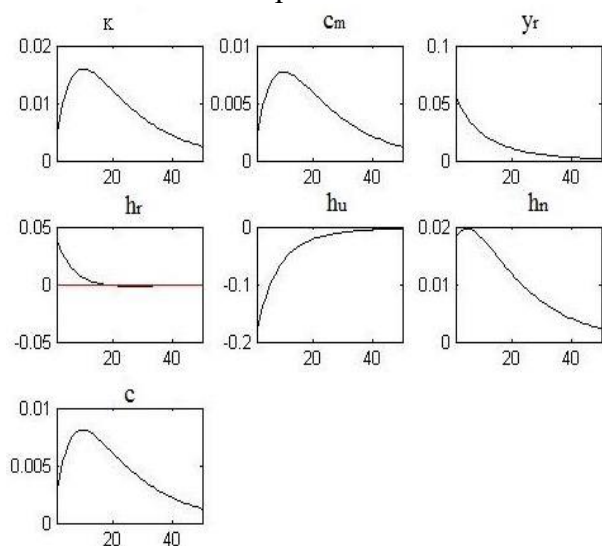

Рис. 1. Влияние положительного шока общефакторной производительности в легальном секторе экономики на переменные исследуемой модели*

* Параметры модели указаны в тексте и табл. 1. Величина шока равна одному стандартному отклонению.

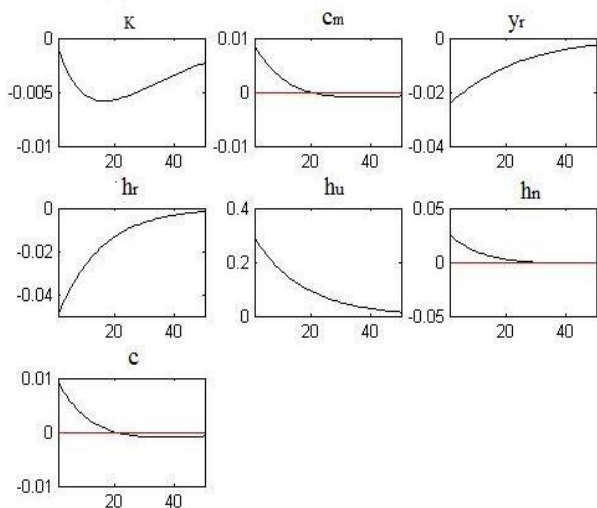

Рис. 2. Влияние положительного шока общефакторной производительности в теновом секторе экономики на переменные исследуемой модели*

* Параметры модели указаны в тексте и табл. 1. Величина шока равна одному стандартному отклонению.

Положительный одномоментный шок производительности в теновом секторе экономики, напротив, приводит к возрастанию объема выпуска в этом секторе и к снижению спроса на труд в легальном секторе экономики (рис. 2). Объем выпуска в легальном секторе (y_r) и запасы капитала (k) также снижаются. При этом суммарный и рыночный уровни потребления возрастают. Уровень потребления домашних хозяйств, производящих блага для собственного потребления, также возрастает. Приведенные результаты свидетельствуют о позитивном влиянии (ниже определенного предела) теновых секторов (включая неформальный сектор экономики и сектор производства домохозяйств) на минимизацию темпов снижения экономических показателей во время рецессий, особенно для развивающихся экономик. Таким образом, теневая экономика является одним из факторов противодействия рецессии, так как деньги, зарабатываемые в теновом секторе, увеличивают потребительский спрос и занятость населения. Но негативным фактором полученного результата является уменьшение сбора налогов для финансирования госрасходов. Поэтому задачей государства является уменьшение влияния этих секторов на макроэкономику за счет увеличения позитивной роли легального сектора.

Интересно проанализировать влияние повышения налоговых ставок на динамику объема выпуска в легальном и теновом секторах экономики. На рис. 3 показано изменение динамики объема выпуска в легальном секторе экономики при повышении ставки корпоративного налога с прибыли на три процентных пункта. На рис. 4 приведено аналогичное изменение динамики объема выпуска в теновом секторе экономики. Результаты говорят сами за себя: объем выпуска в легальном секторе уменьшается, а в теновом возрастает. Исключение составляет период симуляций, который соответствует временному отрезку 2013–2015 гг. в статистических данных и приходится на период резкого спада экономики. Вероятнее всего эффект спада экономики превалирует над эффектом повышения налоговых ставок.

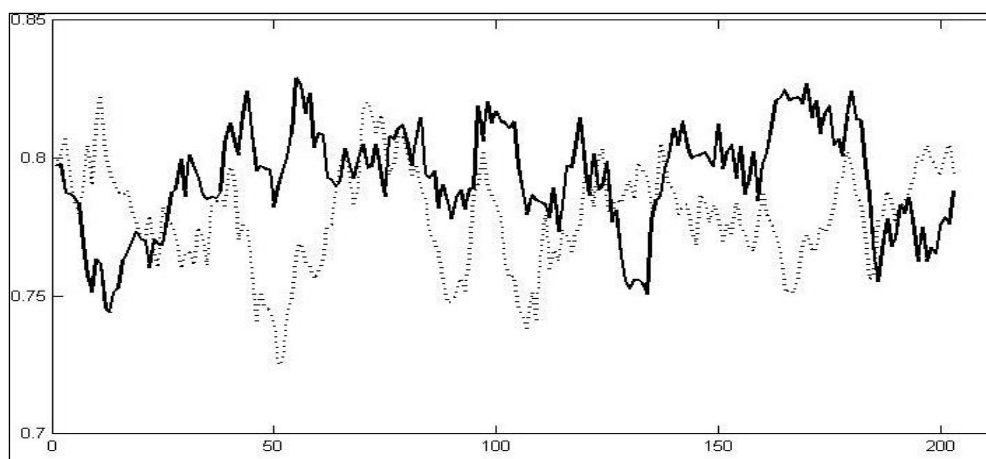

Рис. 3. Динамика объема выпуска (нормированного к суммарному объему выпуска) в легальном секторе экономики при значении ставки налога с прибыли корпораций 0,20 (сплошная линия) и 0,23 (точечная линия)*

* Остальные параметры модели указаны в тексте и табл. 1. По горизонтальной оси отложен период симуляций исследуемой модели.

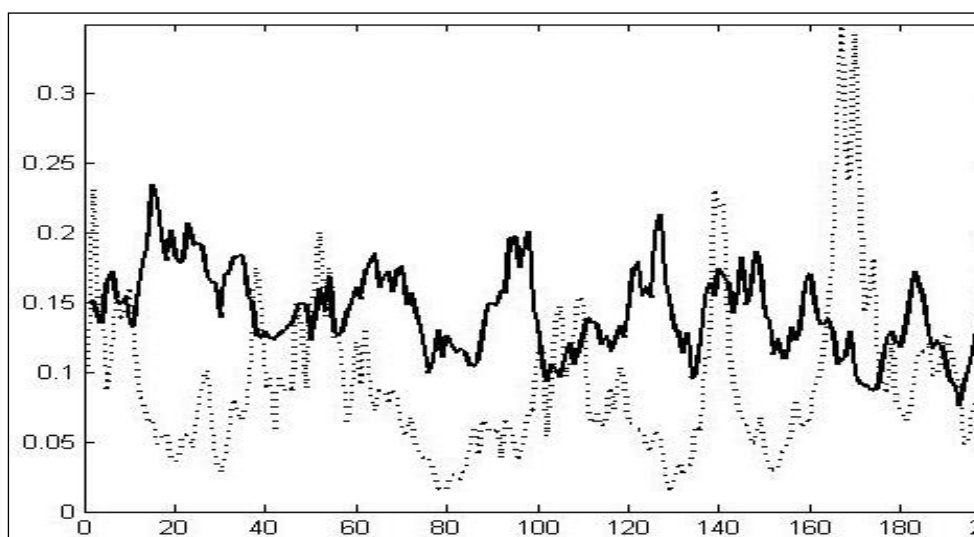

Рис. 4. Динамика объема выпуска (нормированного к суммарному объему выпуска) в теновом секторе экономики при значении ставки налога с прибыли корпораций 0,23 (сплошная линия) и 0,20 (точечная линия)*

* Остальные параметры модели указаны в тексте и табл. 1. По горизонтальной оси отложен период симуляций исследуемой модели.

На рис. 5 приведено изменение динамики объема выпуска в секторе домашних хозяйств, производящих блага для собственного потребления, при повышении ставки налога на доход физических лиц на пять процентных пунктов. Из приведенных результатов следует, что с увеличением налоговой ставки потребление домашних хозяйств, производящих собственные блага, увеличивается. Исключение, как и в предыдущем случае, составляет период симуляций, приходящийся на временной отрезок резкого спада экономи-

ки. Пока неясно, связано это со статистической ошибкой или, действительно, со снижением потребления собственных благ домашними хозяйствами. Отметим также, что изменение динамики объема выпуска в неформальном секторе экономики с изменением ставки налога на доход физических лиц аналогично тем же процессам, происходящим в секторе домашних хозяйств, что отражено на рис. 5. Поэтому отдельный график по неформальному сектору экономики не приводится.

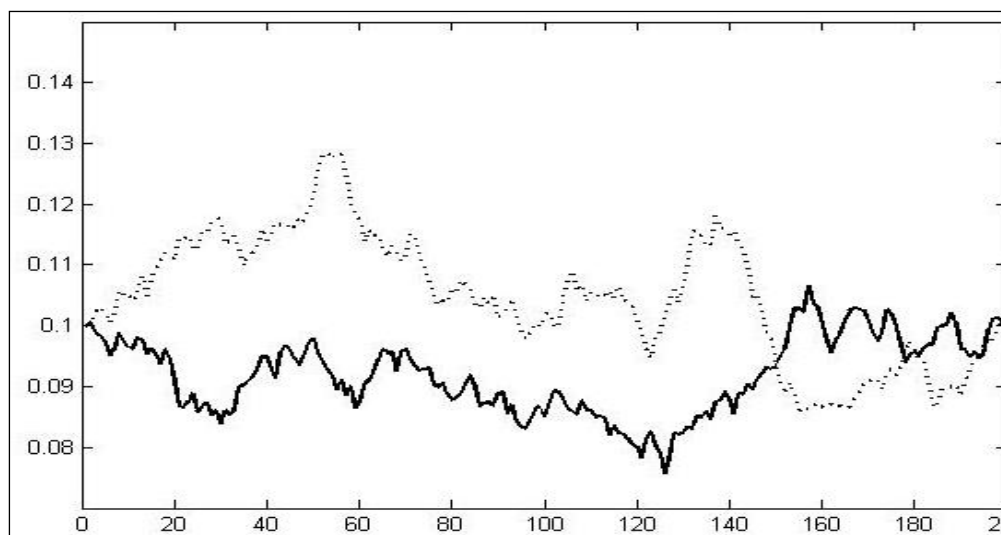

Рис. 5. Динамика объема выпуска в секторе домашних хозяйств (нормированного к суммарному объему выпуска), производящих блага для собственного потребления, при значении ставки налога на доход физических лиц 0,13 (сплошная линия) и 0,18 (точечная линия)*

* Остальные параметры модели указаны в тексте и табл. 1. По горизонтальной оси отложен период симуляций исследуемой модели.

Заключение

Представлены результаты исследования влияния теневого, неформального и сектора домашних хозяйств, производящих блага для собственного потребления, на макроэкономическую динамику в DSGE-модели. При этом применялся алгоритм аппроксимации динамики функции распределения запасов капитала индивидуальных агентов – динамикой ее первого и второго моментов. Параметры модели при каждой итерации алгоритма оценивались с помощью метода Байеса на статистических данных российской экономики. Оригинальным результатом является установление необходимости учета не только моментов первого порядка функции распределения запасов капитала индивидуальных агентов, но и моментов второго

при анализе динамики агрегированных переменных. Поведение функций импульсного отклика основных переменных модели подтверждает факт позитивного влияния теневой экономики (ниже определенного предела) на минимизацию темпов снижения экономических показателей во время рецессий, особенно для развивающихся экономик. Также следует отметить, что неоднородность распределения запасов капитала среди агентов способствует повышению эластичности предложения труда в соответствующих секторах экономики.

Предлагаемая модель представляет интерес, как с методологической точки зрения, так и с практической – для анализа секторов экономики, не наблюдаемых прямыми статистическими методами.

Список литературы

1. *Linde J.* DSGE models: Still useful in policy analysis? // *Oxford Review of Economic Policy*. 2018. Vol. 34. Iss. 1-2. P. 269–286.
2. *Rees D., Smith P., Hall J.* A Multi-sector model of the Australian economy // *Research Discussion Paper*. 2015. Vol. 7. 63 p.
3. *Costa S.M. de Azevedo* Structural trends and cycles in a DSGE model for Brazil // *Working Paper*. Banco Central do Brasil. 2016. № 434. P. 1–57.

4. *Valdivia D.* Handbook on DSGE models: some useful tips in modeling a DSGE models // MPRA Paper. 2015. № 61347. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/61654/> (дата обращения: 18.06.2018).
5. *Малаховская О.А., Минабутдинов А.Р.* Динамическая стохастическая модель общего равновесия экспортноориентированной экономики. Препринт WP12/2013/04 / Высшая школа экономики. Москва, 2013. 33 с.
6. *Полбин А.В.* Построение динамической стохастической модели общего равновесия для экономики с высокой зависимостью от экспорта нефти // Экономический журнал ВШЭ. 2013. Том 17. № 2. С. 347–387.
7. *Шульгин А.Г.* Сколько правил монетарной политики необходимо при оценке DSGE – модели для России? // Прикладная эконометрика. 2014. №4 (36). С. 3–31.
8. *Андреев М.Ю., Поспелов И.Г.* Принцип рациональных ожиданий: Обзор концепций и примеры моделей. М.: ВЦ РАН, 2008. 79 с.
9. *Muth J.F.* Rational Expectations and the Theory of Price Movements // *Econometrica*. 1961. Vol. 29. № 3. P. 315–335.
10. *Giannitsarou C.* Heterogenous learning // *Review of Economic Dynamics*. 2003. Vol. 6. № 4. P. 885–906.
11. *Honkapohja S.* Bounded rationality in macroeconomics. A review essay // *Journal of Monetary Economics*. 1995. Vol. 35. № 3. P. 509–518.
12. *Серков Л.А., Елизаров Д.Б.* Моделирование ожиданий в системах с гетерогенными агентами при наличии теневого сектора экономики // Известия УрГЭУ. 2017. № 2 (70). С. 17–26.
13. *Krusell P., Smith A.* Income and wealth heterogeneity in the macroeconomy // *Journal of Political Economy*. 1998. Vol. 106. № 5. P. 867–896.
14. *Maliar L., Maliar S., Valli F.* Solving the incomplete markets model with aggregate uncertainty using the Krusell–Smith algorithm // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2010. Vol. 34. № 1. P. 42–49.
15. *Den Haan W.J.* Solving Dynamics models with aggregate shocks and heterogeneous agents // *Macroeconomic Dynamics*. 1997. Vol. 1. Iss. 2. P. 355–386.
16. *Busato F., Chiarini B.* Steady state Laffer Curve with the underground economy // *Public Finance Review*. 2013. № 5. P. 608–632.
17. *Colombo E., Onnis L., Tirelli P.* Shadow economies at times of banking crises: Empirics and theory // *Journal of Banking and Finance*. 2016. № 62. P. 180–190. doi: 10.1016/j.jbankfin.2014.09.017.
18. *Reiter M.* Solving heterogeneous – Agent models by projection and perturbation // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2009. Vol. 33. Iss. 3. P. 649–665.
19. *Aiyagari S.* Uninsured idiosyncratic risk and aggregate saving // *The Quarterly Journal of Economics*. 1994. Vol. 109. Iss. 3. P. 659–684.
20. *Поспелов И.Г.* Моделирование российской экономики в условиях кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 11. С. 50–75.
21. *Geweke J.* Using simulation methods for Bayesian econometrics models: Inference, development and communication // *Econometric Reviews*. 1999. Vol. 18. № 1. P. 1–73.
22. *Benhabib J., Rogerson R., Wriht R.* Homework in macroeconomics: household production and aggregate fluctuations // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. № 6. P. 1166–1187.
23. *King R., Plosser C.* Real business cycles: Introduction // *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 21. Iss. 2-3. P. 191–193.
24. *King R., Rebelo S.* Resuscitating real business cycles // NBER Working Paper. 2000. № 7534. URL: <http://www.nber.org/papers/w7534.pdf> (дата обращения: 18.06.2018).
25. *Крепцев Д., Селезнев С.* DSGE-модели российской экономики с малым количеством уравнений // Серия докладов об экономических исследованиях. Центральный банк Российской Федерации. 2016. № 12. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/16728/wps_12.pdf (дата обращения: 18.06.2018).

Сведения об авторе

Серков Леонид Александрович – кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: dsge2012@mail.ru).

References

1. Linde J. DSGE models: Still useful in policy analysis? *Oxford Review of Economic Policy*, 2018, vol. 34, iss. 1-2, pp. 269–286.
2. Rees D., Smith P., Hall J. A Multi-sector model of the Australian economy. *Research Discussion Paper*, 2015, vol. 7. 63 p.
3. Costa S.M. de Azevedo Structural trends and cycles in a DSGE model for Brazil. *Working Paper*. Banco Central do Brasil, 2016, no. 434, pp. 1–57.
4. Valdivia D. Handbook on DSGE models: Some useful tips in modeling a DSGE models // *Munich Personal RePEc Archive Paper*, 2015, no. 61347. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/61654/> (accessed 18.06.2018).
5. Malakhovskaya O.A., Minabutdinov A.R. Dinamicheskaya stokhasticheskaya model' obshchego ravnovesiya eksportnoorientirovannoi ekonomiki [Dynamic stochastic model of general equilibrium of export oriented economy]. *Preprint WP12/2013/04* [Preprint WP12/2013/04]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2013. 33 p. (In Russian).
6. Polbin A.V. Postroenie dinamicheskoi stokhasticheskoi modeli obshchego ravnovesiya dlya ekonomiki s vysokoi zavisimost'yu ot eksporta nefi [Development of a dynamic stochastic general equilibrium model for an economy with high dependence on oil export]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [Higher School of Economics Economic Journal], 2013, vol. 17, no. 2, pp. 347–387. (In Russian).
7. Shul'gin A.G. Skol'ko pravil monetarnoi politiki neobkhodimo pri otsenke DSGE – modeli dlya Rossii? [How much monetary policy rules do we need to estimate DSGE model for Russia]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics], 2014, no. 4 (36), pp.3–31. (In Russian).
8. Andreev M.Yu., Pospelov I.G. *Printsip ratsional'nykh ozhidanii: Obzor kontseptsii i primery modelei* [Rational expectation principle: Review of concepts and model examples]. Moscow, VTs RAN Publ., 2008. 79 p. (In Russian).
9. Muth J.F. Rational expectations and the theory of price movements. *Econometrica*, 1961, vol. 29, no. 3, pp. 315–335.
10. Giannitsarou C. Heterogeneous learning. *Review of Economic Dynamics*, 2003, vol. 6, no. 4, pp. 885–906.
11. Honkapohja S. Bounded rationality in macroeconomics. A review essay. *Journal of Monetary Economics*, 1995, vol. 35, no. 3, pp. 509–518.
12. Serkov L.A., Elizarov D.B. Modelirovanie ozhidanii v sistemakh s geterogennymi agentami pri nalichii tenevogo sektora ekonomiki [Modelling of expectations in the system with heterogeneous agents in the presence of shadow economy]. *Izvestiya UrGEU* [Journal of the Ural State University of Economics], 2017, no. 2 (70), pp. 17–26. (In Russian).
13. Krusell P., Smith A. Income and wealth heterogeneity in the macroeconomy. *Journal of Political Economy*, 1998, vol. 106, no. 5, pp. 867–896.
14. Maliar L., Maliar S., Valli F. Solving the incomplete markets model with aggregate uncertainty using the Krusell–Smith algorithm. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2010, vol. 34, no. 1, pp. 42–49.
15. Den Haan W.J. Solving dynamics models with aggregate shocks and heterogeneous agents. *Macroeconomic Dynamics*, 1997, vol. 1, iss. 2, pp. 355–386.
16. Busato F., Chiarini B. Steady state Laffer curve with the underground economy. *Public Finance Review*, 2013, no. 5, pp. 608–632.
17. Colombo E., Onnis L., Tirelli P. Shadow economies at times of banking crises: Empirics and theory. *Journal of Banking & Finance*, 2016, no. 62, pp.180–190. doi: 10.1016/j.jbankfin.2014.09.017.
18. Reiter M. Solving heterogeneous – Agent models by projection and perturbation. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2009, vol. 33, iss. 3 pp. 649–665.
19. Aiyagari S. Uninsured idiosyncratic risk and aggregate saving. *The Quarterly Journal of Economics*, 1994, vol. 109, iss. 3, pp. 659–684.

20. Pospelov I.G. Modelirovanie rossiiskoi ekonomiki v usloviyakh krizisa [Russian economy modelling in crisis conditions]. *Voprosy ekonomiki* [Economics Issues], 2009, no. 11, pp. 50–75. (In Russian).
21. Geweke J. Using simulation methods for Bayesian econometrics models: Inference, development and communication. *Econometric Reviews*, 1999, vol. 18, no. 1, pp. 1–73.
22. Benhabib J., Rogerson R., Wriht R. Homework in macroeconomics: household production and aggregate fluctuations. *Journal of Political Economy*, 1991, vol. 99, no. 6, pp. 1166–1187.
23. King R., Plosser C. Real business cycles: Introduction. *Journal of Monetary Economics*, 1988, vol. 21, iss. 2-3, pp. 191–193.
24. King R., Rebelo S. Resuscitating real business cycles. *NBER Working Paper*, 2000, no. 7534. Available at: <http://www.nber.org/papers/w7534.pdf> (accessed 18.06.2018).
25. Kreptsev D., Seleznev S. DSGE – modeli rossiiskoi ekonomiki s malym kolichestvom uravnenii [DSGE models of Russian economy with a small number of equations]. *Seriya dokladov ob ekonomicheskikh issledovaniyakh. Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii* [Series of reports about economic studies. Central Bank of the Russian Federation], 2016, no. 12. (In Russian). Available at: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/16728/wps_12.pdf (accessed 18.06.2018).

The date of the manuscript receipt: 30.04.2018

Information about the Author

Serkov Leonid Aleksandrovich – Candidate of Physics and Mathematical Science, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economics, the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya st., Ekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: dsge2012@mail.ru).

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Серков Л.А. Влияние теневого сектора экономики на поведение гетерогенных агентов // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2018. Том 13. № 2. С. 177–195. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-177-195

Please cite this article in English as:

Serkov L.A. Influence of a shadow sector of economy on heterogeneous agent behavior. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 177–195. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-177-195

РАЗДЕЛ III. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

doi 10.17072/1994-9960-2018-2-196-211

УДК 338.43

ББК 65.32

JEL Code Q1

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ НА ОСНОВЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В АГРОКЛАСТЕРЕ**Ольга Виталиевна Косенчук**ORCID ID: [0000-0003-1096-5722](https://orcid.org/0000-0003-1096-5722), Researcher ID: [L-2874-2016](https://orcid.org/L-2874-2016)Электронный адрес: oliakos55@yandex.ruОмский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина
644008, Россия, г. Омск, Институтская площадь, 1

Проблемы развития сельских территорий очень схожи в различных регионах нашей страны. Например, депопуляция населения и оставление земель, высокий уровень безработицы, слаборазвитая инфраструктура, недоступность социальных и медицинских услуг для людей, проживающим в сельской местности, особенно в отдаленных и малонаселенных деревнях. Необходимость их решения обуславливает настоятельную необходимость разработки механизмов эффективного функционирования аграрных предприятий и кластеров в сельских районах, которые часто воспринимаются как драйверы в повышении эффективности экономической деятельности и экономических результатов, интенсификации развития социальной сферы. Особое стратегическое и социальное значение аграрного сектора, спорные и недостаточно проработанные сложные вопросы, связанные с развитием сельских территорий доказывают своевременность и актуальность исследований в этой области. В данной статье утверждается, что развитие аграрной сферы будет способствовать развитию сельских территорий посредством повышения заинтересованности сельскохозяйственных товаропроизводителей на основе регулирования ценового механизма в региональном агрокластере. На основе анализа существующих теоретико-методологических подходов в области развития сельских территорий предложен методический подход и авторский ценовой механизм организации внутрикластерных отношений хозяйствующих субъектов в регионе, базирующийся на получении синергетического эффекта – кластерной ренты и ее пропорциональном распределении между участниками агрокластера. В представленном ценовом механизме отличительной особенностью является применение условно-эталонных единиц измерения при установлении цен на продукцию в совокупности с учетом его качества. Приведен пример расчета коэффициентов качества сырья на мясную продукцию, представлен порядок расчета величины кластерной ренты и доли задействованных участников агрокластера в производстве готовой продукции. Сформулированные в статье рекомендации и выводы представляют собой основу для внедрения более эффективной системы управления хозяйствующими субъектами внутри кластерных образований путем использования механизма цен и могут создавать предпосылки, как для развития отдельных сфер аграрного бизнеса, так и для развития сельских территорий в целом. Установлено, что развитие агрокластера, который объединяет малый и средний агробизнес на территории региона, будет способствовать повышению уровня и качества жизни сельского населения, прогрессивному развитию сельских территорий. Разработанный авторский механизм послужит основой для дальнейших мониторинговых исследований по диагностике существующей конкуренции и установлению оптимальных цен в зависимости от структуры рынка, для максимального повышения эффективности деятельности бизнес структур на селе.

Ключевые слова: агрокластер, производители сельскохозяйственной продукции, ценовой механизм, регулирование ценообразования, закупочная цена, кластерная рента, методика расчета, синергетический эффект, сельская экономика, развитие сельских территорий.

© Косенчук О.В., 2018

Данная статья распространяется на условиях лицензии
Creative Commons - Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES ON THE BASIS OF PRICE REGULATION IN AN AGRO-CLUSTER

Olga V. Kosenchuk

ORCID ID: [0000-0003-1096-5722](https://orcid.org/0000-0003-1096-5722), Researcher ID: [L-2874-2016](https://orcid.org/L-2874-2016)

E-mail: oliakos55@yandex.ru

Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin

1, Institutskaya sq., Omsk, 644008, Russia

The existing problems in rural areas are very similar in various regions of our country, for example, depopulation and abandoned lands, high unemployment rate, underdeveloped infrastructure, the problem in the organization of social and social and medical services to elderly people living in rural areas, especially in remote and sparsely populated villages. The idea that it is necessary to provide a higher level of development for rural areas is substantiated, which makes it necessary to develop mechanisms for the effective functioning of agricultural enterprises and clusters in rural areas, which are often perceived as drivers in improving the efficiency of economic activity and economic results, creating conditions for the development of the social sphere. The special strategic and social importance of the agricultural sector, controversial and insufficiently developed complex issues related to the development of rural areas prove the timeliness and relevance of research in this area. This article argues that the development of the agricultural sector will contribute to the development of rural areas by increasing the interest of agricultural producers on the basis of regulation of the price mechanism in the regional agro cluster. Based on the analysis of existing theoretical and methodological approaches to the development of rural areas, the author proposes a methodological approach and the author's price mechanism for the organization of intra-cluster relations of economic entities in the region, based on obtaining a synergetic effect – cluster rent and its proportional distribution between the participants of the agro cluster. In the presented price mechanism, a distinctive feature is the use of standard units of measurement in determining prices for products in the aggregate, taking into account its quality. An example of calculation of quality factors of raw materials for meat products is given, the procedure for calculating the value of the cluster rent and the share of involved participants in the production of finished products is presented. The recommendations and conclusions formulated in the article are the basis for the introduction of a more effective system of management of economic entities within the cluster formations through the use of the price mechanism and can create conditions for the development of individual areas of agricultural business, and for the development of rural areas as a whole. It is established that the development of an agro-cluster, which unites small and medium-sized agribusiness in the region, will contribute to the improvement of the level and quality of life of the rural population, the progressive development of rural areas. The developed author's mechanism will serve as a basis for further monitoring studies on the diagnosis of existing competition and the establishment of optimal prices, depending on the market structure, to maximize the efficiency of business structures in rural areas.

Keywords: agrarian, agricultural producers, price mechanism, pricing regulation, purchasing price, cluster rent, calculation method, a synergistic effect, rural economy, development of rural areas.

Введение

Зарубежный опыт европейских стран и США показал, что кластеризация является одним из основных механизмов развития сельской экономики. На первом этапе кластеры начали создаваться как научно-производственные объединения. Лидером в данной области является США, где калифорнийский винодельческий кластер начал свое развитие еще в период Второй мировой войны. Положительный американский опыт виноделов переняла Дания, где был создан сельскохозяйственный макрокластер, затем в Германии создали аграрный

кластер на базе мелких фермеров. В Европе примерно одну пятую часть сельскохозяйственного рынка занимает продукция агрокластеров. В Евросоюзе мелкие и средние фермеры, входя в состав кластерного объединения, имеют возможность снизить издержки на производство, логистику и маркетинг, получить льготные кредиты, гранты и лизинговые продукты, кроме того, обладая современной техникой, они способны производить разнообразную продукцию высокого качества. В кластеры объединяются европейские производители вина, молочной продукции, меда, сыра и других видов продукции. В

свою очередь, развитие мелкого и среднего фермерства повысило уровень занятости сельского населения и снизило количество безработных, обеспечило высокий уровень доходов, уменьшило миграционный отток молодежи в города. Достижения зарубежных стран в области кластеризации и эффективного развития сельских территорий могут получить развитие и в нашей стране.

При этом ориентация общественно-го внимания должна быть направлена не только на экономические результаты при кластерном подходе, но также на решение проблем в сельских районах, связанных с более низким уровнем образования, трудовой миграцией сельского населения, рациональным использованием природных ресурсов и внедрением современных технологий. Большинство сельских территорий в России сталкиваются с этими проблемами. В связи с этим разработан ряд соответствующих документов по устойчивому развитию сельских территорий как областей, имеющих первостепенное значение для перспективного развития экономики России. Однако стало очевидным, что в условиях экономической нестабильности и действия антироссийских санкций развитие сельских территорий замедляется по причине недостатков в социальной, экономической и управленческой системах.

Возникла необходимость определить инструменты поднятия сельской экономики и аграрного производства различными мерами, включая управление механизмом цен. Поскольку цена является одним из ключевых инструментов на рынке, важно осознать, каким образом необходимо воздействовать на ценообразование для решения проблем предпринимателей-аграриев и сельских территорий в целом.

Настоящее исследование посвящено актуальной проблеме развития сельских территорий на основе регулирования ценообразования в агрокластере.

Научная проблема, решаемая автором, заключается в подборе инструмента, влияющего на способ расчета цен и ценовое регулирование взаимоотношений участников агрокластера, максимально учиты-

вающего специфику рынка сельскохозяйственной продукции.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты позволят совершенствовать систему управления ценами хозяйствующих субъектов – участников агрокластера, с одновременным достижением максимального эффекта для их производства, а также создадут предпосылки для повышения поступательного развития приоритетных сфер бизнеса и сельских территорий в целом.

Целью исследования явилась разработка теоретико-методологических аспектов формирования механизма регулирования ценообразования для хозяйствующих субъектов в агрокластере, обеспечивающего развитие эффективного предпринимательства и сельских территорий.

Автор считает, что экономический механизм взаимоотношений участников кластера остается пока малоизученным и в настоящее время нет единого мнения по его реализации. В России в настоящее время на рынке сельскохозяйственного сырья и продовольствия цены устанавливают крупные перерабатывающие предприятия и ритейлы. Они фактически не учитывают интересы сельхозтоваропроизводителей, а закупочные цены на сырье не позволяют аграриям получать достаточную норму прибыли. Данное обстоятельство приводит к ситуации, когда производители вынуждены платить своим работникам заработную плату ниже, чем в городе, и это в том числе провоцирует миграцию сельского населения. Такая ситуация не способствует увеличению количества налогоплательщиков и налогооблагаемой базы региона, а также развитию экономической, социальной сфер и инфраструктуры на селе.

Предлагаемый механизм ценообразования и взаимодействия участников агрокластера будет учитывать интересы как крупных, так и мелких сельхозтоваропроизводителей, личных подсобных хозяйств, переработчиков и конечных потребителей. Соответственно экономический механизм взаимодействия для заинтересо-

ванных хозяйствующих субъектов может являться серьезным стимулом в повышении эффективности деятельности регионального АПК и способствовать развитию села.

Состояние изученности проблемы

В последние десятилетия изучению кластеров уделяется значительное внимание, во многом благодаря исключительной популярности работ М. Портера. Многие научные труды авторов посвящены исследованиям развития сельских территорий, в частности изучению влияния кластеризации на развитие аграрной сферы и сельских территорий [1–4]. Однако большинство исследований в данной сфере посвящено роли кластеризации в развитии регионов, а также инновационной составляющей их деятельности. При этом практически не изучена роль единой ценовой политики кластеров как источника конкурентных преимуществ для его участников.

А.Н. Митин и А.А. Пустуев [5] выявили потенциальные риски и возможности при создании агротерриториальных кластеров, рассматривая производственные, технологические, перерабатывающие, обслуживающие и управленческие факторы. При этом они только упоминают, что для ускорения адаптации кластеров к современным институциональным условиям необходимо обеспечить соблюдение принципов: эквивалентность доходов и затрат; синергетическая эффективность и др. Однако авторами не было изучено влияние ценового вопроса в преодолении ведомственной разобщенности аграриев в процессе организационно-управленческой деятельности на сельских территориях.

Ранее предпринятые шаги по объединению интересов органов государственной власти, аграриев и сельского населения через участие в различного рода интеграционных формированиях большого успеха не получили. Пока такие пилотные инициативы реализуются лишь в отдельных регионах России, оставляя для остальных в виде концептуальных документов. Между тем за последние 3–4 года в известных экономических изданиях по-

явилось достаточно много публикаций, посвященных проблеме аграрных кластеров, в которых излагаются теоретико-методологические положения по их формированию и развитию. Так, В.Я. Ахметов, Ф.В. Матинова, Н.Т. Янтилина [6] рассматривают различные кластерные формирования на добровольной основе в качестве наиболее перспективных «точек роста» – отраслей – драйверов развития экономики Зауралья Республики Башкортостан на кооперативной основе. Выделяются следующие территориально-отраслевые агрокластеры: 1) по производству и переработке молока, по переработке мяса и производству мясной продукции, овощеводческий, картофелеводческий, коневодческий, птицеводческий, овцеводческий, рыбоводческий; 2) кластеры народных промыслов и ремесел, лесоперерабатывающий, агротуристско-рекреационный, пчеловодческий, звероводческий; 3) инновационный научно-образовательный кластер (агротехнопарк). Рассматривая возможности создания новых формирований, авторы статьи, к сожалению, не затрагивают вопросов ценового взаимодействия заинтересованных участников.

Опыт кластеризации регионов отражен в научных трудах, в которых территориально-отраслевые кластеры рассматривались как точки роста сельской экономики. В частности, в публикации группы авторов [7] с использованием кластерного анализа осуществлена попытка классифицировать 81 субъект Российской Федерации на 5 типов кластеров по показателям дезурбанизированности: среднедушевой денежный доход населения, уровень бедности, среднедушевой объем продукции сельского хозяйства, ожидаемую продолжительность жизни, уровень зарегистрированной безработицы. Безусловно, данное предложение заслуживает внимания, хотя не совсем понятно, что в дальнейшем гарантирует развитие кластеров в процессе влияния на их функционирование ценового фактора.

В статье Т.Т. Цатхланова, Д.В. Иджилова, Н.А. Буркутбаева [8] изложены проблемы экономического развития сель-

ских территорий как основного фактора обеспечения устойчивого развития Республики Калмыкия. Авторы указывают основные ресурсы, необходимые для развития сельских территорий региона, дают оценку агрокластера и определяют точки роста, но при этом не упоминают о сложностях ценообразования в сельском хозяйстве как об одном из важнейших процессов, влияющих на экономику региона.

Ю.А. Большакова [9] предлагает идею формирования социального кластера с целью устойчивого развития сельских территорий. Автор предполагает, что кластеризация объектов социальной инфраструктуры в сельской местности позволит добиться более эффективного их функционирования и развития элементов социального кластера за счет получения ежегодного дохода от реализации различных проектов. При этом данное высказывание не конкретизируется и не обосновывается.

По мнению автора, наиболее интересными представляются научные изыскания, посвященные исследованиям функционирования агрокластеров и их влиянию на развитие сельских районов. В публикациях А.Н. Сёмина [10], Е.В. Смерницкой [11], О.В. Шумаковой и О.В. Косенчук [12] обосновывается значимость развития аграрной отрасли, являющейся основной сферой деятельности, способной решать основные социально-экономические проблемы села. Опираясь на статистические данные, авторы рассматривают комплекс критериев, характеризующих развитие сельских территорий, но при этом не объясняют, какой мотивационный механизм обеспечит достижение взаимовыгодных отношений между участниками агрокластеров.

Аналогичные разработки сделаны группой исследователей [13–15], которые характеризовали кластер как разновидность предпринимательских структур или как новую конкурентоспособную форму организации производства, обеспечивающую развитие АПК и сельских территорий. К сожалению, авторы публикаций не излагают четко собственного мнения о ценовых условиях при взаимоотношениях участников кластера, отмечая лишь, что

необходимо совершенствовать систему ценообразования в процессе кластеризации.

Также отдельные исследователи уделяют значительное внимание изучению проблем и перспектив создания инновационных, агро-био-энергокластеров, мясных, агропищевых, агротуристических и других видов кластеров [16–18]. Ряд ученых уделяет особое внимание оценке эффективности функционирования региональных агропродовольственных кластеров и методике определения перспективных направлений аграрного развития муниципальных образований [19; 20]. При этом без внимания остаются проблемы ценового регулирования взаимоотношений хозяйствующих субъектов в кластерах.

Специфике организации и функционирования образований кластерного типа в сельских территориях посвящены исследования как российских, так и иностранных авторов [21; 22]. Некоторые ученые рассматривают проблемы кластерного развития и перспективные направления аграрного производства в аспекте повышения эффективности сельского развития [23; 24]. Анализ развития территорий проводят с применением adl-модели, метода сетевого анализа и других методик [25; 26], также авторы определяют типологию территорий по социально-экономическим параметрам [27]. Зарубежные исследователи на основе кластерного подхода с использованием однотипных показателей проводили дифференциацию сельских территорий. Однако предлагаемые ими варианты также не учитывали особенности регулирования ценообразования в кластерных образованиях.

Отдельные авторы проявляют большой интерес к изучению опыта развития различных типов кластеров в разных странах Европы, Африки, Мексике [24; 26; 28]. При этом сельский туризм и промышленный кластер считаются конкурентоспособными направлениями [29; 30].

Анализ теоретических источников позволил установить, что исследователи лишь частично рассматривали ценовые подходы в кластеризации: ориентацию на

рыночную цену, маржинальный подход, затратный подход, определение цены в ходе переговоров, определение трансфертной цены на основе сложных математических выкладок. Такой подход к пониманию развития сельских территорий на кластерной основе акцентирует внимание на важности проведения исследований по разработке механизма ценового регулирования отношений между участниками агрокластера, обеспечивающих функционирование цепочки создания ценности, от разработки продукта до его реализации и поставки потребителю.

Агрокластер как драйвер развития сельской экономики

В последние годы многие страны мира реализуют меры по борьбе с бедностью населения, и все же в большинстве государств в сельских районах наблюдается медленный экономический рост. Проводятся дебаты о том, как можно способствовать росту доходов бедных слоев населения, а также о роли сельского хозяйства, мелкого и крупного фермерства в борьбе с нищетой. Зарубежные исследования [21; 22; 24; 26] с использованием макроэкономических эмпирических данных показали, что рост доходов и сокращение масштабов нищеты в африканских и европейских странах были наиболее впечатляющими среди домохозяйств, которые переходят на занятость с получением заработной платы в крупные предприятия кластерного типа и в секторе новых услуг. Рост доходов в мелком сельском хозяйстве и несельскохозяйственных предприятиях был более скромным, но затронул наибольшее число домашних хозяйств. Трансформация как в фермерском, так и в несельскохозяйственных секторах привела к развитию сельских районов, а инвестиции в сельское хозяйство внесли важный вклад в повышение качества жизни на селе, рост доходов населения и сокращение масштабов бедности.

По мнению автора, основными факторами, определяющими экономический прогресс и благосостояние людей на селе, являются увеличение объемов производ-

ства, повышение производительности труда, желание граждан и наличие соответствующих условий для реализации предпринимательской деятельности. В сельских обществах, которые в большинстве своем лишь частично монетизированы и в которых отсутствуют хорошо организованные каналы сбыта сельскохозяйственной продукции (особенно малыми партиями), много потенциальной производительной энергии тратится впустую. Производители аграрной продукции, особенно небольшие хозяйства, сталкиваются с проблемами сбыта, что нередко приводит не только к ее потерям, но и к отказу от производства в будущем. В результате индивидуальные, средние и крупные аграрии-производители несут значительные убытки. Происходит это не столько из-за удаленности сельских территорий от центральных рынков сбыта, сколько в результате отсутствия убедительных стимулов, побуждающих экономических агентов к продуктивным действиям.

Объединения производителей в кластеры на селе обычно воспринимаются как драйверы, которые приводят к возобновлению экономического роста и обеспечивают конкурентоспособность в менее развитых сельских территориях.

Однако эффективное функционирование кластера невозможно без совершенствования тарифной и ценовой политик, предоставления дополнительных мер финансовой поддержки участникам кластера. Эти и другие важные вопросы нужно решать комплексно, при этом учитывать как угрозы, так и потенциальные возможности для развития продуктового рынка в России и регионах. Новое зачастую воспринимается с интересом, но и с осторожностью. Непонятно, как правильно применять организационно-экономические новшества при существующей ситуации в АПК, использовать ли его для всех участников бизнес-процесса, в том числе и ЛПХ, или только для основных участников кластера.

Управление экономикой АПК на основе создания регионального агрокластера имеет определенные преимущества: повышение предпринимательской актив-

ности в регионе; развитие инновационного потенциала предприятий аграрной сферы посредством распространения опыта внедрения практических инноваций на все предприятия кластера; диверсификация убыточных предприятий; повышение уровня занятости сельского населения; привлечение новых инвестиций и оценка эффективности их вложения; увеличение количества налогоплательщиков и налогооблагаемой базы; формирование информационной базы для статистических исследований.

Агрокластер создает предпосылки для повышения устойчивого финансового положения сельскохозяйственных предприятий, функционирование которых позволяет развивать инфраструктуру сельских территорий в социальной, культурной, бытовой сферах, способствовать созданию новых рабочих мест и сокращению оттока из села не только молодежи, но и остальных категорий населения.

Ключевым фактором успеха в формировании и развитии агрокластера на примере Омской области может стать активная позиция лидеров бизнеса и позитивное партнерство между предпринимательскими группами в регионе.

Совместная деятельность хозяйствующих субъектов на основе кластерного подхода способны решить широкий спектр экономических, социальных и экологических проблем, сформировать на рынке сбалансированную экономическую систему конкуренции между индивидуальным предпринимателем и коллективным сотрудничеством, способствовать экономическому росту на основе «справедливости» и тем самым обеспечить восстановление сельских территорий.

У участников агрокластера за счет территориальной концентрации, кооперации и интеграции, взаимодействия посредством обмена информацией, технологиями, товарами и услугами появляется возможность снижения издержек, выхода на новые рынки сбыта и получения суммарных конкурентных преимуществ по сравнению с отдельными (внекластерными) представителями в регионе.

Повышение конкурентоспособности компаний агрокластера становится ощутимым при достижении «критической массы» числа участников. Чтобы привлечь в агрокластер большее количество хозяйствующих субъектов, необходимо разработать «прозрачный» организационно-экономический механизм ценообразования и взаимодействия между его участниками, обеспечивающий снижение транзакционных издержек и получение синергетического эффекта в процессе создания добавочной стоимости.

В связи с вышеизложенным автор предлагает механизм регулирования ценообразования, основанный на установлении закупочных цен на сырье и распределении кластерной ренты между хозяйствующими субъектами по их долевному участию в готовой продукции.

Разработка механизма регулирования цен в агрокластере

Совершенствование механизма ценообразования в агрокластере связано с вопросами практического характера. Разработка и применение кластерного экономического механизма взаимодействия вызывают различные опасения, поскольку связаны с многочисленными рисками. Несовершенство экономического механизма, регулирующего отношения между участниками агрокластера, может вызвать очень серьезные дисфункции, которые повлекут за собой снижение эффективности, надежности и прибыльности производства.

Проблема состоит в том, что каждый производитель на свой страх и риск производит сельскохозяйственную продукцию и не знает, куда и кому выгодно ее продать. Рыночные отношения складываются хаотично, цены на продукцию устанавливаются индивидуально конкретным представителем бизнеса. Вход в крупные торговые сети зачастую ограничен или недоступен местным товаропроизводителям вообще.

Для эффективного развития регионального агрокластера необходимо обеспечить его участникам гарантированный рынок сбыта и цены на продукцию, обес-

печивающие получение прибыли. Каждый представитель агрокластера должен понимать, какой эффект он может получить от участия в кластере. Следует отметить, что участие в региональном агропищевом кластере в Омской области основано на добровольной основе без внесения вступительных взносов. Каждый желающий может быть участником в нескольких его секторах.

На сегодняшний момент отсутствует четкий механизм экономического взаимодействия внутри кластера. В связи с этим для стимулирования роста производства и финансовой поддержки сельхозтоваропроизводителей автором была разработана методика такого экономического взаимодействия. Она основана на установлении закупочных цен на сырье и переработанную готовую продукцию, расчете величины кластерной ренты и ее долевого распределения между хозяйствующими субъектами – участниками агрокластера. Методика расчета кластерной ренты состоит из нескольких этапов:

I. Установление перерабатывающим предприятием закупочной цены, обеспечивающей уровень рентабельности, на приобретаемое сельскохозяйственное сырье (с учетом его качества) у производителей – участников агрокластера.

II. Определение перерабатывающим предприятием закупочной цены на свою переработанную готовую продукцию (через условную эталонную единицу) для получения гарантированной минимальной нормы прибыли.

III. Определение доли сельхозтоваропроизводителей и перерабатывающего предприятия в рассчитанной закупочной цене на переработанную готовую продукцию (через условную эталонную единицу).

IV. Определение суммы кластерной ренты после продажи готовой продукции по рыночным ценам.

V. Расчет величины кластерной ренты (дополнительной прибыли) для каждого участника агрокластера в соответствии с его долей в закупочной цене на переработанную готовую продукцию.

Механизм применения методики рассмотрен на примере мясной продукции, поскольку данный рынок является дорогостоящим по ценообразованию и проблемным для производителей. Следует отметить, что на практике для статистического учета используется перевод различных видов животных (овец, коз, свиней, лошадей) в условные головы крупного рогатого скота. Поэтому и в авторской методике применяется данный подход.

На первом этапе перерабатывающее предприятие устанавливает закупочные цены на сельскохозяйственное сырье (с учетом его качества), приобретаемое у производителей – участников агрокластера по формуле

$$C_{\text{зак}} = C_{\text{план}} \cdot P \cdot K_{\text{кач}}, \quad (1)$$

где $C_{\text{зак}}$ – закупочная цена на сырье, руб./кг;

$C_{\text{план}}$ – плановая себестоимость производства на основе показателей предприятий с эффективной производственной практикой, руб./кг;

P – коэффициент рентабельности;

$K_{\text{кач}}$ – коэффициент качества сырья.

Коэффициенты качества ($K_{\text{кач}}$) рассчитываются как частное между закупочными ценами отдельного вида животного конкретной категории и максимальной закупочной ценой лучшей категории по данному виду сельскохозяйственных животных. Для наглядности в табл. 1 показаны коэффициенты качества на примере мяса свиней. Аналогично рассчитываются коэффициенты качества сырья по другим видам сельскохозяйственных животных.

Таблица 1

Коэффициенты качества свинины различной категории

Вид животных по категориям	Среднерыночная закупочная цена на сырье, руб./кг	Коэффициент качества
Свиньи 1 кат. (лучшая категория)	111,30	1
Свиньи 2 кат.	103,04	0,93

Окончание табл. 1

Вид животных по категориям	Среднерыночная закупочная цена на сырье, руб./кг	Коэффициент качества
Свиньи 3 кат.	96,90	0,87
Свиньи 4 кат.	90,96	0,82
...		
Подсвинки 2 кат.	84,89	0,76

На втором этапе для получения гарантированной минимальной нормы прибыли перерабатывающим предприятием рассчитывается закупочная цена на 1 условную эталонную единицу переработанной готовой продукции:

$$C_{\min \text{ эт.}} = C_{\text{ср.эт.}} \cdot P, \quad (2)$$

где $C_{\min \text{ эт.}}$ – закупочная цена на 1 условную эталонную единицу переработанной готовой продукции, руб./кг;

$C_{\text{ср.эт.}}$ – средняя себестоимость условной эталонной единицы сырья, руб./кг;

P – коэффициент рентабельности.

При этом величина коэффициента рентабельности на I и II этапах устанавливается одинаковая, равная уровню официальной инфляции на момент расчетов.

Средняя себестоимость условной эталонной единицы сырья ($C_{\text{ср.эт.}}$), закупленного в предыдущем году, рассчитывается по формуле

$$C_{\text{ср.эт.}} = \frac{C_{\text{общ}}}{\sum V_{\text{эт.}i}}, \quad (3)$$

где $C_{\text{общ}}$ – общая себестоимость всей произведенной продукции в перерабатывающем предприятии за предыдущий год, тыс. руб.;

$\sum V_{\text{эт.}i}$ – общее количество условного эталонного сырья в перерасчете на крупный рогатый скот, закупленного в предыдущем году, тонн.

Суммарное количество закупленного условного эталонного сырья рассчитывается по видам сельскохозяйственных животных: произведение натурального объема закупок сырья различных категорий и

соответствующего переводного коэффициента в перерасчете на крупный рогатый скот:

$$\sum V_{\text{эт.}i} = (V_{\text{эт.}I \text{ кат.}} \cdot K_i) + (V_{\text{эт.}II \text{ кат.}} \cdot K_i) + (V_{\text{эт.} \dots \text{ кат.}} \cdot K_i), \quad (4)$$

где $V_{\text{эт.}I \text{ кат.}}$, $V_{\text{эт.}II \text{ кат.}}$, $V_{\text{эт.} \dots \text{ кат.}}$ – фактическое количество закупаемого сырья в натуральных единицах по видам сельскохозяйственных животных I, II, ... категорий, тонн;

K_i – коэффициент перевода в условную эталонную единицу сырья разных видов сельскохозяйственных животных в перерасчете на крупный рогатый скот.

Как изложено выше, разные виды сельскохозяйственных животных (овцы, козы, свиньи, лошади) переводятся в условное эталонное сырье в пересчете на крупный рогатый скот через коэффициенты перевода (K_i). В авторской методике, как и в реальной практике, в качестве эталона соизмерения с коэффициентом 1,0 принимается мясо молодняка бычков категории «супер». Коэффициент перевода рассчитывается как частное между закупочными ценами отдельного вида животного конкретной категории и максимальной закупочной ценой на крупный рогатый скот. Коэффициенты перевода в условное эталонное сырье рассмотрены на примере мяса крупного рогатого скота и свиней (табл. 2). Аналогичная процедура перевода используется при необходимости по другим видам сельскохозяйственных животных.

Таблица 2

Коэффициенты перевода в условную эталонную единицу сырья мяса крупного рогатого скота и свиней

Вид сырья	Категория	Вес туши, кг	Фактическая среднерыночная закупочная цена, руб./кг	Коэффициент перевода в условную эталонную единицу сырья
Молодняк, бычки	Супер	Свыше 315	180	1
Молодняк, бычки	Прима	280–315	175	0,972*

Вид сырья	Категория	Вес туши, кг	Фактическая средняя рыночная закупочная цена, руб./кг	Коэффициент перевода в условную эталонную единицу сырья
Молодняк, бычки	Экстра	240–280	170	0,944
Молодняк, бычки	Отличная	205–240	165	0,917
	Хорошая	175–205		
Молодняк, бычки	Удовлетв.	160–175	160	0,889
Молодняк, бычки	Удовлетв.	140–160	155	0,861
Молодняк, телочки	Отличная	205–240		
Молодняк, телочки	Хорошая	175–205	150	0,833
Коровы	1 кат.	Свыше 170	145	0,806
Коровы	2 кат.	100–120	120	0,667
Свины	1 кат.		111,30	0,618
Свины	2 кат.		103,04	0,572
Свины	3 кат.		96,90	0,538
Свины	4 кат.		90,96	0,505

* Пример расчета: $175 \div 180 = 0,972$.

** Пример расчета: $170 \div 180 = 0,944$.

На третьем этапе определяются доли перерабатывающего предприятия и сельхозтоваропроизводителей в рассчитанной закупочной цене (принятой за 100 %) на переработанную готовую продукцию (через условную эталонную единицу). Доля перерабатывающего предприятия рассчитывается по формуле

$$d_{\text{перер.}} = \frac{(C_{\text{min эт.}} - C_{\text{зак}})}{C_{\text{min эт.}}}, \quad (5)$$

где $d_{\text{перер.}}$ – доля перерабатывающего предприятия в закупочной цене на 1 условную эталонную единицу готовой продукции.

Доля сельхозтоваропроизводителей рассчитывается по формуле

$$d_{\text{произ.}} = 1 - d_{\text{перер.}}, \quad (6)$$

где $d_{\text{произ.}}$ – доля сельхозтоваропроизводителей в закупочной цене на 1 условную эталонную единицу готовой продукции.

При таком подходе устанавливается «справедливая» норма прибыли для производителей, которым причитается большая ее часть. В Омском регионе перерабатывающие компании имеют «львиную» норму прибыли (до 45%) в цепочке формирования готовой продукции «сельхозтоваропроизводитель – перерабатывающее предприятие – магазин».

На четвертом этапе определяется сумма кластерной ренты после продажи готовой продукции по рыночным ценам,

которые принимают покупатели в оптовой и розничной торговле. Данная цена может варьировать в зависимости от конъюнктуры рынка. Размер кластерной ренты ($K_{\text{лР ен}}$) рассчитывается по формуле

$$K_{\text{лР ен}} = V_{\text{продаж}} - V_{\text{min}}, \quad (7)$$

где $V_{\text{продаж}}$ – фактическая выручка, полученная от продажи готовой продукции в отчетном году, тыс. руб.;

V_{min} – минимальная выручка, рассчитанная через закупочную цену на 1 условную эталонную единицу готовой продукции для перерабатывающего предприятия в отчетном году, тыс. руб.

Минимальная выручка (V_{min}) для перерабатывающего предприятия рассчитывается как произведение закупочной цены и количества условно эталонной готовой продукции. Цепная подстановка всех показателей представлена в формуле

$$V_{\text{min}} = C_{\text{min эт.}} \cdot \sum V_{\text{эт. i1}} = \left(\frac{C_{\text{общ}}}{\sum V_{\text{эт. i}}} \cdot P \right) \cdot \sum V_{\text{эт. i1}}, \quad (8)$$

где $\sum V_{\text{эт. i1}}$ – общее количество условного эталонного сырья, закупленного в отчетном году, в перерасчете на крупный рогатый скот, тонн;

$\sum V_{\text{эт. i}}$ – общее количество условного эталонного сырья, закупленного в предыдущем году, в перерасчете на крупный рогатый скот, тонн.

На завершающем этапе рассчитывается величина дополнительной прибыли

для каждого участника агрокластера в соответствии с их долей в закупочной цене на переработанную готовую продукцию:

$$P_{\text{доп.}} = K_{\text{л}} P_{\text{ен}} \cdot d. \quad (9)$$

Распределение дополнительной прибыли сельскохозяйственным производителям осуществляется из кластерной ренты пропорционально объемам сданной ими продукции на переработку один раз в конце отчетного периода.

Результативность предлагаемого экономического механизма определяется сочетанием интересов участников агрокластера и получением сверхприбыли, так называемой кластерной ренты. Разработанный механизм ценообразования позволит участникам агрокластера обеспечить снижение транзакционных издержек и получить синергетический эффект в процессе создания добавочной стоимости. С целью распределения кластерной ренты между действующими участниками, а также координации и планирования производственной и сбытовой деятельности сельхозтоваропроизводителей предлагается:

- организовать координационные советы в каждом секторе агрокластера из представителей государственных структур, бизнеса и науки;
- разработать региональный закон о взаимодействии товаропроизводителей, переработчиков с торговыми сетями, который поможет местным производителям направлять свои продукты в сетевые магазины, снизить бонусные платежи, плату за «попадание» на полки и др.;
- развивать логистические схемы по сбыту сельхозпродукции;
- расширять ярмарочную торговлю сельхозпродукцией, что будет способствовать большей ее доступности покупателям и позволит получить максимальную прибыль непосредственным производителям. Во избежание диспропорций при прохождении товара по продуктовым цепочкам необходимо проводить мониторинг этого процесса государственными органами;
- необходимо создавать холдинговые компании, которые обеспечат полно-

ценные крепкие связи между перерабатывающими предприятиями и производителями сельскохозяйственной продукции. Это позволит выстроить эффективные продуктовые цепочки, увеличить доход товаропроизводителей, переработчиков и сформировать рациональный доход торговых сетей.

Заключение

Исходя из вышеизложенного следует отметить, что развитие сельских территорий невозможно без эффективного функционирования сельскохозяйственных организаций, без развития среднего и малого бизнеса на селе. По мнению автора, для повышения эффективности деятельности хозяйствующих субъектов необходимо объединение их в агрокластер, в рамках которого для его участников будет действовать экономический механизм регулирования ценообразования. Данный механизм должен учитывать специфику производства аграрной продукции, интересы сельхозтоваропроизводителей и обеспечивать аграриям достаточную норму прибыли.

Регулирование ценообразования на сельскохозяйственную продукцию может стать стимулирующим фактором в развитии сельских территорий, поскольку распространение успешного опыта внедрения практических инноваций и эффективного функционирования компаний внутри агрокластера привлечет новые инвестиции в аграрную экономику и сферу благоустройства сельских территорий, повлечет за собой повышение предпринимательской и инновационной активности. Это будет способствовать появлению новых хозяйствующих субъектов в сфере АПК, соответственно увеличению количества налогоплательщиков и налогооблагаемой базы региона, а следовательно, появится больше финансовых возможностей для развития социальной сферы села, повышения комфортности и благоустройства жизни местного населения.

Список литературы

1. Кундиус В.А., Петцух Н.И., Домникова Е.Ю., Харченко А.Н. Устойчивое развитие сельских территорий на основе кластеризации и принципов ВТО // *Аграрная наука – сельскому хозяйству*: сб. ст.: в 3 кн.: IX Междунар. науч.-практ. конф. (5–6 февраля 2014 г.). Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2014. Кн. 3. С. 179–181.
2. Сычева И.Н., Глотко А.В., Пермякова Е.С., Сафронов Д.В. Инструменты стимулирования инновационного развития аграрного сектора в регионах // *Вестник ОрелГИЭТ*. 2016. № 2 (36). С. 13–21.
3. Щетинина И.В. Кластерный подход к развитию агропромышленного производства // *Развитие агропромышленного производства и сельских территорий*: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. (2 марта 2016 г.). Новосибирск: Золотой колос, 2016. С. 28–31.
4. Янина Т.Ф. Кластеры – основа устойчивого развития сельских территорий России // *Региональные особенности рыночных социально-экономических систем (структур) и их правовое обеспечение*: сб. материалов V Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. О.С. Кошевого. 1 марта 2014 г. Пенза: Московский ун-т им. С.Ю. Витте, 2014. С. 208–212.
5. Митин А.Н., Пустуев А.А. Устойчивость аграрных хозяйств и сельских территорий через создание кластеров: сомнения и возможности // *Аграрный вестник Урала*. 2016. № 4 (146). С. 109–114.
6. Ахметов В.Я., Матинова Ф.В., Янтилина Н.Т. Территориально-отраслевые кластеры как точки роста экономики сельских территорий (на примере районов Зауралья Республики Башкортостан) // *Управление экономическими системами: электрон. науч. журнал*. 2015. № 10 (82). URL: <http://www.uecs.ru/uecs-82-822015?start=40> (дата обращения: 22.03.2018).
7. Каримова Р.М., Яппарова Р.Р. Опыт кластеризации регионов российской федерации по показателям дезурбанизированности // *Вестник ВЭГУ*. 2016. № 6 (86). С. 11–22.
8. Цатхланова Т.Т., Иджилова Д.В., Буркутбаева Н.А. Агропроизводственный кластер как точка роста экономики Республики Калмыкия // *Экономика и предпринимательство*. 2015. № 11-1 (64-1). С. 319–322.
9. Большакова Ю.А. Использование кластерного подхода к обеспечению устойчивого развития социальной сферы села // *Вестник НГИЭИ*. 2014. № 11 (42). С. 5–13.
10. Сёмин А.Н. Особенности организации агрокластеров в сельских территориях Урала // *Теория и практика мировой науки*. 2017. № 5. С. 52–55.
11. Смерницкая Е.В. Агропромышленный кластер как механизм развития сельских территорий в Республике Крым // *Известия сельскохозяйственной науки Тавриды*. 2015. № 2 (165). С. 185–189.
12. Шумакова О.В., Косенчук О.В. Агрокластер как механизм устойчивого развития сельских территорий // *Экономика и предпринимательство*. 2014. № 10 (51). С. 333–337.
13. Александров А.Ю., Морозова Н.В. Агрокластер как новая конкурентоспособная форма организации производства сельской территории // *Научное обозрение*. 2016. № 1. С. 167–173.
14. Ханмагомедов С.Г., Джамалдиева М.М., Алиева О.Ю. Роль кластеров малой формы в развитии горных территорий Дагестана // *Проблемы развития АПК региона*. 2016. Т. 1. № 1-2 (25). С. 180–184.
15. Щетинина И.В. Агропромышленный кластер как разновидность предпринимательских сообществ, обеспечивающих развитие АПК и сельских территорий // *Роль бизнеса и власти в развитии агропромышленного комплекса*. Материалы XV междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 14–15 сентября 2016 г. / Алтайская лаборатория СибНИИЭСХ СФНЦА РАН; под науч. ред. проф. Г.М. Гриценко. Барнаул: Алтайский дом печать, 2016. С. 60–63.
16. Глотко А.В., Галкин Д.Г. Формирование регионального мясного кластера в условиях технологической многоукладности агропромышленного производства // *Алтай – Гималаи: традиционные знания и инновации в развитии горных и предгорных регионов Евразии*: сб. материалов I российско-индийско-монгольского семинара 19–21 июня 2015 г. Барнаул: Издательство Фонда "Алтай-21 век". 2015. С. 79–85.
17. Грекова Н.С., Греков А.Н. Формирование инновационных кластеров - направление устойчивого развития сельских территорий Тамбовской области // *Стратегические инициативы социально-экономического развития хозяйствующих субъектов региона в условиях внешних ограничений*. Материалы междунар. науч.-практ. конф., организованной совместно с администрацией ОЭЗ «ППТ «Липецк»». 8–9 декабря 2016 г. Воронеж: ООО Ритм, 2017. С. 64–67.

18. Сёмин А.Н. Создание агро-био-энергодокластера с целью устойчивого развития внегородских территорий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. № 10. С. 40–43.
19. Косинский П.Д., Медведев А.В., Бондарева Г.С. Оценка эффективности функционирования агропродовольственного кластера региона // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-2. С. 261–265.
20. Павлов А.Ю., Афанасьева М.С. Методика определения перспективного направления аграрного развития муниципальных образований (на примере Пензенской области) // Вестник НГИЭИ. 2016. № 12 (67). С. 101–106.
21. Zheliazkov G., Zaimova D., Genchev E., Toneva K. Cluster development in rural areas // Economics of Agriculture. 2015. Vol. 62. Iss. 1. P. 73–93. doi: 10.5937/ekoPolj1501073Z.
22. Delgado M., Porter M.E., Stern S. Clusters, convergence, and economic performance // Research Policy. 2014. № 10 (43). P. 1785–1799. doi: 10.3386/w18250.
23. Kosenchuk O.V., Aleshchenko V.V., Stukach V.F., Zinich A.V., Leushkina V.V. Study of the problems of sustainable development of rural territories // International Journal of Economic Research. 2016. № 13 (6). P. 2391–2407. URL: <http://serialsjournals.com/serialjournalmanager/pdf/1478243340.pdf> (дата обращения: 09.11.2016).
24. Van den Broeck G., Maertens M. Moving up or moving out? Insights into rural development and poverty reduction in Senegal // World Development. 2017. № 99. P. 95–109. doi: 10.1016/j.worlddev.2017.07.009.
25. Didenko N., Skripnuk D., Mirolyubova O., Radion M. Analysis of rural areas development of the region using the ADL-model // Research for Rural Development. 2017. № 2. P. 142–148. doi: 10.22616/rrd.23.2017.061.
26. Javier S., Castañón-Puga M., Gaxiola-Pacheco C., Suarez E.D. Identifying clusters of complex urban-rural issues as part of policy making process using a network analysis approach: A case study in Bahía de Los Angeles, Mexico // Sustainability. 2017. № 6 (9). P. 1059–1068. doi: 10.3390/su9061059.
27. Hedlund M. Mapping the socioeconomic landscape of rural Sweden: Towards a typology of rural areas // Regional Studies. 2016. № 3 (50). P. 460–474. doi: 10.1080/00343404.2014.924618.
28. Martinho V.J.P.D. Forestry activity in Portugal within the context of the European Union: A cluster in agricultural economics for sustainable development // Environment, Development and Sustainability. 2016. Vol. 18. Iss. 5. P. 1339–1357. doi: 10.1007/s10668-016-9775-x.
29. Pavlovic S., Cavlin G. Competitiveness of destinations within the rural tourism cluster: Zlatar, Zlatibor // Ekonomika poljoprivrede. 2014. Vol. 61. Iss. 3. P. 603–614. doi: 10.5937/ekoPolj1403603P.
30. Sanchis R.A., Serrano V.C., Köster P.R. Culture as a factor of socio-economic innovation in rural areas: The case of the artistic craftwork cluster of La Città Europea dei Mestieri d'Arte (CITEMA) // Journal of Depopulation and Rural Development Studies. 2016. Iss. 20. doi: 10.4422/ager.2015.15. URL: http://www.econcult.eu/wp-content/uploads/2016/03/Forthcoming_2015_15.pdf (дата обращения: 09.11.2016)

Статья поступила в редакцию 11.03.2018

Сведения об авторе

Косенчук Ольга Виталиевна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, декан факультета зоотехнии, товароведения и стандартизации, Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина (Россия, 644008, г. Омск, Институтская площадь, 1; e-mail: oliakos55@yandex.ru).

References

1. Kundius V.A., Pettsukh N.I., Domnikova E.Yu., Kharchenko A.N. Ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii na osnove klasterizatsii i printsipov VTO [Sustainable development of rural areas based on clustering and the WTO principles]. *Agrarnaya nauka – sel'skomu khozyaistvu: sbornik statei: v 3 kn. IX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (5–6 fevralya 2014 g.). Kniga 3 [Agricultural sciences to agriculture: Collection of articles: In 3 books. The IX International Scientific and Practical*

Conference (February 5–6, 2014). Book 3]. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ., 2014, pp. 179–181. (In Russian).

2. Sycheva I.N., Glotko A.V., Permyakova E.S., Safronov D.V. Instrumenty stimulirovaniya innovatsionnogo razvitiya agrarnogo sektora v regionakh [Stimulation tools of innovative development of the agrarian sector in the regions]. *Vestnik OrelGIET* [Orel State Institute of Economy and Trade], 2016, no. 2 (36), pp. 13–21. (In Russian).

3. Shchetinina I.V. Klasternyi podkhod k razvitiyu agropromyshlennogo proizvodstva [Cluster approach to the development of agricultural industry]. *Razvitie agropromyshlennogo proizvodstva i sel'skikh territorii*. Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (2 marta 2016 g.) [Development of agricultural industry and rural areas. Collection of scientific articles of International Scientific and Practical Conference (March 2, 2016)]. Novosibirsk, Zolotoi kolos Publ., 2016, pp. 28–31. (In Russian).

4. Yanina T.F. Klasteri – osnova ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii Rossii [Clusters are the basis for sustainable development of Russian rural areas]. *Regional'nye osobennosti rynochnykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem (struktur) i ikh pravovoe obespechenie*. Sbornik materialov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod redaktsiei O.S. Koshevo. 1 marta 2014 g. [Regional peculiarities of market social and economic systems (structures) and their legal support. Collection of articles of the V Russian Scientific and Practical Conference. Ed. by O.S. Koshevoi. March 1, 2014]. Penza, Moskovskii universitet imeni S.Yu. Vitte Publ., 2014, pp. 208–212. (In Russian).

5. Mitin A.N., Pustuev A.A. Ustoichivost' agrarnykh khozyaistv i sel'skikh territorii cherez sozdanie klasterov: somneniya i vozmozhnosti [Sustainability of agrarian economies and rural areas through clustering: Doubts and possibilities]. *Agrarnyi vestnik Urala* [Agrarian Bulletin of the Ural], 2016, no. 4 (146), pp. 109–114. (In Russian).

6. Akhmetov V.Ya., Matinova F.V., Yantilina N.T. Territorial'no-otraslevye klasteri kak tochki rosta ekonomiki sel'skikh territorii (na primere raionov Zaural'ya respubliki Bashkortostan) [Territorial-sectoral clusters as points of growth of economy of rural areas (In the case study of the Zayralie regions of the Republic of Bashkortostan)]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Management of economic systems: Scientific electronic journal], 2015, no. 10 (82). (In Russian). Available at: <http://www.uecs.ru/uecs-82-822015?start=40> (accessed 22.03.2018).

7. Karimova R.M., Yapparova R.R. Opyt klasterizatsii regionov rossiiskoi federatsii po pokazatelyam dezurbanizirovannosti [Experience of clustering of the Russian Federation regions according to de-urbanization indicators]. *Vestnik VEGU* [Vestnik VEGU], 2016, no. 6 (86), pp. 11–22. (In Russian).

8. Tsatkhlanova T.T., Idzhilova D.V., Burkutbaeva N.A. Agroproduktivnyy klaster kak tochka rosta ekonomiki Respubliki Kalmykiya [Agro industrial cluster as a point of economic growth of the Republic of Kalmykia]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2015, no. 11-1 (64-1), pp. 319–322. (In Russian).

9. Bol'shakova Yu.A. Ispol'zovanie klaster'nogo podkhoda k obespecheniyu ustoichivogo razvitiya sotsial'noi sfery sela [Use of the cluster approach to the maintenance of sustainable development of the agricultural sector of villages]. *Vestnik NGIEI* [Herald NGIEI], 2014, no. 11 (42), pp. 5–13. (In Russian).

10. Semin A.N. Osobennosti organizatsii agroklastеров v sel'skikh territoriyakh Urala [Features of agro-cluster organization at the rural areas of the Ural]. *Teoriya i praktika mirovoi nauki* [Theory and Practice of the World Science], 2017, no. 5, pp. 52–55. (In Russian).

11. Smernitskaya E.V. Agropromyshlennyi klaster kak mekhanizm razvitiya sel'skikh territorii v Respublike Krym [Agricultural cluster as a mechanism of rural area development in the Republic of the Crimea]. *Izvestiya sel'skokhozyaistvennoi nauki Tavriy* [Transactions of Taurida Agricultural Science], 2015, no. 2 (165), pp. 185–189. (In Russian).

12. Shumakova O.V., Kosenchuk O.V. Agroklastер kak mekhanizm ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii [Agrarian cluster as a mechanism of sustainable development of rural areas]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2014, no. 10 (51), pp. 333–337. (In Russian).

13. Aleksandrov A.Yu., Morozova N.V. Agroklastер kak novaya konkurentosposobnaya forma organizatsii proizvodstva sel'skoi territorii [Agricultural cluster as a new competitive form of production organization of rural areas]. *Nauchnoe obozrenie* [Science Review], 2016, no. 1, pp. 167–173. (In Russian).

14. Khanmagomedov S.G., Dzhamaldieva M.M., Alieva O.Yu. Rol' klasterov maloi formy v razvitiy gornykh territorii Dagestana [The role of a small form of clusters in the development of mountainous areas

of Dagestan]. *Problemy razvitiya agrarno-promyshlennogo kompleksa regiona* [Problems of development of agribusiness of a region], 2016, vol. 1, no. 1-2 (25), pp. 180–184. (In Russian).

15. Shchetinina I.V. Agropromyshlennyi klaster kak raznovidnost' predprinimatel'skikh soobshchestv, obespechivayushchikh razvitie APK i sel'skikh territorii [Agro-industrial cluster as a type of business communities that provide the development of agribusiness and rural areas]. *Rol' biznesa i vlasti v razvitiu agropromyshlennogo kompleksa*. Materialy XV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Barnaul, 14–15 sentyabrya 2016 g. [The role of business in the development of agribusiness. Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference. Barnaul, September 14–15, 2016]. Altaiskaya laboratoriya SibNIIESKH SFNTSA RAN; pod nauch. red. prof. G.M. Gritsenko [Altai laboratory SibNIIESKH SFNTSA RAN. Ed. by prof. G.M. Gritsenko]. Barnaul, Altaiskii dom pechat' Publ., 2016, pp. 60–63. (In Russian).

16. Glotko A.V., Galkin D.G. Formirovanie regional'nogo myasnogo klastera v usloviyakh tekhnologicheskoi mnogoukladnosti agropromyshlennogo proizvodstva [Development of regional meat cluster in terms of technological multiformity of agribusiness]. *Altai – Gimalai: traditsionnye znaniya i innovatsii v razvitiu gornyykh i predgornyykh regionov Evrazii*. Sbornik materialov I Rossiisko-Indiisko-Mongol'skogo seminaru 19–21 iyunya 2015 g. [Altai – Himalayas: Conventional knowledge and innovations in the development of mountainous and foothill areas of Eurasia. Proceedings of the I Russian – India – Mongolia seminar. June 19–21, 2015]. Barnaul, Fond "Altai-21 vek" Publ., 2015, pp. 79–85. (In Russian).

17. Grekova N.S., Grekov A.N. Formirovanie innovatsionnykh klasterov – napravlenie ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii Tambovskoi oblasti [Formation of innovation clusters – the trend of sustainable development of rural areas of Tambov region]. *Strategicheskie initsiativy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya khozyaistvuyushchikh sub"ektov regiona v usloviyakh vneshnikh ogranichenii*. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, organizovannoi sovместno s Administratsiei osobo ekonomicheskoi zony promyshlenno-proizvodstvennogo tipa «Lipetsk». 8–9 dekabrya 2016 g. [Strategic initiatives of social and economic development of economic entities of a region in the conditions of external restrictions. Proceedings of International Scientific and Practical Conference supported by the Authority of the special economic zone of industrial and production type “Lipetsk”]. Voronezh, Ritm Publ., 2017, pp. 64–67. (In Russian).

18. Semin A.N. Sozdanie agro-bio-energoklastera s tsel'yu ustoichivogo razvitiya vnegorodskikh territorii [Development of agro-bio-energy cluster for the sustainable development of rural areas]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economy of agricultural and processing enterprises], 2017, no. 10, pp. 40–43. (In Russian).

19. Kosinskii P.D., Medvedev A.V., Bondareva G.S. Otsenka effektivnosti funktsionirovaniya agroproduktov'stvennogo klastera regiona [Assessment of agro-food cluster efficiency of a region]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2013, no. 11-2, pp. 261–265. (In Russian).

20. Pavlov A.Yu., Afanas'eva M.S. Metodika opredeleniya perspektivnogo napravleniya agrarnogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy (na primere Penzenskoi oblasti) [The technique of determination of perspective directions of agricultural development of municipal formations (In the case study of Penza region)]. *Vestnik NGIEI* [Herald NGIEI], 2016, no. 12 (67), pp. 101–106. (In Russian).

21. Zheliazkov G., Zaimova D., Genchev E. Toneva K. Cluster development in rural areas. *Economics of Agriculture*, 2015, vol. 62, iss. 1, pp. 73–93. doi: 10.5937/ekoPolj1501073Z.

22. Delgado M., Porter M.E., Stern S. Clusters, convergence, and economic performance. *Research Policy*, 2014, no. 10 (43), pp. 1785–1799. doi: 10.3386/w18250.

23. Kosenchuk O.V., Aleshchenko V.V., Stukach V.F., Zinich A.V., Leushkina V.V. Study of the problems of sustainable development of rural territories. *International Journal of Economic Research*, 2016, no. 13 (6), pp. 2391–2407. Available at: <http://serialsjournals.com/serialjournalmanager/pdf/1478243340.pdf> (accessed 09.11.2016).

24. Van den Broeck G., Maertens M. Moving up or moving out? Insights into rural development and poverty reduction in Senegal. *World Development*, 2017, no. 99, pp. 95–109. doi: 10.1016/j.worlddev.2017.07.009.

25. Didenko N., Skripnuk D., Mirolyubova O., Radion M. Analysis of rural areas development of the region using the ADL-model. *Research for Rural Development*, 2017, no. 2, pp. 142–148. doi: 10.22616/rrd.23.2017.061.

26. Javier S., Castañón-Puga M., Gaxiola-Pacheco C., Suarez E.D. Identifying clusters of complex urban-rural issues as part of policy making process using a network analysis approach: A case study in Bahía de Los Angeles, Mexico. *Sustainability*, 2017, no. 6 (9), pp. 1059–1068. doi: 10.3390/su9061059.

27. Hedlund M. Mapping the socioeconomic landscape of rural Sweden: Towards a typology of rural areas. *Regional Studies*, 2016, no. 3 (50), pp. 460–474. doi: 10.1080/00343404.2014.924618.

28. Martinho V.J.P.D. Forestry activity in Portugal within the context of the European Union: A cluster in agricultural economics for sustainable development. *Environment, Development and Sustainability*, 2016, vol. 18, iss. 5, pp. 1339–1357. doi: 10.1007/s10668-016-9775-x.

29. Pavlovic S., Cavlin G. Competitiveness of destinations within the rural tourism cluster: Zlatar, Zlatibor. *Economics of Agriculture*, 2014, vol. 61, iss. 3, pp. 603–614. doi: 10.5937/ekoPolj1403603P.

30. Sanchis R.A., Serrano V.C., Köster P.R. Culture as a factor of socio-economic innovation in rural areas: The case of the artistic craftwork cluster of La Città Europea dei Mestieri d'Arte (CITEMA). *Journal of Depopulation and Rural Development Studies*, 2016, iss. 20. doi: 10.4422/ager.2015.15. Available at: http://www.econcult.eu/wp-content/uploads/2016/03/Forthcoming_2015_15.pdf (accessed 09.11.2016).

The date of the manuscript receipt: 11.03.2018

Information about the Author

Kosenchuk Olga Vitalievna – Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Animal Science, Commodity and Standardization, Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin (1, Institutskaya sq., Omsk, 644008, Russia; e-mail: oliakos55@yandex.ru).

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Косенчук О.В. Развитие сельских территорий на основе регулирования ценообразования в агрокластере // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2018. Том 13. № 2. С. 196–211. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-196-211

Please cite this article in English as:

Kosenchuk O.V. Development of rural territories on the basis of price regulation in an agro-cluster. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 196–211. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-196-211

doi 10.17072/1994-9960-2018-2-212-227

УДК 338.431.82

ББК 65.32

JEL Code Q12

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Евгения Муслимовна ДусаеваORCID ID: [0000-0002-6761-3536](https://orcid.org/0000-0002-6761-3536), Researcher ID: [I-8162-2018](https://orcid.org/I-8162-2018)Электронный адрес: gachok_muslim@mail.ruФедеральный научный центр биологических систем и агротехнологий
Российской академии наук

460000, Россия, г. Оренбург, ул. 9 Января, 29

Алия Хамитовна КурмановаORCID ID: [0000-0002-2150-3649](https://orcid.org/0000-0002-2150-3649), Researcher ID: [I-8167-2018](https://orcid.org/I-8167-2018)Электронный адрес: aleka_k@mail.ru

Оренбургский государственный университет

460018, Россия, г. Оренбург, проспект Победы, 13

Мария Ивановна ЦыгулеваORCID ID: [0000-0002-2809-9562](https://orcid.org/0000-0002-2809-9562), Researcher ID: [I-8140-2018](https://orcid.org/I-8140-2018)Электронный адрес: stas_04@mail.ru

Оренбургский государственный аграрный университет

460014, Россия, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18

В период реформ в России личные подсобные хозяйства приобрели юридический статус и получили новый виток развития. Происходящие социально-экономические изменения в стране, снижение объемов сельскохозяйственного производства и уровня доходов сельского и городского населения стали предпосылками развития личных подсобных хозяйств как формы самозанятости и самообеспечения населения продовольствием. Это обуславливает актуальность исследования перспектив развития личных подсобных хозяйств в современной региональной экономике с целью определения основных направлений повышения эффективности их деятельности, что особенно важно в условиях продуктовых контрсанкций. В связи с этим целью авторского исследования является изучение современного положения личных подсобных хозяйств как малых форм хозяйствования и выявление перспектив их развития для поддержания экономики региона. Методическую основу исследования составляют общенаучные методы познания и методологический инструментарий экономической науки, включающий сравнительный, экономико-статистический, расчетно-конструктивный методы. Информационно-эмпирической базой исследования являются данные официальной статистики Министерства сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности Оренбургской области, Территориального управления государственной статистики по Оренбургской области. Основываясь на результатах проведенного анализа динамики производства сельскохозяйственной продукции в Оренбургской области, авторы выявили тенденцию роста доли личных подсобных хозяйств и объемов производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах населения региона, что свидетельствует о значимости личных подсобных хозяйств в поставке продовольствия на внутренний рынок. Определено, что инструментами государственной поддержки аграрного сектора региона в целом и личных подсобных хозяйств в частности должны стать развитие инфраструктуры, диверсификация сельской экономики, создание регионального мясомолочного продуктового кластера. В перспективе проведенное исследование может стать основой обоснования и разработки организационно-экономического механизма хозяйствования кластерного типа, который требует особых подходов в управлении территориями.

Ключевые слова: личное подсобное хозяйство, сельскохозяйственная продукция, производство сельскохозяйственной продукции, самозанятость, фермерство, продовольственная безопасность, импортозамещение, проблемы развития, государственная поддержка, регион.

© Дусаева Е.М., Курманова А.Х., Цыгулева М.И., 2018

Данная статья распространяется на условиях лицензии
Creative Commons - Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

CHALLENGES AND TRENDS OF PRIVATE HOUSEHOLD DEVELOPMENT IN A REGIONAL ECONOMY (IN THE CASE STUDY OF ORENBURG REGION)

Evgeniya M. Dusaeva

ORCID ID: [0000-0002-6761-3536](https://orcid.org/0000-0002-6761-3536), Researcher ID: [I-8162-2018](https://orcid.org/I-8162-2018)

E-mail: gachok_muslim@mail.ru

Federal Scientific Center of Biological Systems and Agrotechnologies
of the Russian Academy of Sciences
29, 9 Yanvarya st., Orenburg, 460000, Russia

Aliya Kh. Kurmanova

ORCID ID: [0000-0002-2150-3649](https://orcid.org/0000-0002-2150-3649), Researcher ID: [I-8167-2018](https://orcid.org/I-8167-2018)

E-mail: aleka_k@mail.ru

Orenburg State University
13, prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russia

Mariya I. Tsyguleva

ORCID ID: [0000-0002-2809-9562](https://orcid.org/0000-0002-2809-9562), Researcher ID: [I-8140-2018](https://orcid.org/I-8140-2018)

E-mail: stas_04@mail.ru

Orenburg State Agrarian University
18, Chelyuskintsev st., Orenburg, Russia, 460014

Nowadays private households have become legal in Russia that has led to a new stage of their development. Current social and economic trends in the country, the decrease of farm production rates and rural and urban population income growth have resulted to the development of private households as a form of self-employment and self-sustainment of the population. This fact explains the importance to study the development trends of private households in modern regional economy in order to determine the ways to increase the efficiency of their activity that is significant in terms of food counter-sanctions. In this context the object of the original study is to investigate the current conditions of private households as a small-size economic activity and to reveal the trends of their development to support a regional economy. The study is based on universal scientific research methods and methodological tools of economics including comparative, economic and statistic, and calculation and constructive methods. Empirically the research is based on official statistical data by the Ministry of Agriculture, Food and Processing industry of Orenburg region and the Territorial Management of public statistics on Orenburg region. On the basis of the analysis of the dynamics of agricultural goods production in Orenburg region we have reveal the increase trend of a private household share and the production volume of agricultural goods there. This testifies the importance of private households in a domestic food supply process. When estimating the household development trends in the economy of Orenburg region it has been revealed that the infrastructure development, rural economy diversification, the development of the regional meat and dairy food cluster will become a decent public tool to support the agricultural sector in general and private households in particular. In future the conducted research will become a foundation for substantiation and development of organizational and economic mechanism of cluster type management that requires special approaches in territorial management.

Keywords: private household, agricultural goods, production of agricultural goods, self-employment, farming, production security, import substitution, development challenges, government support, region.

Введение

Для самообеспечения продуктами питания в России сельское население, а с принятием государственной продовольственной программы в 80-х годах прошлого столетия и городские граждане, которым были выделены земельные участки, занимаются личным подсобным хозяйством (далее – ЛПХ). В сельской местности исторически сложилось, что

население занималось подсобным хозяйством, ремеслами и промыслами для продовольственного обеспечения семьи и получения дополнительных доходов [1]. Товарообменные отношения в данной категории хозяйств носили дискретный рыночный характер. Излишки продавали на ярмарках, стихийных рынках, причем товарообменные отношения не имели развитого рыночного характера, особенно в советский пери-

од. Тогда овощи, картофель, ягоды с огородов и приусадебных участков, молоко, мясо, яйца с личных подворий потреблялись семьей, а излишки реализовывались на рынке. Ориентация на рынок и потребительскую кооперацию в некоторой степени нивелировала дефицит продовольственного обеспечения и издержки централизованной системы управления. Конкуренции между ЛПХ и сельскохозяйственными организациями (колхозами и совхозами) не было, так как у каждой формы хозяйствования существовала своя ниша. Организации выполняли государственный план поставки зерна на хлебоприемные комбинаты, скота и птицы – на крупные мясоперерабатывающие предприятия [2; 3]. Отметим, что вопрос о пользе от ЛПХ в тех условиях хозяйствования до сих пор остается дискуссионным. Ответы на него могут быть неоднозначными. В пору тотального государственного централизма ЛПХ позволяло советским людям удовлетворить и вносить разнообразие в продовольственные потребности. В регионах с благоприятными климатическими условиями наблюдалась более высокая товарность и доходность ЛПХ, например от реализации мяса, яиц, цветов. Более того, осуществлялись взаимовыгодные арендные отношения между ЛПХ и совхозами по откорму молодняка крупного рогатого скота в ЛПХ с условием гарантированного обеспечения кормами и сбыта в счет выполнения совхозом государственного плана. Вся производимая в подсобных хозяйствах продукция находила сбыт, сырье отличалось разнообразием ассортимента, сортовым составом, качеством и экологичностью [1; 4].

В результате реформ 90-х годов реорганизация крупных совхозов и колхозов, основной целью которых являлось создание многоукладности в агропромышленном комплексе (далее – АПК) и конкурентной среды, привела к изменению организационно-производственной структуры аграрной экономики. Стали создаваться субъекты малых форм хозяйствования, крестьянско-фермерские хозяйства, семейные фермы.

По итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. за последние десять лет число ЛПХ в сельских поселениях страны выросло с 14,8 млн в 2006 г. до 15 млн в 2016 г. Сокращение индивидуальных хозяйств зафиксировано в городских округах и городских поселениях – с 8 млн до 3,2 млн. Средняя площадь земли одного личного подсобного хозяйства в 2016 г. составила 0,8 га в сельской местности (в то время как в 2006 г. средняя площадь составляла 0,6 га) и 0,3 га – в городских округах (в 2006 г. 0,1 га)¹. Все это свидетельствует об увеличении масштабов деятельности ЛПХ в сельских территориях государства.

В настоящее время значимость малых форм хозяйствования в экономике страны увеличивается. Ограниченный персонал, а иногда только трудовой потенциал семьи, осуществляя на сельских территориях экономическую деятельность с целью производства и получения дохода от продажи сельскохозяйственной продукции, в полной мере может использовать земельные, природные и биологические ресурсы [1; 5; 6].

ЛПХ граждан в современных условиях являются также объективной необходимостью, так как в некоторой степени его ведением сохраняются традиционные ремесла и сельский уклад жизни. Они используют ресурсы сельских территорий и смягчают своей деятельностью в производстве продукции для семьи экономические и социальные проблемы, обеспечивают самозанятость граждан и получение дохода. В депрессивных и дотационных регионах страны ЛПХ являются основой экономического благополучия семей, создающей условия для воспроизводства сельского населения. Согласимся, что труд в ЛПХ для большинства трудоспособных граждан является вторичной занятостью, но из-за сокращения спроса на рабочую силу этот вид деятельности стал для определенной части семей источником основ-

¹ Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 г. Предварительные итоги: статистический бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2016. С. 11.

ных доходов, поэтому в этой связи можно говорить об основной занятости [7–9].

С рыночными преобразованиями ЛПХ получили законодательное обоснование, в котором закреплено, что это не-предпринимательский вид деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, который осуществляется гражданином и его семьей на добровольной основе. Все сведения о ресурсах и деятельности заносятся в похозяйственную книгу в органах самоуправления поселения или городских округов. ЛПХ ограждены от вмешательства государственных органов, и такая деятельность граждан без нарушений законодательства не подлежит какому-либо надзору.

По нашему мнению, научный интерес к исследованию перспектив развития подсобных хозяйств населения на современном этапе во многом связан с необходимостью поддерживать экономический рост в секторе ЛПХ и создавать такие хозяйственные условия, которые обеспечивают рост объемов производства сельскохозяйственной продукции внутри страны и, как следствие, повышение ее продовольственной безопасности. Соответственно целью исследования является выявление современного состояния и определение перспективных направлений стимулирования развития ЛПХ в экономике региона (на примере Оренбургской области).

Анализ показателей производства сельскохозяйственной продукции в ЛПХ Оренбургской области

На территории Оренбургской области располагаются 1708 единиц сельских населенных пунктов, 12 городов, прилегающие территории которых привязаны к земле и своим подсобным хозяйствам. На 1 января 2018 г. численность населения Оренбургской области составляет 1 977 720 человек. Тенденция сокращения общей численности населения и работающих граждан является сигналом для принятия государственных управленческих решений. Наблюдается также увеличение количества безработных. Уровень зарегистрированной безработицы к концу декабря 2017 г. со-

ставлял 1,4%. Среднедушевые доходы населения в Оренбургской области значительно ниже, чем в близлежащих регионах. Так, в 2016 г. среднедушевой доход граждан в месяц составил в Оренбургской области 22 028 руб., тогда как в Республике Башкортостан – 28 125 руб., в Самарской области – 26 795 руб., в Ульяновской области – 22 481 руб.¹

В сложных экономических условиях поддержание продовольственного обеспечения и трудовой занятости населения предполагает, что отказываться от ведения ЛПХ гражданам становится сложнее. На 1 января 2016 г. по данным государственной статистики в Оренбургской области было зарегистрировано 302 462 личных подсобных хозяйства. В личных подсобных хозяйствах области по состоянию на 1 января 2017 г. содержалось 264,1 тыс. голов крупного рогатого скота, в том числе 125,1 тыс. коров, 108,2 тыс. голов свиней, 226,1 тыс. голов овец и коз. Производство скота и птицы в ЛПХ составило 119,3 тыс. тонн (96% к уровню 2015 г.), молока – 527 тыс. тонн (93,8%). Исходя из этого, прочность мнения о неэффективности государственной поддержки ЛПХ, которое распространено среди ученых и практиков, можно поставить под сомнение. В хозяйствах населения традиционно производятся овощи, картофель и продукция животноводства – мясо и молоко, мясо и яйцо птицы, мед и другая продукция. В 2016 году доля продукции хозяйств населения в общем объеме продукции сельского хозяйства региона составила почти 50% (в 1990 г. – 21,0%)².

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации считает оптимальным следующее соотношение разных форм хозяйствования: около 60% производства сельскохозяйственной продукции должно приходиться на сельскохозяйственные предприятия и организованные

¹ Уровень жизни. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level (дата обращения: 30.10.2017).

² Статистический ежегодник Оренбургской области. 2017: Стат. сб. / Оренбургстат. Оренбург, 2017. С. 12.

хозяйства, а оставшиеся 40% – фермерские [3; 7]. Однако следует отметить, что данное соотношение в ближайшей перспективе остается желаемым, поскольку за период рыночных реформ в Оренбургской области произошло полное изменение в производственной структуре сельского хозяйства и, как видно из табл. 1, на ЛПХ региона приходится около 50% аграрного производства. Из данных табл. 1 также следу-

ет, что в структуре производства сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств около половины занимают хозяйства населения. В 2000 г. доля ЛПХ в структуре продукции занимала 42,6%, в 2010 г. – 60,9%, в 2017 г. – 47,8%. Рост производства в фермерских хозяйствах и ЛПХ населения сопровождается снижением удельного веса в аграрном производстве сельскохозяйственных организаций.

Таблица 1

Структура производства сельскохозяйственной продукции Оренбургской области по категориям хозяйств, %*

Показатели	2000 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Абсолютное изменение 2017 к 2000 г. (+/-)
Сельскохозяйственные организации	53,5	33	34,4	32,2	32,5	32,3	33	32,5	-21
Хозяйства населения	42,6	60,9	58	55,8	55,3	52,8	49,3	47,8	5,2
Крестьянские (фермерские) хозяйства	3,9	6,1	7,6	12	12,2	14,9	17,7	19,7	15,8

* Составлено по источникам: Статистический ежегодник Оренбургской области. 2017: Стат. сб. / Оренбургстат. Оренбург, 2017. С. 323; Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. URL: http://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orenstat/resources/57b132004e6f3f9996a9bebe711c69fc/n80.pdf (дата обращения: 30.10.2017).

Данные табл. 1 подтверждают тот факт, что неотъемлемым элементом аграрной системы страны в целом и регионов в частности являются ЛПХ населения как

устойчивая, стабильная форма хозяйствования граждан.

В табл. 2 представлены объемы производства основных видов продукции в ЛПХ Оренбургской области¹.

Таблица 2

Объемы производства сельскохозяйственной продукции в ЛПХ населения Оренбургской области, тыс. тонн

Вид продукции	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Темп прироста 2016 к 2000 г., %
Зерно (в весе после доработки)	1,2	4,3	9,3	29,6	22,4	21,4	37,7	3041,7
Подсолнечник	0,2	1,2	2,5	3,6	3,2	4,9	4,6	2200
Картофель	277,1	329,7	110,9	260,6	260	268,5	242,6	-12,5
Овощи	191,2	186	150,5	181,1	167	164,2	164,4	-14
Плоды и ягоды	19,6	31,3	38,3	59,5	50,3	52,3	70,8	261,2
Скот и птица на убой	42,3	63,9	81	77,4	77,3	76,2	73,4	73,5
Молоко	393,9	474,6	563,9	560,4	567,3	562,1	527	33,8
Яйца, млн шт.	216	306,2	341,8	337	331,9	324,3	315,6	46,1
Шерсть (в физическом весе), т	265	226	338	497	518	474	429	61,9
Мед, т	233	658	803	1167	1596	1791	1708	633

Источник: Статистический ежегодник Оренбургской области. 2017: Стат. сб. / Оренбургстат. Оренбург, 2017. С. 324.

¹ Здесь и далее данные за 2017 г. не приведены, поскольку в опубликованных статистическими службами материалах они на данный момент отсутствуют.

Согласно данным табл. 2 за последние годы в хозяйствах населения наблюдается увеличение всех видов сельскохозяйственной продукции и, в частности, урожая зерна, семян подсолнечника, хотя преимущество было и остается за сельскохозяйственными организациями и фермерскими хозяйствами. Производство овощей и картофеля в 2016 г., по сравнению с 2000 г., уменьшилось на 14% и 12,5% соответственно, но в последние три года имеет устойчивую тенденцию к сохранению стабильных объемов. Тенденция роста объемов производства наблюдается и в отношении животноводческой продукции – скота и птицы, молока и шерсти.

Следует отметить, что пчеловодство характерно именно для индивидуальных хозяйств. По данным табл. 2 в регионе выражена устойчивая тенденция роста производства меда в период 2000–2016 гг. Производство меда в ЛПХ за данный период возросло в 7,3 раза. В хозяйствах населения Оренбургской области широк ассортимент плодовоовощной продукции. Объем производства плодов и ягод в ЛПХ за 2000–2016 гг. возрос в 3,6 раза. Складывающаяся тенденция роста производства продукции в ЛПХ свидетельствует о значимости вклада малых форм хозяйствования населения в формирование конкурентоспособного аграрного сектора.

Современный аграрный сектор России сочетает прогрессивные и архаичные подходы в производственных технологиях, передовые и отсталые организационно-экономические механизмы. Мы одновременно наблюдаем вымирающие деревни и стагнирующее общественное производство, с одной стороны, и высокие технологии – с другой. Малые размеры ЛПХ, их маневренность, гибкость, использование трудового потенциала семьи предполагают отзывчивость на селекционные достижения, современные агротехнологии и использование малой сельскохозяйственной техники [3]. Это, в свою очередь, является базой для получения высоких урожаев сельскохозяйственных культур и повышения продуктивности животных. В современных условиях у некоторых ЛПХ

наблюдается четко выраженная специализация, особенно если имеются постоянные каналы сбыта, например в выращивании скота и птицы. Породный состав скота, имеющийся в Оренбургской области, положительно влияет на объем производства сельскохозяйственной продукции. Деятельность небольших по размеру инкубаторов, которые покупают яйцо у крупных птицефабрик, благотворно влияет на обеспечение населения разными видами мяса птицы. К примеру, в ЛПХ за 2016 г. мяса скота и птицы произведено 73,4 тыс. т (173,5 % к 2000 г.), молока получено 527 тыс. т (133,8 % к 2000 г.), яиц – 315,6 млн шт., что на 46,1 % больше, чем в 2000 г. Из анализа динамики объемов производства также следует, что наибольшие производственные показатели по зерну, овощам, ягодам, яйцу получены в 2013 г.

Среди негативных тенденций следует отметить тот факт, что в сельскохозяйственных организациях Оренбургской области перестали заниматься овцеводством и козоводством. Сложная технология производства шерсти овец и коз из-за отсутствия спроса может быть утерянной, поэтому сохранить уникальную технологию и породный состав коз и овец Оренбургских степей остается возможным только в хозяйствах населения и в крестьянских (фермерских) хозяйствах (далее – КФХ). Производство шерсти в ЛПХ в 2016 г. составляет 429 т, что выше, чем в период 2000–2010 гг., однако имеет тенденцию к снижению в последние годы.

Структура производства основных видов сельскохозяйственной продукции в Оренбургской области по категориям хозяйств представлена в табл. 3.

Из данных табл. 3 можно сделать вывод, что одни виды продукции сельского хозяйства преимущественно или почти полностью производятся в сельскохозяйственных предприятиях, другие – в хозяйствах населения.

В частности, на хозяйства населения от общего объема производства в 2016 г. приходится 87,7% картофеля, 76,7% овощей, 50,8% мяса, 69,7% молока, 29,8% яиц, 75,4% шерсти, 92,1% меда. До-

ля хозяйств населения в производстве зерновых, технических и кормовых культур незначительна. Посевы этих культур сосредоточены на землях крупных предприятий и фермеров. Доля картофеля и овощей, производимых в ЛПХ, колеблется из-за поставок данных товаров в торговые сети из других регионов (к примеру, картофель поставляется в Оренбургскую область из Республики Башкортостан). При этом заметим, что не вся продукция ЛПХ обязательно поступает в торговый оборот. В Оренбургской области за ЛПХ закрепились значительные доли производства молока, шерсти и меда. Следует отметить, что для ЛПХ региона производство убойной массы скота и птицы составляет более 50%, что свидетельствует о значимости домохозяйств в поставке на внутренний рынок различных видов мяса [10].

Обследования ЛПХ, выращивающих крупный рогатый скот в Оренбургской области, выявили отсутствие органи-

зованных рынков сбыта продукции, низкие цены, предлагаемые посредниками в Оренбургской области, и продажу продукции перекупщикам в Самарскую область, Республику Башкортостан и Казахстан. Усложняет работу ЛПХ в отрасли скотоводства и слабая материально-техническая база: морально и физически изношенная и устаревшая техника, полное отсутствие малой механизации животноводческих процессов, других видов сельскохозяйственных работ. При этом наблюдается готовность хозяйств не уменьшать поголовье крупного рогатого скота при осуществлении государственной поддержки и нежелание граждан, ведущих ЛПХ, вступать в производственные кооперативы или перерегистрироваться в крестьянские (фермерские) хозяйства. Следует отметить, что на кооперативных началах работают только несколько глав ЛПХ Первомайского района Оренбургской области при заготовке сена.

Таблица 3

Доля производства основных видов сельскохозяйственной продукции в ЛПХ и КФХ Оренбургской области, %

Виды продукции	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Абсолютное изменение (+/-)	
							2016 г. к 2005 г.	2016 г. к 2013 г.
<i>Хозяйства населения</i>								
Зерно (в весе после доработки)	0,3	1,3	1,4	0,9	1	1,2	0,9	0,2
Семена подсолнечника	0,4	1	0,4	0,6	0,9	0,6	0,2	-0,3
Картофель	96,8	92,7	90,8	90,1	89,7	87,7	-9,1	-2
Овощи	93,5	90,7	83,9	78,9	75,8	76,7	-16,8	0,9
Скот и птица на убой (в убойном весе)	61,3	56,8	57,1	52,1	52,9	50,8	-10,5	-2,1
Молоко	63,3	65,5	68,7	69,9	70,5	69,7	6,4	-0,8
Яйца	36,5	31,1	32,3	30,4	29,9	29,8	-6,7	-0,1
Шерсть (в физическом весе)	37,8	65,3	73,6	76,3	75,1	75,4	37,6	0,3
Мед	89,3	93,8	92	93,6	95,4	92,1	2,8	-3,3
<i>Крестьянские (фермерские) хозяйства</i>								
Зерно (в весе после доработки)	15,4	22,6	34,8	39	41,4	42,4	27	1
Семена подсолнечника	24,1	31,4	41,1	43,5	43,9	44,4	20,3	0,5
Картофель	0,9	4,2	3,2	4,5	5,1	6,8	5,9	1,7
Овощи	2,1	2,4	6,6	12,4	13,2	11,9	9,8	-1,3
Скот и птица на убой (в убойном весе)	2,6	2,6	3,8	4,2	4,1	4,4	1,8	0,3
Молоко	2,9	3,6	3,5	4	4,6	5,5	2,6	0,9
Яйца	0,6	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3	-0,3	-0,1
Шерсть (в физическом весе)	4,7	13,3	16,2	15,5	17,8	18,5	13,8	0,7
Мед	3,5	5,4	7,5	6	4,3	5,9	2,4	1,6

Источник: Статистический ежегодник Оренбургской области. 2017: Стат. сб. / Оренбургстат. Оренбург, 2017. С. 325.

Таким образом, функционирование ЛПХ в Оренбургской области, как мелко-товарных, так и нетоварных, значимо для населения региона. Однако личное подсобное сельское хозяйство выступает и особым сегментом ненаблюдаемой экономической деятельности. Соответственно, при регистрации личного подсобного хозяйства в фермерское оно попадает под пристальный контроль налоговых служб, что естественно сдерживает развитие предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве РФ и ее регионах [9; 11; 12].

Далее систематизируем основные проблемы и определим перспективы развития ЛПХ Оренбургской области, в том числе на основе изучения опыта поддержки данных форм хозяйствования в других регионах России.

Проблемы развития и меры поддержки ЛПХ в регионах РФ

Одна из основных проблем в развитии ЛПХ региона – это сбыт излишков продукции. Реализация на рынке приводит к определенным издержкам, к которым ЛПХ не готовы – это транспортные услуги, услуги лаборатории по определению качества и безопасности продукции, оплата аренды торгового места или оплата посреднических услуг предпринимателя, который имеет торговую площадь. По мнению специалистов в области АПК, обеспечение реализации излишков продукции у данной категории ЛПХ является в первую очередь задачей бизнеса и государства [13–15].

Министр сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности Оренбургской области М.Г. Маслов отмечает, что уровень развития рыночной инфраструктуры и системы сбыта молока продолжает оставаться недостаточным, особенно в малых формах хозяйствования. Поэтому в частном секторе ЛПХ наблюдается низкая товарность производства и вынужденное использование излишков молока населением сельской местности на кормовые цели различным видам сельскохозяйственных животных. В данных секторах, отмечает М.Г. Маслов, имеются зна-

чительные неиспользованные резервы увеличения загрузки молокоперерабатывающих предприятий [10].

Сложности продажи выращенного в ЛПХ и колхозных (фермерских) хозяйствах крупного рогатого скота на мясоперерабатывающие предприятия области являются основным препятствием в увеличении поголовья, а низкие цены за живой вес животных и формы расчетов делают экономически нецелесообразным ведение хозяйства. Сдерживающим фактором экономических взаимоотношений между ЛПХ и мясоперерабатывающими организациями являются не только цены, но и последующие формы расчетов, в которых окончательная цена реализации за проданное поголовье определяется мяскокомбинатом после убоя скота, причем за транспортные услуги рассчитывается поставщик [14]. К таким особенностям расчетов главы ЛПХ населения не готовы, поэтому забой скота осуществляется в неспециализированных местах, говядина продается на рынках и потери дополнительного ценного сырья не берутся в расчет.

Для сохранения и дальнейшего увеличения поголовья крупного рогатого скота в ЛПХ Оренбургской области необходимо:

- 1) предусмотреть дотирование выращивания телят для откорма и убойного скота независимо от направления продуктивности;
- 2) стимулировать сбытовые кооперативы по закупу животноводческой продукции у населения;
- 3) организовать искусственное осеменение маточного поголовья в ЛПХ [10; 16].

Кроме того, важным, по-нашему мнению, в восстановлении поголовья крупного рогатого скота является стимулирование малых форм хозяйствования посредством государственной поддержки. В соседних регионах приняты формы государственной поддержки, которые приводят к регистрации и переходу ЛПХ в индивидуальные предприниматели: постановление Правительства Самарской области от 14.04.2011 № 125 «О мерах, направленных

на реализацию мероприятий по государственной поддержке развития мясного скотоводства и увеличению производства мяса говядины в Самарской области», приказ Министерства сельского хозяйства Самарской области от 24.01.2014, в рамках которого утвержден порядок предоставления в 2013–2014 гг. субсидий за счет областного бюджета сельскохозяйственным товаропроизводителям, осуществляющим разведение крупного рогатого скота специализированных мясных пород и помесного крупного рогатого скота мясного направления. Утверждены следующие расчетные ставки субсидий:

– на производство крупного рогатого скота на убой в живом весе – 3 руб. за 1 кг;

– на содержание коров мясного направления – 3500 руб. на одну голову, от которой в отчетном периоде получен живой теленок, и коров мясного направления из числа нетелей, которые после получения живого приплода были переведены в данную группу маточного поголовья и увеличили ее численность [11].

Следует отметить, что имеется опыт Республики Татарстан, где, наряду с другими хозяйствующими субъектами, ЛПХ населения имеют право получать субсидии. Согласно постановлению Кабинета министров Республики Татарстан от 21.02.2014 № 104 субсидии выплачиваются гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство, из расчета 2,0 тыс. руб. на 1 голову дойной коровы. Кроме этого, субсидии предоставляются сельскохозяйственным кооперативам (потребительским, снабженческо-сбытовым, торгово-закупочным) и предприятиям потребительской кооперации на приобретение техники – 40–60% от стоимости без учета НДС, приобретение оборудования и конструкций – 40% от стоимости без учета НДС и компенсация расходов на услуги автотранспорта – 95% от стоимости без учета НДС.

Развитие мясного скотоводства в ЛПХ в сельских территориях, в которых это было традиционным занятием, увеличивает доходы граждан на основе совершенствования племенной работы в разведении

крупного рогатого скота мясных пород, обновления материально-технической, технологической базы, системы сбыта при помощи взаимодействия малых форм хозяйствования в системе эффективной государственной поддержки и управления сельскими территориями [17; 18].

Проблема товарности ЛПХ в регионе может быть решена через элементы интеграции. Например, в Тюменской области основной упор сделан на становлении частного сектора экономики, развитие мелкотоварного производства, малых форм хозяйствования. Департаментом АПК Тюменской области в 2015 г. разработана новая эффективная программа «Пять плюс». На практике она реализуется следующим образом. Крупное предприятие по переработке молока АО «Золотые луга» авансирует средства в счет реализации молока закупочным кооперативам. Кооперативы, в свою очередь, выдают финансы под покупку племенного скота молочного направления хозяйствам и ЛПХ. Участники программы приобретают животных и в течение определенного условиями контракта периода возвращают взятую сумму, но не деньгами, а поставкой молока в кооператив. Образовывается рыночная схема по закупу молока и регулированию цены [13; 14; 19; 20].

В свою очередь, эффективность взаимоотношений сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий с ЛПХ определяется двумя условиями:

1) наличием свободных финансовых, материальных и трудовых ресурсов для выполнения работ для частных подворий;

2) уровнем мотивации собственника к развитию ЛПХ, расположенных (проживающих) на территории хозяйства [13].

Функционирование ЛПХ, как малой формы хозяйствования, характеризуется неустойчивостью и неопределенностью. Множество рисков внешней среды, не зависящих от граждан, имеющих ЛПХ, неблагоприятные природно-климатические факторы, отсутствие прочной материально-технической базы приводят к сниже-

нию доходов, а старение семьи – к сужению возможностей осуществлять воспроизводство. В связи с этим сохранение и развитие сельских территорий невозможно без государственной поддержки ЛПХ. В определенной степени деятельность в ЛПХ является одним из важных элементов системы обеспечения продовольственной безопасности населения страны и импортозамещения. Требуется также доработка законодательства об ЛПХ, в частности, в области предпринимательства и ремесленничества, как элемента механизма повышения уровня жизни и социальной защищенности сельского населения в РФ [19; 21; 22].

ЛПХ Оренбургской области могут рассчитывать на получение поддержки от государства. Основные направления государственной поддержки крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств Оренбургской области определены в государственной программе «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Оренбургской области» на 2013–2020 гг. в подпрограмме «Поддержка малых форм хозяйствования».

В поддержку малых форм ЛПХ разработана система грантов. Так, в 2016 г. в Оренбургской области на грантовую поддержку начинающих фермеров и развитие семейных животноводческих ферм было выделено 210,3 млн руб. За период с 2012 по 2016 гг. выдан 321 грант на общую сумму 750,9 млн руб., из них:

- 61 грант на развитие семейных животноводческих ферм на сумму 370,4 млн руб.;
- 260 грантов начинающим фермерам на сумму 380,5 млн руб.

До 2020 г. с помощью грантов планируется построить и реконструировать 55 семейных животноводческих ферм. Это позволит создать дополнительно около 1,5 тыс. рабочих мест.

В 2016 г. в области впервые были предоставлены гранты 4 (плановый индикатор – 1) сельскохозяйственным потребительским кооперативам, занимающимся заготовкой, хранением, переработкой и

сбытом сельскохозяйственной продукции (молоко, мясо, рыба, аквакультура, картофель, грибы, овощи, плоды и ягоды, в том числе дикорастущие) для развития материально-технической базы на общую сумму 20,6 млн руб. Приоритетным направлением этих мероприятий является увеличение производства и реализации молока в области.

Кроме того, в Оренбургской области для ЛПХ разработана программа субсидирования на возмещение затрат на уплату процентов за пользование кредитными ресурсами при условии поставки молока и свиней собственного производства на заготовительные и перерабатывающие предприятия, расположенные на территории области [21]. В 2016 г. поддержка была оказана малым формам хозяйствования на компенсацию части затрат по уплате процентов по кредитам из федерального бюджета в размере 168,4 млн руб., гранты на поддержку начинающих фермеров – 110,7 млн руб., гранты на поддержку семейных животноводческих ферм – 99,6 млн руб. Из регионального бюджета Оренбургской области направлено средств субсидирования процентной ставки – 39,8 млн руб., гранты на поддержку начинающих фермеров – 26 млн руб., гранты на поддержку семейных животноводческих ферм – 27 млн руб.

Анализ эффективности государственной поддержки на приобретение племенного молодняка крупного рогатого скота мясного направления в 2016 г. показал, что из областного бюджета было выплачено субсидий 9221 тыс. руб. по ставке 42 руб. за 1 кг живого веса. По ставке 12 руб. за 1 кг живого веса из федерального бюджета было выплачено 2516,4 тыс. руб. поголовье приобретенного племенного молодняка в регионе с живым весом 400 кг составляет всего 524 головы. Это свидетельствует о том, что такие субсидии не стимулируют деятельность племенных хозяйств Оренбургской области.

На содержание маточного поголовья по технологии мясного скотоводства по системе «корова – теленок» по ставке 1839 руб. за 1 голову в 2016 г. было вы-

плачено из областного бюджета 57248 тыс. руб.; из федерального бюджета по ставке 306 руб. за 1 голову – 3734 тыс. руб. Отметим, что данную поддержку получили только сельскохозяйственные организации, в то время как, по нашему мнению, она должна распространяться на все хозяйствующие субъекты региона включая ЛПХ.

Одной из мер государственной поддержки ЛПХ региона также является программа кредитования ЛПХ, осуществляемая АО «Россельхозбанк». Сегодня граждане Оренбургской области могут воспользоваться государственной субсидией на получение кредита на сумму до 700 тыс. руб. по процентной ставке 3%.

Не менее острой проблемой является необходимость повышения эффективности труда в ЛПХ Оренбургской области, в которых сегодня доминирует ручной труд. Для ее решения требуется повышение технической оснащенности, восстановление и развитие традиционно сложившихся связей между общественным и личным хозяйствами, вовлечение в эти связи заготовительных, перерабатывающих и обслуживающих предприятий, интеграция с общественным сектором.

Кроме того, важным условием развития ЛПХ должно стать построение взаимосвязанной межгосударственной и государственной политики в отношении малых форм хозяйствования с выработкой общей стратегии, разработкой законодательного обеспечения и механизмов реализации поддержки на региональном и местном уровнях. Процесс развития системы государственной поддержки сельскохозяйственного производства в Оренбургской области был длительным, не завершен и в настоящее время. Региональный уровень по многим позициям повторяет структуру федеральной поддержки.

В заключение отметим, что ЛПХ справедливо относят к ненаблюдаемому (теневому) сегменту экономики, не поддающемуся прямым статистическим наблюдениям со стороны государственных институтов [9]. Это обосновывает необходимость создания системы получения стати-

стической информации о сельскохозяйственной деятельности домашних хозяйств. Стратегией устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. предусмотрено проведение регулярных комплексных обследований сельских территорий, включая сплошное обследование сельских населенных пунктов; расширение состава статистических показателей, отражающих социально-экономическое развитие сельских территорий; совершенствование методик обработки статистических данных с учетом сложившейся структуры местного самоуправления и региональных особенностей развития сельских территорий. Обследование домашних хозяйств позволит получить актуальную информацию о материальных и биологических ресурсах, о воспроизводстве ресурсов и обороте капитала в отечественных ЛПХ.

Заключение

В силу объективных исторических причин ЛПХ для сельского населения являются основным и зачастую безальтернативным видом занятости и хозяйственной деятельности. Личные подсобные хозяйства граждан имеют хорошие перспективы развития в условиях рынка [13; 16; 23]. Особенности функционирования ЛПХ в социально-экономическом развитии региона дают основание для формирования специального экономического механизма, направленного на всестороннюю их поддержку и развитие. Задача повышения благосостояния сельского населения, создания качественно нового уровня жизни на сельских территориях напрямую связана с развитием ЛПХ в регионах России.

Как показало проведенное нами исследование, функции ЛПХ многообразны. Экономическая функция выражается в повышении уровня жизни; улучшении материального обеспечения, в том числе и продуктами питания; использовании ресурсов труда и средств производства, недоступных общественному хозяйству; восполнении производства таких продуктов, которые нецелесообразно или невозможно производить при специализированных

технологиях в условиях крупного производства. Социальная функция ЛПХ связана с трудовым воспитанием и профессиональной ориентацией сельской молодежи; ведением подсобного хозяйства как средства самовыражения сельского населения; потреблением свежих натуральных продуктов питания. Личные подсобные хозяйства выступают в роли стабилизатора социально-экономического равновесия в сельском обществе. ЛПХ реализуют и экологическую функцию: увеличение потребления экологически чистых продуктов питания; сохранение разнообразия генофонда животных и растений; повышение качества земельных ресурсов; контроль состояния прилегающих к сельским населенным пунктам лесов, водных источников и других ресурсов.

Таким образом, развитие ЛПХ в определенной степени способствует повышению качества жизни населения страны и ее регионов. Поэтому органы государственной власти и самоуправления должны быть заинтересованы в развитии малых форм хозяйствования, в частности ЛПХ, на закрепленных территориях. Поддержка ЛПХ населения может иметь разнообразные формы и должна быть направлена на сохранение, преумножение, созда-

ние новых форм сотрудничества, партнерства и кооперации в отечественном сельском хозяйстве.

Решению обозначенных выше проблем и связанных с ними задач обеспечения занятости сельского населения, повышения эффективности использования земельных и трудовых ресурсов сельских территорий будет способствовать создание регионального мясомолочного продуктового кластера. Однако организационная работа с формами хозяйствования кластерного типа требует особых подходов в управлении территориями.

Снятие административных барьеров для сбыта продукции через рынки, облегчение доступа к ресурсам развития, поддержка деятельности консультационных центров и развитие инфраструктуры следует рассматривать как инструменты государственной поддержки развития альтернативных форм хозяйствования в России.

Кроме того, всесторонняя диверсификация сельской экономики, поддержка фермерства и самозанятости посредством развития ЛПХ, в том числе развития ремесел и сельского туризма, будет способствовать торможению деградации человеческого потенциала и экономики сельских территорий.

Список литературы

1. *Дусаева Е.М.* Личные подсобные хозяйства населения в концепции устойчивого развития // Инновационные направления и разработки для эффективного сельскохозяйственного производства: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти члена-корреспондента РАН В. И. Левахина: в 2 ч. 2016. С. 221–224.
2. *Гатауллин Р.Ф., Аскарлов А.А., Хужахметова Г.Н., Ярков Н.В.* Организационно-экономические формы и эффективные методы государственного регулирования сельского хозяйства // Экономика региона. 2015. № 2. С. 271–284.
3. *Дусаева Е.М., Садыкова Л.Г., Курманова А.Х.* Малый агробизнес в устойчивом развитии региона // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2016. № 5 (61). С. 177–181.
4. *Williamson O.E.* The economic institutions of capitalism. Firms, markets, relational contracting. New York; London: Free Press, 1985. 450 p.
5. *Кумаев Ю.А., Пак З.Ч.* Трансформация представлений о роли личных подсобных хозяйств населения // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 6 (128). С. 194–199.
6. *Nosov V.V., Kozin M.N., Gladun T.N.* Optimization of the farm production structure taking into account weather, economic and environmental conditions // Ecology, Environment and Conservation. 2015. Vol. 21. № S. P. 103–110.

7. Мумладзе Р.Г., Васильева И.В. Совершенствование эффективности деятельности малых форм хозяйствования как важная часть реализации стратегии развития АПК России: монография. М.: Русайнс, 2015. 196 с.
8. *Crame G.L., Southgate D.D., Clarence W.J.* Agricultural economics and Agribusiness. 8th Edition. New York, Chichester, Brisbane: John Wiley & Sons, Inc., 2001. 544 p.
9. Черемисина Н.В., Дробышев Г.Н. Личное подсобное сельское хозяйство населения как часть ненаблюдаемой экономики региона // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11. № 3. С. 789–795.
10. Маслов М.Г., Петрова Г.В. Состояние и перспективы развития животноводства Оренбургской области // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2016. № 4 (60). С. 120–124.
11. Жичкин К.А., Гусеинов Ф.М. Опыт государственной поддержки деятельности ЛПХ в условиях Самарской области // Аграрная наука – сельскому хозяйству: сб. ст.: в 3 кн. / XII Междунар. науч.-практ. конф. (7–8 февраля 2017 г.). Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017. Кн. 1. С. 179–181.
12. Зотов С.А. Перспективы развития малых форм хозяйствования в аграрном секторе (на примере Саратовской области) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 2 (46). С. 47–50.
13. Фролова О.А., Зубренкова О.А., Котылева А.А. Роль сельскохозяйственных организаций в развитии личных подсобных хозяйств // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 24 (159). С. 56–58.
14. Морозова М.П. Совершенствование системы сбыта сельскохозяйственной продукции посредством оптово-распределительных центров в Оренбургской области // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 4. С. 17–23.
15. Морозова М.П. Использование механизма муниципально-частного партнерства в целях повышения инвестиционной привлекательности муниципальных образований (на примере Оренбургской области) // Финансы и кредит. 2017. Т. 23. № 6 (726). С. 320–340. doi: 10.24891/fc.23.6.320.
16. Тимофеева Т.Н. Направления инновационного развития сельского хозяйства и сельских территорий в Оренбургской области // Формирование рыночного хозяйства: теория и практика: сб. науч. ст. / под ред. М. Г. Лапаевой. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2013. С. 256–258.
17. *Norton G.W., Alwang J., Masters W.A.* Economics of agricultural development: World food systems and resource use: 3rd ed. New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015. 466 p.
18. Тюрина Е.В. Роль личных подсобных хозяйств в многоукладной экономике Нижегородской области // Вестник НГИЭИ. 2011. Т. 1. № 4 (5). С. 68–76.
19. Петриков А.В. Приоритеты в государственной поддержке ЛПХ // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2002. № 8. С. 9–10.
20. Постнова М.В., Егорова М.А. Анализ масштабов вторичной занятости на сельском рынке труда Ульяновской области // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2008. Т. 2. № 18-1. С. 145–148.
21. Попова Е.А., Спешилова Н.В. Государственная поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей в Оренбургской области // Символ науки. 2017. № 3. С. 105–109.
22. *Voigt P., Hockmann H.* Russia's transition process in the light of a rising economy: Economic trajectories in Russia's industry and agriculture // The European Journal of Comparative Economics. 2008. Vol. 5. Iss. 2. P. 179–195.
23. *Nerlove M.* Modernizing traditional agriculture. San Francisco: International Center for Economic Growth, 1988. 20 p.

Статья поступила в редакцию 30.11.2017

Сведения об авторах

Дусаева Евгения Муслимовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Федеральный научный центр биологических систем и агротехнологий Российской академии наук (Россия, 460000, г. Оренбург, ул. 9 Января, 29; e-mail: gachok_muslim@mail.ru).

Курманова Алия Хамитовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет (Россия, 460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13; e-mail: aleka_k@mail.ru).

Цыгулева Мария Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита, Оренбургский государственный аграрный университет (Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18; e-mail: stas_04@mail.ru).

References

1. Dusaeva E.M. Lichnye podsobnyye khozyaistva naseleniya v kontseptsii ustoichivogo razvitiya [Private households of population in terms of sustainable development]. *Innovatsionnye napravleniya i razrabotki dlya effektivnogo sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-practicheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati chlena-korrespondenta RAN V.I. Levakhina: v 2-kh chastyakh* [Innovation Trends and Developments for Efficient Agricultural Production: Proceedings of An International Scientific and Practical Conference in Honour of The Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.I. Levakhina: in 2 parts], 2016, pp. 221–224 (In Russian).

2. Gataullin R.F., Askarov A.A., Khuzhakhmetova G.N., Yarkov N.V. Organizatsionno-ekonomicheskie formy i effektivnye metody gosudarstvennogo regulirovaniya sel'skogo khozyaistva [Organizational and economic forms and structures and the effective methods of state regulation of agriculture]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2015, no. 2, pp. 271–284. (In Russian). doi: 17059/2015-2-22.

3. Dusaeva E.M., Sadykova L.G., Kurmanova A.Kh. Malyi agrobiznes v us-toichivom razviti regiona [Small-scale agrarian business in the sustainable development of a region]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State Agrarian University], 2016, no. 5 (61), pp. 177–181. (In Russian).

4. Williamson O.E. *The economic institutions of capitalism. Firms, markets, relational contracting*. New York, London, Free Press, 1985. 450 p.

5. Kitaev Yu.A., Pak Z.Ch. Transformatsiya predstavlenii o roli lichnykh podsobnykh khozyaistv naseleniya [The transformation of the ideas about the role of private sustainable farms of population]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Altai State Agricultural University], 2015, no. 6 (128), pp. 194–199. (In Russian)

6. Nosov V.V., Kozin M.N., Gladun T.N. Optimization of the farm production structure taking into account weather, economic and environmental conditions. *Ecology, Environment and Conservation*, 2015, vol. 21, № S., pp. 103–110.

7. Mumladze R.G., Vasil'eva I.V. *Sovershenstvovanie effektivnosti deyatel'nosti malykh form khozyaistvovaniya kak vazhnaya chast' realizatsii strategii razvitiya APK Rossii* [Improvement of efficiency of small forms of economy as a significant part of the development of the agrarian-industrial complex of Russia]. Moscow, Rusains Publ., 2015. 196 p. (In Russian).

8. Crame G.L., Southgate D.D., Clarence W.J. *Agricultural economics and Agribusiness*. 8th Edition. New York, Chichester, Brisbane, John Wiley & Sons, Inc., 2001. 544 p.

9. Cheremisina N.V., Drobyshev G.N. Lichnoe podsobnoe sel'skoe khozyaistvo naseleniya kak chast' nenablyudaemoy ekonomiki regiona [Private households of the population as a part of intangible economy of a region]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Transaction of the Tambov State Technical University], 2005, vol. 11, no. 3, pp. 789–795. (In Russian).

10. Maslov M.G., Petrova G.V. Sostoyaniye i perspektivy razvitiya zhivotnovodstva Orenburgskoi oblasti [Conditions and trends of cattle breeding development in Orenburg region]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State Agrarian University], 2016, no. 4 (60), pp. 120–124. (In Russian).

11. Zhichkin K.A., Guseinov F.M. Opyt gosudarstvennoi podderzhki deyatel'nosti lichnykh podsobnykh khozyaistv v usloviyakh Samarskoi oblasti [Experience of state support of private households in

the case study of Samara region]. *Agrarnaya nauka – sel'skomu khozyaistvu: sbornik statei: v 3 kn. XII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (7–8 fevralya 2017 g.)* [Agricultural Science to Agriculture: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference (7–8 February, 2017) in 3 books. Book 1]. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ., 2017, pp. 179–181. (In Russian).

12. Zotov S.A. Perspektivy razvitiya malykh form khozyaistvovaniya v ag-rarnom sektore (na primere Saratovskoi oblasti) [Prospects for the development of small businesses in agricultural sector (in the case study of Saratov region)]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University], 2013, no. 2 (46), pp. 47–50. (In Russian).

13. Frolova O.A., Zubrenkova O.A., Kotyleva A.A. Rol' sel'skokhozyaist-vennykh organizatsii v razvitiu lichnykh podsobnykh khozyaistv [Role of agricultural organizations in the development of private households]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice], 2010, no. 24 (159), pp. 56–58. (In Russian).

14. Morozova M.P. Sovershenstvovanie sistemy sbyta sel'skokhozyaistvennoi produktsii posredstvom optovo-raspredelitel'nykh tsentrov v Orenburgskoi oblasti [Improvement of the distribution system of agricultural products by wholesales distribution centres in Orenburg region]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intelligence. Innovations. Investments.], 2016, no. 4, pp. 17–23. (In Russian).

15. Morozova M.P. Ispol'zovanie mekhanizma munitsipal'no-chastnogo partnerstva v tselyakh povysheniya investitsionnoi privlekatel'nosti munitsipal'nykh obrazovaniy (na primere Orenburgskoi oblasti) [Using a public-private partnership mechanism to increase the investment appeal of municipalities: in the case study of Orenburg region]. *Finansy i kredit* [Finance and Credits], 2017, vol. 23, iss. 6 (726), pp. 320–340. doi: 10.24891/fc.23.6.320 (In Russian).

16. Timofeeva T.N. Napravleniya innovatsionnogo razvitiya sel'skogo khozyaistva i sel'skikh territorii v Orenburgskoi oblasti [Trends of innovation development of agriculture and agricultural territories in Orenburg region]. *Formirovanie rynochnogo khozyaistva: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh statei*. Pod red. M.G. Lapaevoi [Development of market economy: Theory and practice: Proceedings of scientific articles. Ed. by M.G. Lapaeva]. Orenburg, Gosudarstvennoe Obrazovatel'noe Uchrezhdenie “Orenburgskii gosudarstvennyi universitet” Publ., 2013, pp. 256–258. (In Russian).

17. Norton G.W., Alwang J., Masters W.A. *Economics of agricultural development: World food systems and resource use*: 3rd ed. New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 2015. 466 p.

18. Tyurina E.V. Rol' lichnykh podsobnykh khozyaistv v mnogoukladnoi ekonomike Nizhegorodskoi oblasti [The role of the private branch establishments in the polystructure economy of Nizhniy Novgorod]. *Vestnik NGIEI* [Vestnik NGIEI], 2011, vol. 1, no. 4 (5), pp. 68–76. (In Russian).

19. Petrikov A.V. Prioritety v gosudarstvennoi podderzhke lichnykh podsobnykh khozyaistv [Priorities in state support of private households]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economy of Agricultural and Processing Enterprises], 2002, no. 8, pp. 9–10. (In Russian).

20. Postnova M.V., Egorova M.A. Analiz masshtabov vtorichnoi zanyatosti na sel'skom rynke truda Ul'yanovskoi oblasti [Analysis of secondary employment scales on the farm labour market]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State Agrarian University], 2008, vol. 2, no. 18-1, pp. 145–148. (In Russian).

21. Popova E.A., Speshilova N.V. Gosudarstvennaya podderzhka sel'skokhozyaistvennykh tovaroproizvoditelei v Orenburgskoi oblasti [State support of agricultural commodity producers in Orenburg region]. *Simvol nauki* [Symbol of Science], 2017, vol. 1, no. 3, pp. 105–109. (In Russian).

22. Voigt P., Hockmann H. Russia's transition process in the light of a rising economy: Economic trajectories in Russia's industry and agriculture. *The European Journal of Comparative Economics*, 2008, vol. 5, iss. 2, pp. 179–195.

23. Nerlove M. *Modernizing traditional agriculture*. San Francisco, International Center for Economic Growth, 1988. 20 p.

The date of the manuscript receipt: 30.11.2017

Information about the Authors

Dusaeva Evgeniya Muslimovna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Principal Scientist, Federal Scientific Center of Biological Systems and Agrotechnologies of the Russian Academy of Sciences (29, 9 Yanvaryaya st., Orenburg, 460000, Russia; e-mail: gachok_muslim@mail.ru).

Kurmanova Aliya Khamitovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Accounting, Analysis and Audit, Orenburg State University (13, prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russia; e-mail: aleka_k@mail.ru).

Tsyguleva Maria Ivanovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Accounting and Audit, Orenburg State Agrarian University (18, Chelyuskintsev st., Orenburg, Russia, 460014; e-mail: stas_04@mail.ru).

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дусаева Е.М., Курманова А.Х., Цыгулева М.И. Проблемы и перспективы развития личных подсобных хозяйств в экономике региона (на примере Оренбургской области) // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2018. Том 13. № 2. С. 212–227. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-212-227

Please cite this article in English as:

Dusaeva E.M., Kurmanova A.K., Tsyguleva M.I. Challenges and trends of private household development in a regional economy (in the case study of Orenburg region). *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 212–227. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-212-227

РАЗДЕЛ IV. ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ,
ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ

doi 10.17072/1994-9960-2018-2-228-250

УДК 338.47:656

ББК 65.37

JEL Code R410

**ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТРАНЫ
В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ЭКОНОМИКИ:
МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЭФФЕКТИВНОСТИ****Николаев Роман Сергеевич**

ORCID ID: 0000-0003-0793-0801, Researcher ID: E-3950-2015

Электронный адрес: rgroommaa27@mail.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

При структурной перестройке экономики территориальных систем национального уровня роль и особенности функционирования транспортно-логистического комплекса существенно меняются. В свою очередь, он сам оказывает существенное влияние на развитие экономики и определяет возможности, направления и интенсивность трансформационных процессов в экономике страны. Учитывая особую роль транспорта и логистики в экономическом и общественном развитии, их оптимизация должна происходить целенаправленно, своевременно и рационально, а также с учетом имеющихся планов стратегического и пространственного развития. Для успешного развития транспортно-логистического комплекса необходима комплексная система показателей, способная адекватно оценить эффективность его деятельности, необходимость и направленность оптимизационных процессов. Для решения этой задачи в статье предложены макроэкономические подходы и разработана индикативная система показателей для оценки эффективности функционирования транспортно-логистического комплекса страны. Развитие и эффективность функционирования транспортного комплекса оценивается через систему макроэкономических показателей, базирующихся на сопоставлении отдельных компонентов системы национальных счетов по экономике в целом и по транспортно-логистическому комплексу в частности, а также на основе анализа натуральных показателей, характеризующих результативность деятельности транспортного комплекса. В качестве временного среза взят ретроспективный ряд с 2002 по 2016 гг. Приоритетными методами исследования стали статистический и компаративный анализ. Новизну авторского исследования составляют разработанные и обоснованные макроэкономические подходы к оценке эффективности деятельности транспортно-логистического комплекса стран и макрорегионов. В исследовании уточнена роль транспортно-логистического комплекса в формировании добавленной стоимости и промежуточного потребления и приводится более подробный макроэкономический анализ эффективности функционирования транспортно-логистических комплексов России, США, Германии и Китая. В ходе исследования выявлено, что в России при снижении объемов перевозимых грузов и количества пассажиров задержки на транспортировку грузов и пассажироперевозки, выраженные в промежуточном потреблении и частично в добавленной стоимости транспортно-логистического комплекса, значительно возрастают, особенно в сравнении с другими странами. Результаты исследования должны послужить основой для разработки мер и механизмов оптимизации функционирования транспортно-логистического комплекса, а также мониторинга эффективности его деятельности и успешности принятия оптимизационных решений. Перспективы дальнейших исследований автора связаны с рассмотрением особенностей функционирования отдельных категорий транспортной деятельности, а также потоков промежуточных продуктов и добавленной стоимости по отдельным отраслям экономики и видам деятельности.

Ключевые слова: транспортно-логистический комплекс, макроэкономические показатели, система национальных счетов, добавленная стоимость, промежуточное потребление, региональная экономика, приведенный грузооборот, эффективность, оптимизация транспортной системы.

© Николаев Р.С., 2018

Данная статья распространяется на условиях лицензии
Creative Commons - Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

TRANSPORT AND LOGISTIC COMPLEX OF THE COUNTRY IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC RESTRUCTURING: MACROECONOMIC APPROACHES TO THE ANALYSIS OF EFFICIENCY

Roman S. Nikolaev

ORCID ID: [0000-0003-0793-0801](https://orcid.org/0000-0003-0793-0801), Researcher ID: [E-3950-2015](https://orcid.org/E-3950-2015)

E-mail: rroommaa27@mail.ru

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

In the condition of economic restructuring of the national territorial systems the role and features of transport and logistic complex operation are significantly changing. In its turn the complex greatly impacts the economy development and determines the opportunities, trends and intensity of the national economy transformation. The optimization of transport and logistics should be targeted, timely and rational as their role in economic and social development is significant. Also plans for strategic and spatial development should be considered. To develop the transport and logistic complex successfully a comprehensive system of indicators that is able to estimate the complex activity, importance and the optimization process trend efficiently is necessary. For this purpose macroeconomic methods have been suggested in the article and an indicative system of indicators for the assessment of the transport and logistic complex operation efficiency has been developed. The development and efficiency of the transport and logistic complex operation is estimated by the system of macroeconomic indicators based on the comparison of individual components of the system of the national accounts for the economy as a whole and for the transport and logistic complex in particular, and also on the basis of analysis of the natural indicators characterizing the performance of the transport complex. Retrospective series from 2002 to 2016 have been taken as a temporal term. The research is based on statistical and comparative analysis. The novelty of the original study is the developed and reasonable macroeconomic approaches to the assessment of the efficiency of transport and logistic complex operation in the country and in macroregions. The role of the transport and logistic complex in the added value formation and in the intermediate consumption has been specified in the article. A more detailed macroeconomic analysis of transport and logistic complex operation efficiency in Russia, the USA, Germany and China has been made. During the study we have revealed that in Russia when the range of transported goods and passengers is reduced, the goods transportation and passenger costs, expressed in intermediate consumption and partly in the added value of the transport and logistics complex, increase significantly, especially in comparison with other countries. The research results may be used as a basis for the development of measures and mechanisms for transport and logistic complex operation optimization, as well as for the monitoring of its efficiency and the efficient decision making. Further research will concern the functioning of certain categories of transport activities, as well as the flows of intermediate products and added value for individual economic sectors and activities.

Keywords: transport-logistic complex, macroeconomic indicators, the system of national accounts, added value, intermediate consumption (inputs), regional economy, turnover of goods, efficiency, optimization of transport and logistic system.

Введение

Динамика макроэкономических показателей Российской Федерации свидетельствует о существенных трансформационных процессах, которые происходят в структуре экономики страны. Это может подтверждать имеющиеся сомнения в завершении переходного периода в экономике России, который должен использоваться для ее модернизации и формирования новой эффективной национальной экономической модели [1, с. 46; 2, с. 167]. Основой для модернизации экономики должна стать новая индустриализа-

ция, которая характеризуется усилением степени автоматизации, информатизации и экологизации, становлением нового эффективного типа воспроизводства и оптимизации сложившихся экономических связей. Не менее важными для новой экономики страны являются вопросы обеспечения принципов устойчивого развития, следование которым должно изменить сложившийся тип развития, переломить «антиустойчивые» тенденции в экономике, отказаться от экстенсивной экспортно-сырьевой модели [3, с. 92]. Ключевая роль в процессах модернизации экономики, новой индустриа-

лизации и обеспечения устойчивого развития отводится транспортно-логистическому комплексу, который обеспечивает непрерывное перемещение материальных и нематериальных потоков в пространстве и времени между компонентами территориальных общественных систем.

Основной принцип логистики – минимизация затрат времени и ресурсов, а точнее, обеспечение потребителя продукцией и услугами в нужное время и в нужном месте при минимальных временных и финансово-ресурсных затратах на осуществление транспортно-логистических операций. Кроме того, логистика ориентируется на принципы экологизации, обеспечивая снижение нагрузки на окружающую среду и сокращение ресурсоемкости [4, с. 302; 5, с. 91].

По мнению автора, транспорт и логистику можно рассматривать как два взаимосвязанных элемента в рамках единого транспортно-логистического комплекса, которые функционируют в территориальных общественных системах различного уровня, и затрагивают абсолютно все сферы данных систем, вовлекая их в глобальный транспортно-логистический оборот в качестве производителей и (или) потребителей различных потоков.

Заметим, что транспортно-логистический комплекс (ТЛК) страны состоит из взаимодействующих региональных элементов и соответствует всей транспортно-логистической отрасли, которая объединяет хозяйствующие субъекты, участвующие в перемещении товаров по цепи поставок и пассажиров от пункта отправления до конечного пункта назначения [6, с. 9].

В этой связи делимитация ТЛК остается важной задачей многих исследований [7, с. 4699]. Так, Shepherd в своем исследовании делит ТЛК на несколько категорий – «узкий», «средний» и «широкий». Узкий вариант ограничивает отрасль исключительно транспортными и складскими услугами, а также прочими сопутствующими логистическими операциями. Средний вариант дополняется оптовой торговлей (дистрибуцией), а широкий – оптовой торговлей и ритейлом [8, с. 14].

Многие исследователи ограничиваются узкой трактовкой ТЛК без учета торговой составляющей [6, с. 9]. В данной работе акцент также делается именно на базовой составляющей ТЛК, ресурсы которого активно используются, в том числе торговыми агентами.

Согласно общероссийскому классификатору видов экономической деятельности ОКВЭД (аналог международного классификатора NACE rev. 2.0) транспортная и логистическая деятельность включается в раздел «Транспорт и складирование». До 2016 г. в России использовалась более ранняя версия классификатора ОКВЭД, согласно которому в этот вид деятельности также входили предприятия в области связи и телекоммуникаций.

Оценка эффективности функционирования ТЛК России в условиях структурной перестройки национальной экономики составляет цель данного исследования.

Исследование построено на методах макроэкономического анализа, системы национальных счетов, сопоставления таблиц «Затраты – выпуск», включающих межотраслевые балансы производства и распределения.

Прежде чем осуществлять оценку деятельности какой-либо системы, необходимо определить критерии, по которым она будет осуществляться. Для оценки функционирования всего ТЛК целесообразно определить критерии, универсальные для всех участников транспортно-логистического взаимодействия, – хозяйствующих субъектов, перевозчиков и логистических компаний, информационно-телекоммуникационных структур, государства и общества. Каждый из участников данного взаимодействия преследует свои интересы, но некоторые из них имеют глобальный объединяющий характер и лежат в плоскости концепции «устойчивого развития». В основу исследования были положены два основных критерия – сокращение издержек при транспортировке и сокращение потребления ресурсов экономикой. Оба критерия в макроэкономическом контексте, позволяют проследить позитивные и негативные тренды в таких аспектах, как ресурсо- и

энергоёмкость, трудоёмкость и производительность труда, эффективность цепей поставок и пространственной структуры национального хозяйства.

В системе национальных счетов формирование и потребление ресурсов выражается через категории добавленной стоимости и промежуточного потребления. Отечественные исследования, как правило, ограничиваются анализом добавленной стоимости транспорта и логистики, чего не всегда достаточно в связи с наличием возможной погрешности при ее расчете. Зарубежные авторы указывают на необходимость дополнительного изучения данного вопроса с позиций совокупной стоимости и объемов потребления транспортных и логистических услуг, а также через структуру потребления самого ТЛК [8, с. 14; 9; 10, с. 163; 11; 12].

Обосновав актуальность, обозначив методологию и выделив критерии исследования, перейдем к рассмотрению вопросов оценки влияния структурной перестройки экономики России на функционирование ТЛК.

ТЛК в условиях структурной перестройки экономики России: особенности функционирования и развития

В экономике страны и регионов непрерывно происходят трансформационные процессы и структурные изменения различного характера и разной степени устойчивости, вызванные как внешними, так и внутрен-

ними факторами. Существенное влияние на функционирование и развитие ТЛК оказывают структурные перестройки пространственного и отраслевого типов.

Пространственная перестройка структуры экономики выражается в усилении процессов концентрации и сжатия, появлении новых и угасании старых центров роста. Это может происходить в результате перестройки экономики, сформировавшейся в иных рыночных и политических условиях, быть следствием кризисных явлений, отраслевых и технологических сдвигов, а также геополитических процессов.

Пространственная перестройка экономического (хозяйственного) каркаса ведет к изменению географии транспортных потоков и требует оптимизации транспортной сети [13, с. 6; 14, с. 105; 15, с. 512]. Новым экономическим центрам и формируемым «точкам роста» необходим эффективный ТЛК, способный обеспечить их резидентам условия для производства конкурентоспособных товаров и услуг [16, с. 222–226].

За последние 15 лет смещение добавленной стоимости наблюдается в сторону Европейской части страны. Сформировался своеобразный каркас экономического роста, протянувшийся по направлению Санкт-Петербург – Московская область – Черноземье – Юг России. Многие регионы Урала, Поволжья и Западной Сибири, напротив, сократили свой вклад в формировании добавленной стоимости (рис. 1).

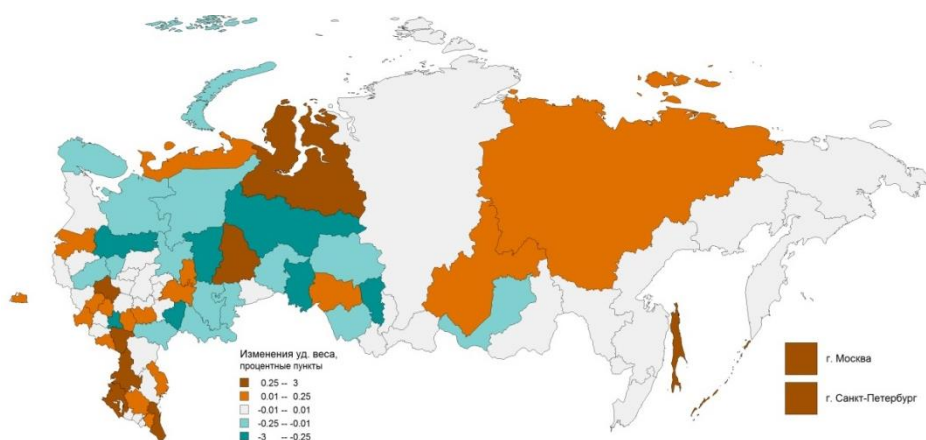

Рис. 1. Изменение удельного веса регионов России в совокупном объеме валового регионального продукта с 2004 по 2016 гг. (в текущих ценах)*

* Составлено по источнику: ЕМИСС. Валовой региональный продукт в основных ценах. URL: <https://fedstat.ru/indicator/33379> (дата обращения: 01.03.2018).

Перестройка отраслевой структуры экономики, как показывает рис. 2, выражается в постепенной смене преобладающих видов экономической деятельности, которая является реакцией на технологические

процессы, постиндустриализацию общества, развитие третичного и четвертичного секторов экономики, пространственные сдвиги и геополитическую ситуацию.

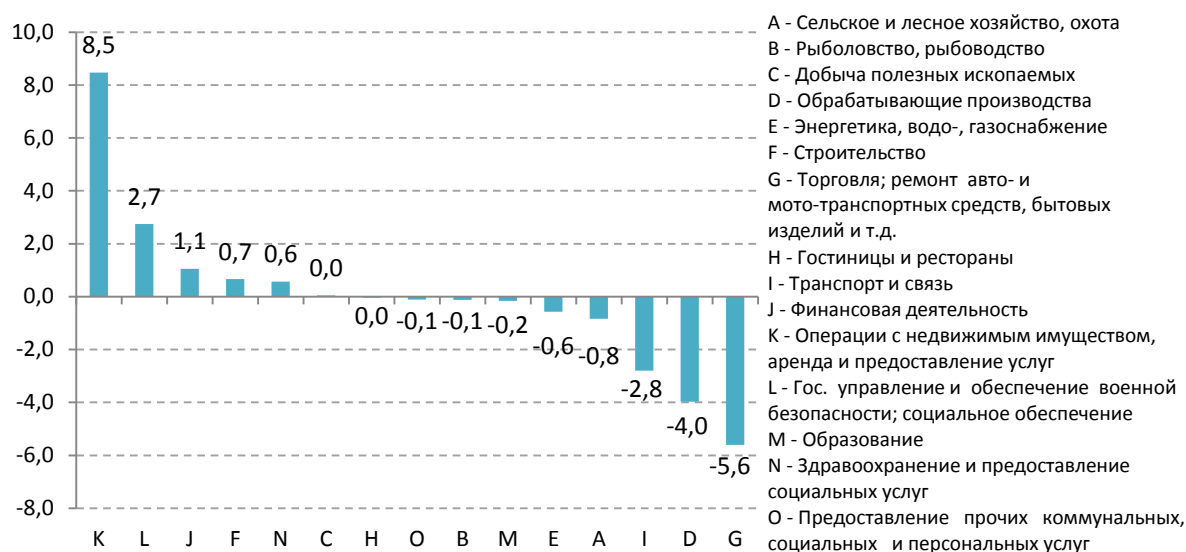

Рис. 2. Изменение удельного веса видов экономической деятельности в структуре ВВП России с 2004 по 2016 гг. (в текущих ценах)*

* Составлено по источникам: Национальные счета России в 2011–2016 гг.: стат. сб./ Росстат. М., 2017. 263 с.; Национальные счета России в 2002–2009 гг. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B10_15/Main.htm (дата обращения: 01.03.2018).

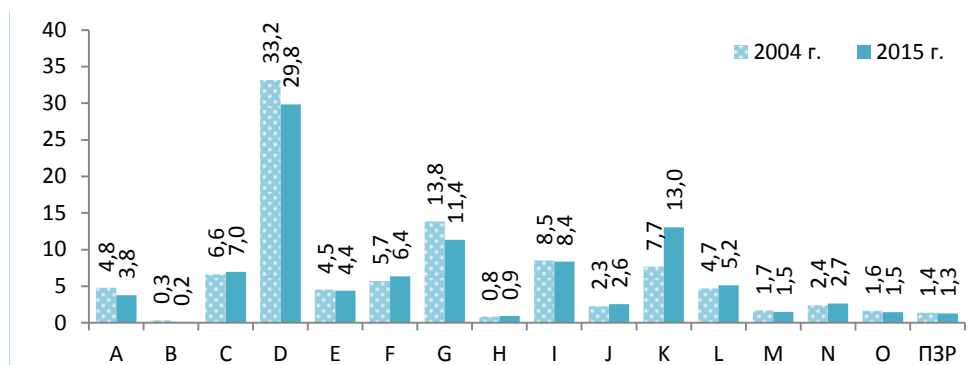
Согласно рис. 2 с 2004 г. свои позиции в экономике страны усилили хозяйствующие субъекты, функционирующие в сфере услуг, в отраслях государственного управления и финансовой деятельности. Существенно сократили свой вклад отрасли, активно потребляющие услуги транспорта, а именно промышленность и торговля.

Отраслевая перестройка экономики влияет на изменение потребности в транспортных услугах и смену его функциональных характеристик. При доминировании промышленного производства транспорт осуществляет обширные снабженческо-сбытовые перевозки производственно-технологической направленности. При развитии сферы услуг и торговли возрастают распределительные (дистрибуционные) перевозки.

Несмотря на то что с 2004 г. в структуре использования ресурсов в экономике России заметно выросла доля сферы услуг (рис. 3), удельный вес потре-

ния услуг транспорта и логистики остался неизменным (около 7% всего потребления в экономике).

Пространственно-временная реструктуризация дополняется институциональными и технологическими сдвигами. Первые связаны с возрастающей ролью малого и среднего предпринимательства, которое достаточно лояльно к коммерческой логистике из-за необходимости достижения «эффекта масштаба». Технологические сдвиги, связанные с научным и инновационным развитием общества, определяют сокращение энергоёмкости и ресурсоёмкости производств, а вместе с тем и потребность в ресурсах ТЛК. Существенное изменение функционирования ТЛК предвидится при расширении аддитивных технологий производства, которые создадут основу для широкого развития региональной логистики и высокоэффективных логистических решений на «последней миле» [17, с. 421].

- A - Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство
- B - Рыболовство, рыбоводство
- C - Добыча полезных ископаемых
- D - Обрабатывающие производства
- E - Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
- F - Строительство
- G - Оптовая и розничная торговля; ремонт авто- и мото-транспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования
- H - Гостиницы и рестораны
- I - Транспорт и связь
- J - Финансовая деятельность
- K - Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг
- L - Гос. управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение
- M - Образование
- N - Здравоохранение и предоставление социальных услуг
- O - Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг
- ПЗР - Прямые закупки резидентов за рубежом

Рис. 3. Структура использования в экономике России ресурсов, произведенных отдельными видами деятельности, % (в основных текущих ценах)*

* Росстатом не опубликованы таблицы «Затраты – выпуск» за 2016 г., поэтому на рисунке представлены данные за 2015 г. (аналогично на рис. 4).

Составлено по источникам: Росстат. Таблицы «Затраты – выпуск»: Таблица ресурсов товаров и услуг. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 01.03.2018).

Трансформационные процессы в экономике страны и регионов определяют направления и интенсивность развития ТЛК. В ходе макроэкономических исследований выявлен ряд тенденций, наблюдаемых при функционировании ТЛК России.

Во-первых, доля ресурсов транспорта и логистики в структуре потребления экономики России имеет тенденцию к росту, особенно в сфере добывающих и обрабатывающих производств, а также в

самом транспортном комплексе (рис. 4). Рост самопотребления связан с возросшим спросом на коммерческую логистику, а также интенсификацией взаимодействия различных видов транспорта в рамках мультимодальных и интермодальных перевозок. Основные отрасли – потребители услуг транспорта и логистики – торговля, добывающие и обрабатывающие производства, государственное управление, а также сам транспорт.

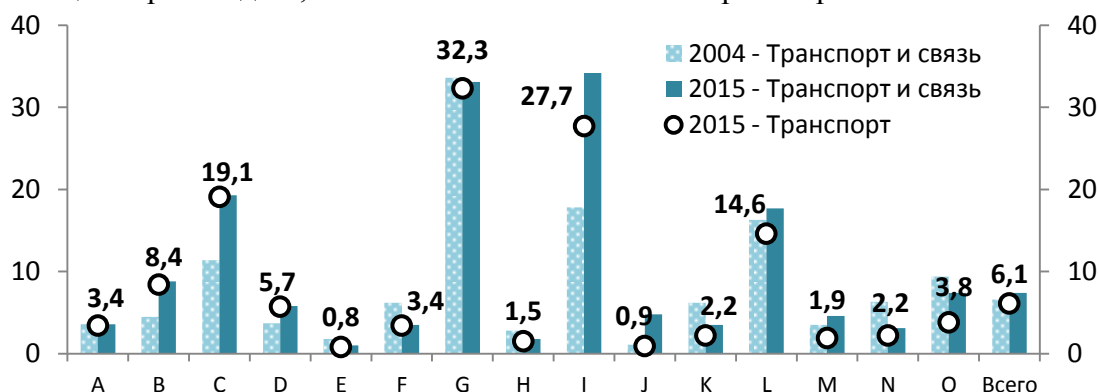

Рис. 4. Удельный вес (%) расходов на услуги транспорта и связи (ОКВЭД I) в отдельных отраслях России (в текущих ценах покупателей)*

* Составлено по источнику: Росстат. Таблицы «Затраты – выпуск». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 01.03.2018).

Подчеркнем, что рост потребления ресурсов транспорта и логистики (для промежуточного и конечного потребления) является вполне распространенным явлением как среди развитых, так и развивающихся стран. В США и европейских странах – Германии, Франции, Великобритании, Италии – он колеблется на уровне 3–4%,

Во-вторых, заметно сократилась транспортная емкость валового внутреннего

продукта страны (рис. 5), что связано с меньшими темпами роста приведенного грузооборота относительно роста валовой добавленной стоимости (в сопоставимых ценах). Это вполне логично, учитывая преимущественное развитие отраслей, менее зависимых от ТЛК. Приведенный грузооборот рассчитывался как сумма грузооборота и пассажирооборота с учетом коэффициента приведения по каждому виду транспорта [18, с. 41; 19].

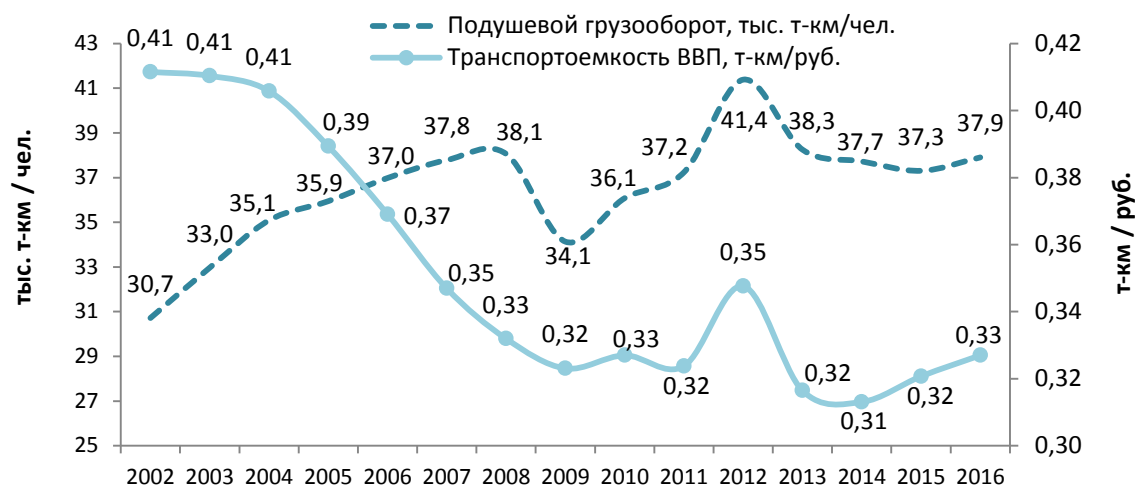

Рис. 5. Динамика транспортной емкости ВВП в сопоставимых ценах и подушевого грузооборота России с 2002 по 2016 годы, %*

* Составлено по источникам: Грузооборот. ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/30990> (дата обращения: 01.03.2018); Национальные счета России в 2011–2016 гг.: стат. сб./ Росстат. М., 2017. 263 с.; Национальные счета России в 2002–2009 гг. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B10_15/Main.htm (дата обращения: 01.03.2018).

Аналог данного показателя – объем внутренних грузовых перевозок (т-км) на единицу валового внутреннего продукта – является одним из индикаторов оценки эффективности развития транспорта, разрабатываемых ОЭСР (OECD Performance Indicators). С 2004 г. в России данный показатель сократился почти вдвое – до 2,8 тыс. т-км на тысячу ВВП в текущих ценах (в долларах США), но все равно остается одним из самых высоких в мире. Для сравнения, в 2015 г. в Индии он составил 1,3 тыс. т-км, в Китае – 1,2 тыс. т-км, в США, Канаде и Австралии – 0,5 тыс. т-км, в Германии и Испании – 0,2 тыс. т-км, в Южной Корее – 0,1 тыс. т-км, в Великобритании, Франции и Японии – менее 0,1 тыс. т-км.

В-третьих, вклад ТЛК в совокупный объем валовой добавленной стоимости России уверенно сокращался до 2011 г. (рис. 6). Несмотря на то что многие исследователи ставят под сомнение репрезентативность данного показателя, он продолжает использоваться ОЭСР в качестве одного из критериев оценки эффективности функционирования национальных и региональных общественных систем. В России он колеблется на уровне 6–8%. Это сопоставимо с данными по Сингапуру (7–9%) и Турции (9–10%). В США этот показатель один из самых низких – всего 3%. В Германии, Франции, Нидерландах, Великобритании, Южной Корее, Японии, Канаде и Австралии он варьируется от 4 до 5%.

Рис. 6. Динамика удельного веса транспорта и связи в валовой добавленной стоимости в текущих ценах, %*

* Пунктирная линия – реконструированные данные с учетом изменения методики СНС.

Составлено по источникам: Национальные счета России в 2011–2016 гг.: стат. сб./ Росстат. М., 2017. 263 с.; Национальные счета России в 2002–2009 гг. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B10_15/Main.htm (дата обращения: 01.03.2018).

Для большинства стран характерно снижение доли валовой добавленной стоимости транспорта и логистики в структуре ВВП [20], прежде всего в части оплаты труда. Сокращение удельного веса транспорта и логистики в объеме ВВП уже давно рассматривается как позитивный тренд с точки зрения транспортоемкости экономики.

В-четвертых, в 2016 г. вклад ТЛК в ВВП России составил 6,9%. Почти столько же составил его удельный вес в численности занятых. Сохранение занятости в ТЛК на уровне 4,5 млн чел. при одновременном снижении объемов перевозок является следствием увеличения средней дальности перевозок и ориентации ТЛК на направле-

ния деятельности, не связанные с непосредственным перемещением транспортных потоков, – управление, складирование, распределение, обработка и т.д., включенные в вид экономической деятельности I64 – «Вспомогательная и дополнительная транспортная деятельность» (рис. 7). При этом в структуре занятых в ТЛК по категориям работников происходят внутренние изменения: наблюдаемое сокращение среднесписочной численности работников в ТЛК страны (с 3,4 до 3,0 млн чел.) частично компенсируется увеличением числа индивидуальных предпринимателей и количества занятых при выполнении работ по совместительству и договорам гражданско-правового характера.

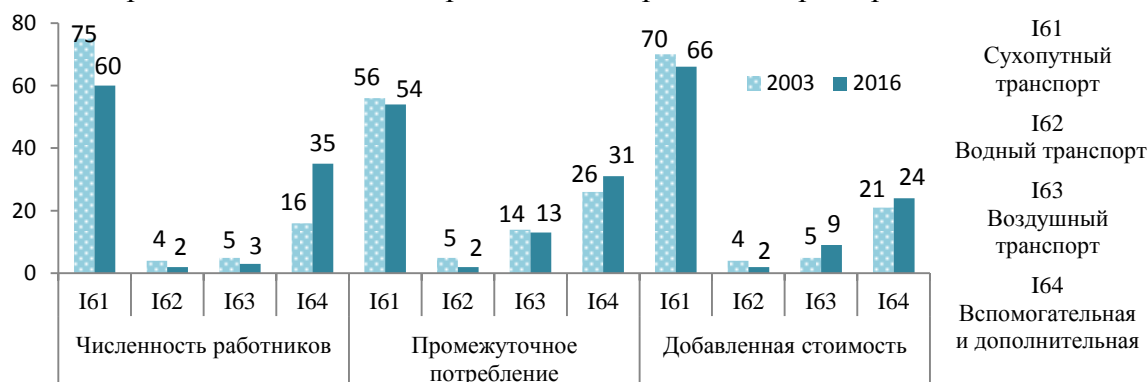

Рис. 7. Изменение вклада отдельных видов транспортной деятельности в показатели функционирования ТЛК России, %*

* Составлено по источникам: Среднесписочная численность работников по видам деятельности. Центральная база статистических данных. URL: <http://cbstd.gks.ru/#> (дата обращения: 01.03.2018); Федеральная служба государственной статистики. Национальные счета России в 2011–2016 гг. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_15/Main.htm (дата обращения: 01.03.2018); Федеральная служба государственной статистики. Национальные счета России в 2003–2010 гг. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_15/Main.htm (дата обращения: 01.03.2018).

Вместе с тем для многих развитых и развивающихся стран на фоне роста транспортной деятельности характерно увеличение численности занятых в ТЛК и их доли в общей численности занятых.

В-пятых, в России при сокращающихся объемах грузоперевозок происходит рост грузооборота и средней дальности перевозок. В 2015 г. средняя дальность грузоперевозок составила 674 км, тогда как в 2002 г. была 468 км (т. е. прирост составил 44% за 13 лет). При этом объем перевезенных грузов сократился с 8,5 до 7,7 млрд т (т. е. более чем на 9%). Для сравнения, с 1970 по 1990 гг. (за 20 лет) средняя дальность перевозок в России выросла на 24% (с 256 до 318 км), при том что объем перевезенных грузов вырос на 89%.

Такое положение может соответствовать ситуации, при которой снижаются объемы перевозки на коротких расстояниях и увеличиваются на дальних. Это вполне укладывается в современные российские реалии, когда многие малые и средние города теряют свою специализацию, все меньше генерируют и потребляют товарные потоки малой и средней дальности (т. е. регионального характера). В то же время доминирующий рост товарного взаимодействия между крупными агломерациями приводит к увеличению дальности перевозок. Кроме того, средняя дальность грузовых перевозок является следствием импортно-экспортной ориентации потоков. Несмотря на формирование транспортно-логистических центров в стране, процессы консолидации грузовых потоков крайне инертны и не всегда эффективны [21, с. 1].

Наиболее целесообразным в транспортной логистике считается вариант перевозки на максимальную дальность с максимальной загрузкой транспортных средств, что обеспечивает экономию за счет масштаба и дальности [22, с. 51]. Но для увеличения масштаба перевозки необходимо большой объем груза сконцентрировать в определенном узле, что требует консолидации объемов и осуществления серии более мелких (и по масштабу, и по расстоянию) перевозок.

Таким образом, один и тот же груз будет перевезен несколько раз (в несколько этапов). При консолидации более мелких потоков и концентрации их объемов в определенных узлах происходит снижение средней дальности перевезенных грузов и увеличение объема перевозимых грузов – за счет многоэтапности (многоступенчатости) перевозок одного и того же объекта и усложнения цепи поставок.

Судя по всему, именно такие процессы свойственны для США. С 2002 по 2015 гг. при росте грузовых перевозок на 5,9% их средняя дальность сократилась на 7% (с 493 до 459 км), а грузооборот сократился на 1,4%¹. Данные по Китаю свидетельствуют о подобных тенденциях с 2011 г., когда наметилось сокращение средней дальности грузовых перевозок (с 430 до 425 км в 2016 г.)².

Стоит заметить, что консолидация потоков имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Такой подход позволяет добиться «эффекта масштаба» при перевозке, использовать более экономичные виды транспортных средств и сократить порожний пробег. С другой стороны, это требует дополнительных разгрузочно-погрузочных операций и может вести к увеличению временных затрат.

В-шестых, с 2006 г. промежуточное потребление в ТЛК России стало преобладать над его добавленной стоимостью (рис. 8). Основной источник роста промежуточного потребления – сам ТЛК, в котором мультиплицируются так называемые процессы «вертикальной фрагментации», растет сложность межотраслевых и внутриотраслевых связей, изменяются длины цепей поставок [23, с. 15; 24, с. 61]. Дополнительными факторами роста промежуточного потребления (без учета инфляции) могут быть иррациональность транспортной сети и неэффективность транспортно-логистической подсистемы, изношенность и неэффективность транспортных средств, пространственные сдвиги в экономике.

¹ FAF4 – Freight Analysis Framework. URL: <https://faf.ornl.gov> (дата обращения: 01.03.2018).

² China Statistical Database. URL: <http://data.stats.gov.cn/english> (дата обращения: 01.03.2018).

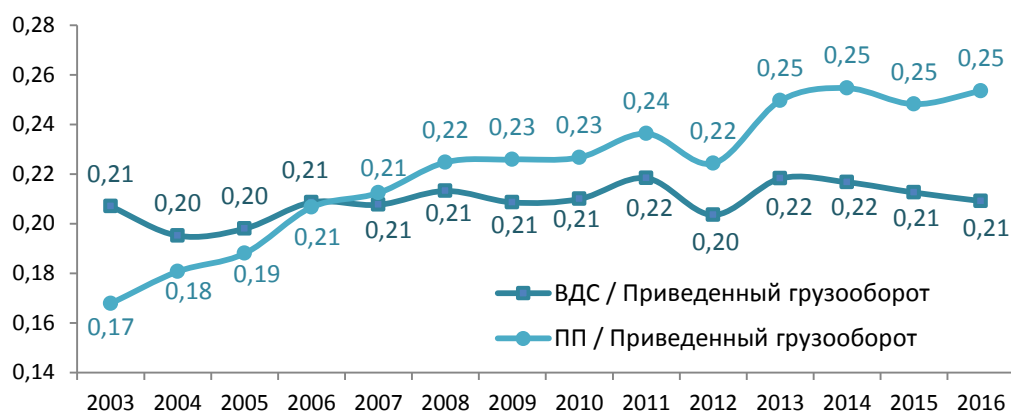

Рис. 8. Динамика валовой добавленной стоимости и промежуточного потребления в сопоставимых ценах в расчете на единицу приведенного грузооборота в России*

* Составлено по источнику: Росстат. Национальные счета России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 01.03.2018).

Реальный прирост добавленной стоимости ТЛК в России с 2003 по 2016 гг. составил 18%, а удельный вес в ВВП страны сократился на 2,8 процентных пункта. В расчете на 1 приведенный тонно-километр грузооборота добавленная стоимость почти не изменилась, в отличие от потребляемого при этом промежуточного продукта.

Несмотря на то что ТЛК всегда отводилась важная роль в развитии социально-экономических систем, особенности учета его вклада в ВВП страны до сих пор являются дискуссионными [25, с. 1; 26, с. 80].

Хотя транспорт не изменяет физических и качественных характеристик перевозимого объекта, он меняет его положение в пространственно-временном континууме, что также может рассматриваться как новая характеристика перемещаемого объекта с добавленной ценностью. Оптимизируя перемещение потоков в пространстве и времени, ТЛК способен снижать потенциальные издержки. Таким образом, логистизация транспортного комплекса при прочих равных условиях способна приводить к сокращению промежуточного потребления как во взаимодействующих отраслях, так и в самом ТЛК. Добавленная стоимость может снижаться за счет более эффективного использования трудовых ресурсов, автоматизации и информатизации процессов. Сокращение промежуточного потребления может происходить за счет более рационального использования ресурсов. При

этом важно заметить, что чем выше доля промежуточного потребления в отрасли, тем большая ценность создается за ее пределами, т. е. в других видах деятельности [23, с. 15].

Компаративный анализ эффективности функционирования и развития ТЛК

Иntenсивный рост промежуточного потребления в ТЛК характерен для многих развитых и развивающихся стран (табл. 1). Существенное преобладание промежуточного потребления над добавленной стоимостью в ТЛК наблюдается в Германии, Великобритании, Италии, Польше, Южной Корее и Соединенных Штатах Америки.

В подавляющем большинстве стран промежуточное потребление ТЛК превышает его добавленную стоимость, но имеется ряд государств, где ситуация противоположная — например, Япония, где добавленная стоимость в ТЛК на треть больше, чем его промежуточное потребление. Во Франции и США добавленная стоимость ТЛК сопоставима с его промежуточным потреблением. Это может быть связано с разными подходами к организации транспортно-логистических процессов и финансово-хозяйственных потоков в ТЛК, а также с особенностями взаимодействия различных секторов экономики и степенью интеграции в мировые экономические процессы.

Таблица 1

Динамика соотношения промежуточного потребления и добавленной стоимости по виду деятельности «транспорт и хранение» по некоторым странам мира за 2003–2015 гг., в текущих ценах (в национальной валюте)*

Страна	Темп роста 2015/2003 гг.			Соотношение ПП и ДС			
	ПП	ДС	ПП/ДС	2003 г.	2011 г.	2015 г.	2016 г.
Россия	8,17	5,40	1,51	0,81	1,24	1,20	1,23
США ¹	1,79	1,53	1,17	0,84	1,06	0,98	...
США ²	1,78	1,70	1,05	0,93	1,07	0,98	0,90
Германия	1,76	1,43	1,23	1,25	1,57	1,53	1,52
Великобритания	1,46	1,48	0,99	1,20	1,20	1,19	...
Франция	1,27	1,39	0,91	1,13	1,13	1,03	1,00
Италия	1,23	1,19	1,03	1,30	1,32	1,34	1,22
Япония	1,05	1,04	1,01	0,66	0,67	0,66	...
Ю. Корея	2,12	1,81	1,17	1,23	2,02	1,45	...
Китай	4,35	3,85	1,13	1,07	1,12	1,21	...

Примечание: ¹ – данным OECD Statistics; ² – данные Bureau of Economic Analysis.

* Используются сокращения: ПП – промежуточное потребление; ДС – добавленная стоимость. Составлено по источникам: Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 01.03.2018); Value added and its components by activity, ISIC rev.4. OECD Statistics. URL: <http://stats.oecd.org/#> (дата обращения: 01.03.2018); National Data, Industry Data. U.S. Bureau of Economic Analysis (BEA). URL: <https://www.bea.gov/iTable> (дата обращения: 01.03.2018); World Input-Output Database (WIOD). URL: <http://www.wiod.org/database/wiots16> (дата обращения: 01.03.2018).

Детальная оценка и сравнение транспортно-логистической деятельности

России, США, Китая и Германии представлена в табл. 2.

Таблица 2

Показатели функционирования ТЛК в национальных экономиках*

Показатель	2002–2003 гг.				2014–2015 гг.			
	Россия	США	Китай	Германия	Россия	США	Китай	Германия
Перевезено грузов, млрд т	8,7	17,1	15,6	3,5	7,6	18,1	41,8	3,8
Грузооборот, трлн т-км	4,3	8,4	5,4	1,3	5,1	8,3	17,8	1,4
Средняя дальность перевозки грузов, км	494	491	344	371	671	459	427	368
Перевезено пассажиров, млрд пасс.	40,1	21,3	15,8	10,5	19,1	24,8	19,4	11,5
Пассажирооборот, трлн пасс.-км	0,5	1,3	1,4	0,2	0,5	1,5	3,0	0,3
Средняя дальность перевозки пассажиров, км	12,2	62,7	87,4	23,3	26,2	59,9	155,0	24,3
Численность, млн чел.	4,6	5,8	6,1	1,9	4,6	6,5	8,5	2,1
Уд. вес занятых в ТЛК, %	7,0	4,1	0,8	5,3	6,8	4,4	1,1	5,3
Валовой выпуск ТЛК в постоянных ценах базисного года**	58	739	197	242	65	916	698	377
добавленная стоимость**	32	357	95	97	29	454	332	148
промежуточное потребление**	26	382	102	145	36	462	366	229
Валовой выпуск ТЛК в текущих ценах**	58,3	620,7	195,4	224,5	224,7	1069,0	1021,5	400,5
уд. вес от всей экономики, %	7,7	3,1	4,4	5,1	6,6	3,5	3,2	5,7
Добавленная стоимость (ДС)**	32,3	321,7	93,2	100,1	106,1	507,7	472,2	164,9
уд. вес от всей экономики, %	8,5	2,8	5,6	4,4	6,5	2,9	4,5	4,7
формирование, % от ДС								
оплата труда	43,5	63,2	44,1	55,2	39,8	61,4	42,4	56,6
валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы	53,1	33,8	47,2	44,4	58,5	35,4	54,1	44,1
использование, % от ДС								
конечное потребление	33,4	49,7	28,1	36,4	47,6	47,9	19,9	33,6
экспорт	73,1	20,4	21,0	27,7	67,4	26,9	18,1	33,8

Показатель	2002–2003 гг.				2014–2015 гг.			
	Россия	США	Китай	Германия	Россия	США	Китай	Германия
Промежуточное потребление**	26,0	299,0	102,2	124,4	118,6	561,3	549,4	235,6
уд. вес от всей экономики, %	6,9	3,5	3,7	5,8	6,8	4,1	2,6	6,7
внутреннее потребление, %	12	20	20	50	28	20	20	53
Потребление транспортно-логистических услуг в текущих ценах**	37,4	581,9	181,8	223,3	163,0	981,3	1007,1	400,6
в т.ч. импортных**	7,5	4,6	3,3	11,9	6,0	5,0	7,1	13,9
промежуточное потребление**	24,6	390,9	150,4	177,2	106,4	682,7	870,6	327,8
конечное потребление**	11,9	185,3	27,8	44,2	54,5	258,7	103,5	72,7

* Составлено по источникам: ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 01.03.2018); U.S. Department of Transportation, Bureau of Transportation Statistics. URL: http://www.bts.gov/publications/national_transportation_statistics (дата обращения: 01.03.2018); UN Statistics Division. URL: <http://data.un.org/Default.aspx> (дата обращения: 01.03.2018); WIOD. URL: <http://www.wiod.org/database/wiots16> (дата обращения: 01.03.2018); China Statistical Database. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 01.03.2018); Destatis. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online> (дата обращения: 01.03.2018); U.S. Bureau of Labor Statistics Latest Numbers. URL: <https://www.bls.gov/data/> (дата обращения: 01.03.2018).

** Данные показатели измеряются в млрд долл. США.

В США (рис. 9) в отличие от России вместе с ростом грузооборота отмечается и рост объемов грузоперевозок, а средняя дальность перевозок даже снижается, что оправдывает рост численности занятых в ТЛК. В целом по США можно говорить о достаточно эффективном ТЛК, где рост

добавленной стоимости в сопоставимых ценах опережает рост промежуточного потребления как в целом по экономике, так и по ТЛК. При этом валовой выпуск транспорта на 1 приведенный т-км увеличился всего на 15%.

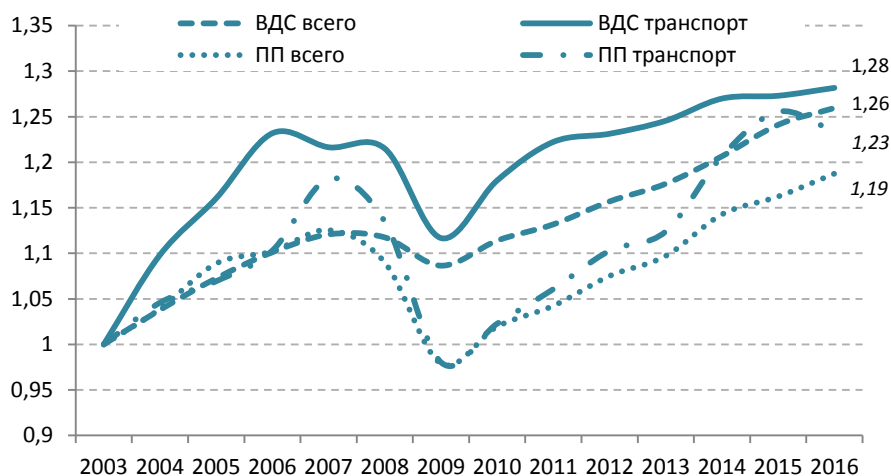

Рис. 9. Динамика базисных темпов роста добавленной стоимости, промежуточного потребления ТЛК и экономики США в целом (в сопоставимых ценах базисного года), %*

* Составлено по источнику: National Data, Industry Data. U.S. Bureau of Economic Analysis (BEA). URL: <https://www.bea.gov/iTable> (дата обращения: 01.03.2018).

Для ТЛК Германии (рис. 10) свойственно значительное преобладание промежуточного потребления над добавленной стоимостью. До кризиса 2009 г. рост

добавленной стоимости комплекса уверенно преобладал над промежуточным потреблением.

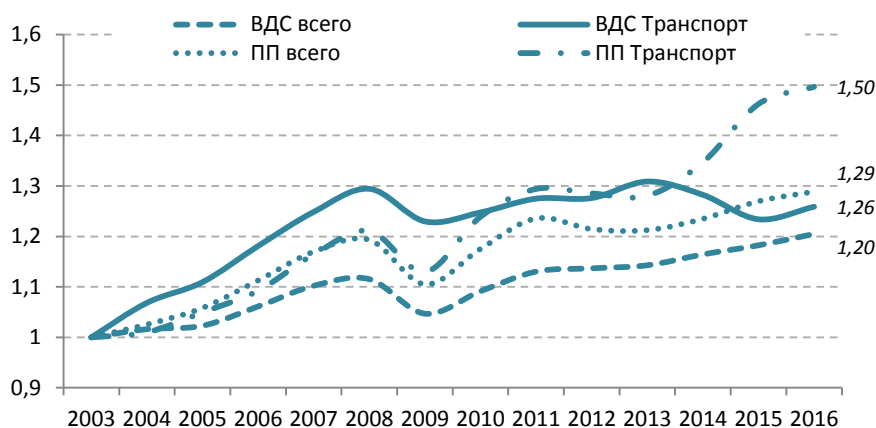

Рис. 10. Динамика базисных темпов роста добавленной стоимости, промежуточного потребления ТЛК и экономики Федеративной Республики Германия в целом (в сопоставимых ценах базисного года), %*

* Составлено по источнику: Destatis – Genesis Online Database. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online> (дата обращения: 01.03.2018).

Отличительной особенностью ТЛК Германии является высокая степень внутреннего потребления, т. е. использование транспортных и логистических услуг внутри самого комплекса (более 50% от всего потребления в ТЛК). Это свидетельствует о высокой степени кооперации и фрагментации транспортно-логистической деятельности внутри комплекса. Кроме того, в Германии наблюдается высокая доля привлекаемых из-за рубежа транспортных и логистических услуг (доля импорта 12–14%), в том числе для внутреннего потребления. Это вполне закономерная осо-

бенность, учитывая высокую степень взаимной интеграции стран в рамках Европейского союза.

Для Китая (рис. 11) свойственно преобладание промежуточного потребления в ТЛК над его добавленной стоимостью. Такая ситуация наблюдается во всей экономике КНР, что, вероятно, является следствием низкой добавленной стоимости в части оплаты труда. Иными словами, экономика Китая и его ТЛК перерабатывают огромные потоки промежуточного продукта, не соизмеримые с добавленной стоимостью.

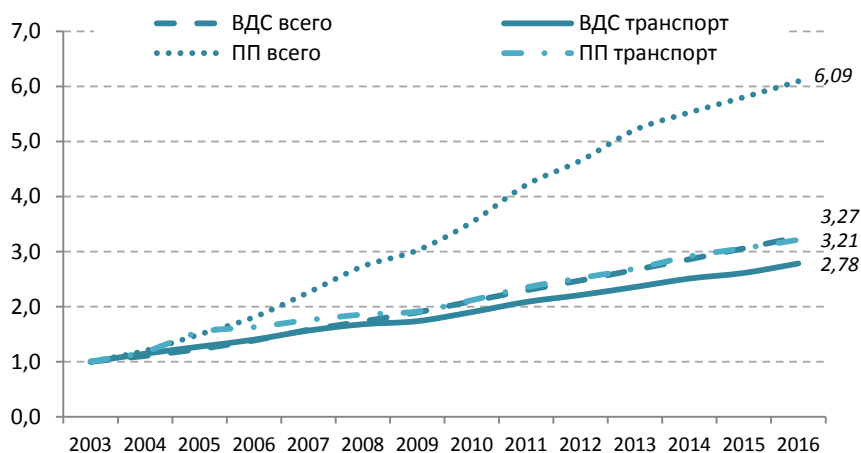

Рис. 11. Динамика базисных темпов роста добавленной стоимости, промежуточного потребления ТЛК и экономики Китайской Народной Республики в целом (в сопоставимых ценах базисного года), %*

* Составлено по источникам: Value added and its components by activity, ISIC rev.4. OECD Statistics. URL: <http://stats.oecd.org/#> (дата обращения: 01.03.2018); World Input-Output Database (WIOD). URL: <http://www.wiod.org/database/wiots16> (дата обращения: 01.03.2018); China Statistical Yearbooks Database. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/annualdata> (дата обращения: 01.03.2018); China Statistical Database. URL: <http://data.stats.gov.cn/english> (дата обращения: 01.03.2018).

В целом можно заметить, что при росте объемов перевозки грузов и пассажиров удельный вес ТЛК в валовой добавленной стоимости и промежуточном потреблении заметно сократился.

Динамика изменения добавленной стоимости и промежуточного потребления в ТЛК России как в текущих, так и в сопоставимых ценах (рис. 12) однозначно свидетельствует о крайне интенсивном росте промежуточного потребления.

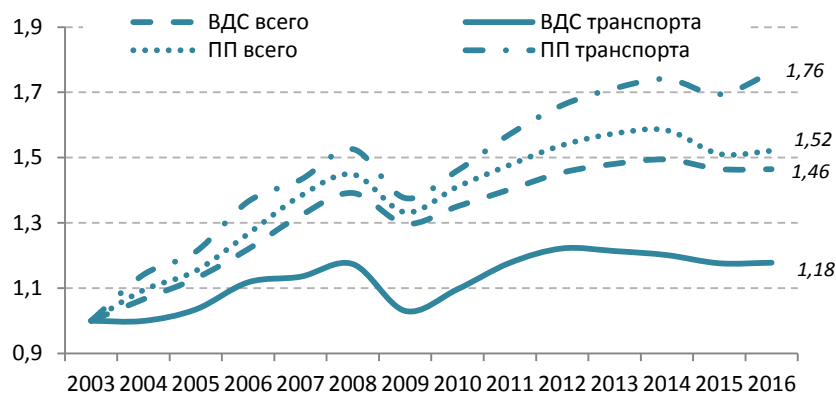

Рис. 12. Динамика базисных темпов роста добавленной стоимости, промежуточного потребления ТЛК и экономики России в целом (в сопоставимых ценах базисного года), %*

* Составлено по источнику: Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts (дата обращения: 01.03.2018).

В России доля ТЛК в формировании валовой добавленной стоимости и промежуточного потребления самая высокая среди рассматриваемых стран. На фоне сокращения объемов перевозки грузов и пассажиров его вклад также сократился, особенно в части добавленной стоимости. При этом численность занятых в транспортно-логистической деятельности осталась на прежнем уровне, что частично оправдывается ростом дальности перевозок грузов и пассажиров.

Отличительными особенностями ТЛК России являются:

- низкая доля оплаты труда в формировании добавленной стоимости;
- преимущественный экспорт добавленной стоимости;
- превышение потребления в ТЛК над потреблением транспортно-логистических услуг в экономике;
- значительное превышение промежуточного потребления в ТЛК над его добавленной стоимостью;
- рост потребления транспортно-логистических услуг превышает рост валового выпуска ТЛК, в связи с чем разница покрывается за счет их импорта.

Если для ТЛК Германии и США основной источник роста – водный транспорт, то для Китая и России это складирование и дополнительные операции в области транспортировки (warehousing and support activities for transportation), включающие логистическую деятельность (рис. 7).

Активизация данного сегмента в ТЛК привела к «вытягиванию» дополнительного промежуточного продукта из других отраслей экономики, а также увеличению уровня вертикальной фрагментации и степени взаимодействия различных транспортно-логистических элементов. Казалось бы, перенимаемое промежуточное потребление должно иметь тенденцию к сокращению за счет оптимизации сложившихся потоков в пространстве и времени, изменения конфигурации транспортной сети, использования более экономичных и совершенных транспортных средств с учетом их функционального назначения и специализации. Однако компаративный анализ эффективности функционирования ТЛК разных стран показал, что ни одной из рассматриваемых общественных систем не удалось добиться снижения валового выпуска в

расчете на объем перевозок или приведенный грузооборот.

Во-первых, ТЛК активно дополняется операциями, не требующими транспортировки, но при этом обладающими бесспорной добавленной ценностью.

Во-вторых, активная кооперация и взаимодействие внутри ТЛК, а также «переход» части промежуточного потребления из других отраслей создают условия для увеличения валового выпуска как минимум на период оптимизационных решений и мероприятий, которые могут быть достаточно длительными. Отмечается волновой характер добавленной стоимости логистической деятельности [27, с. 199].

В-третьих, чем эффективнее и сложнее система, тем сложнее ее совершенствовать. В связи с этим в более развитых транспортно-логистических системах оптимизационные мероприятия менее масштабны, а задача состоит в сохранении уже достигнутого уровня.

В-четвертых, важно понимать условия, в которых функционирует транспорт: перестройка пространственной структуры экономики, внутри- и внешнеэкономические условия, геополитические процессы могут существенно изменить структуру грузовых и пассажирских перевозок, а следовательно, и эффективность сложившегося ТЛК.

Кроме того, в процессе деятельности ТЛК на первый план могут выходить иные критерии оценки эффективности кроме стоимостных расходов – например, оперативность, безопасность, экологичность и комфортность, которые требуют дополнительного промежуточного потребления и создания добавленной стоимости.

Таким образом, в современных условиях не следует ждать от ТЛК сокращения валового выпуска при неизменных объемах перевозки. Хотя соотношение формируемой добавленной стоимости и промежуточного потребления в ТЛК можно рассматривать как уровень преобразования промежуточного продукта в добавленную стоимость. Судя по показателям развития ТЛК России, с 2003 г. логистизация заключалась лишь в увеличении числа логисти-

ческих операций и переключении промежуточного потребления из одних сфер и отраслей экономики на ТЛК без качественной трансформации происходящих процессов и кардинального повышения эффективности грузовых и пассажирских перевозок.

Низкая эффективность функционирования ТЛК сдерживает экономический рост в стране, является следствием несбалансированности потоков, низкой конкурентоспособности товаров и услуг и т.д. Согласимся с А.Л. Носовым, который определил рынок логистических услуг в России как неупорядоченное нагромождение функционально имеющих отношение к логистическим операциям экономических субъектов, которые системно не организованы, поскольку нет общего организующего центра, механизма образования логистических систем и необходимой инфраструктуры [28, с. 62].

Оценка эффективности функционирования региональных транспортно-логистических подсистем России

Эффективность и результативность деятельности ТЛК страны определяется функционированием и взаимодействием региональных транспортно-логистических подсистем. В связи с трансграничной ролью транспортно-логистической деятельности внутрирегиональные расчеты доступны лишь по ограниченному кругу макроэкономических показателей. Ключевыми доступными индикаторами на региональном уровне остаются валовая добавленная стоимость транспорта (до 2016 г. включая связь) и среднесписочная численность работников.

В качестве индикаторов функционирования ТЛК регионов в рамках исследования были рассчитаны (рис. 13):

- индекс физического объема (ИФО) добавленной стоимости транспорта и связи в регионах России, %;
- изменение удельного веса транспорта и связи в структуре ВРП регионов (в текущих ценах, процентные п.);
- вклад регионов в прирост добавленной стоимости транспорта и связи России (в сопоставимых ценах, %).

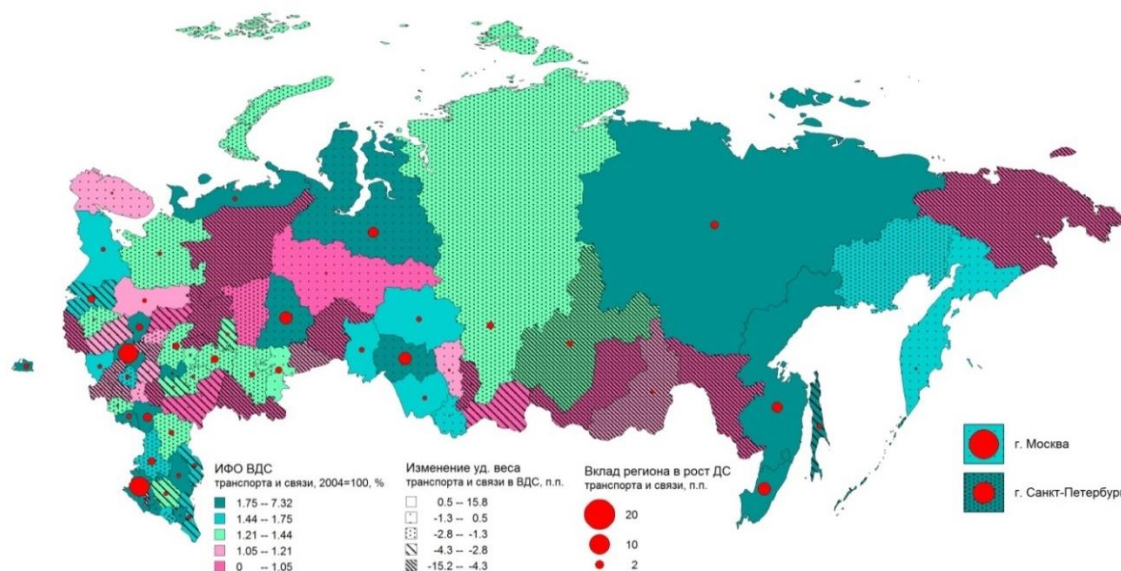

Рис. 13. Распределение регионов России по изменению ДС транспорта и связи с 2004 по 2016 гг.*

* Составлено по источникам: Национальные счета России в 2011–2016 гг.: стат. сб./ Росстат. М., 2017. 263 с.; Национальные счета России в 2004–2011 гг.: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_15/Main.htm (дата обращения: 01.03.2018).

Основная зона сокращения реальной добавленной стоимости транспорта и связи в России приходится на Европейскую макрозону. Особенно заметно снижение ИФО добавленной стоимости ТЛК в Приволжском федеральном округе: среди регионов-аутсайдеров по данному показателю – Самарская, Саратовская, Кировская, Оренбургская области, а также Пермский край. Среди регионов Уральского федерального округа подобными тенденциями отличается Тюменская область, в Сибири – Бурятия, Хакасия, Иркутская область и Забайкальский край.

Точками роста добавленной стоимости транспорта и связи являются регионы Юга России (своеобразный «локомотив» – Краснодарский край), регионы вокруг Москвы (главным образом – Москва и Московская область), регионы Северо-Запада (с доминирующим центром в Санкт-Петербурге), Ямало-Ненецкий АО, Дальневосточные регионы (Приморский и Хабаровский край). Кроме того, позитивные тенденции в создании добавленной стоимости наблюдаются в некоторых регионах внутриконтинентальной части

страны – Свердловской и Новосибирской областях с ближайшими соседями.

Показатели по численности работников также оценивались через динамические характеристики – темп роста численности работников транспорта и изменение их удельного веса в экономике регионов. Дополнительно рассматривалась численность работников в области вспомогательной и дополнительной транспортной деятельности (рис. 14).

Основные регионы, в которых наблюдается сокращение численности работников ТЛК, находятся в Восточной Сибири и юге Поволжья. Заметный прирост работников ТЛК наблюдается в Западной Сибири, на севере Европейской части страны, в Красноярском крае и на Сахалине. Своеобразный «логистический» каркас выстроился по оси «Владивосток – Иркутск – Красноярск – Новосибирск – Екатеринбург – Самара – Москва – Санкт-Петербург – Краснодар», о чем свидетельствует сконцентрированная в этих регионах численность работников в области вспомогательной и дополнительной транспортной деятельности.

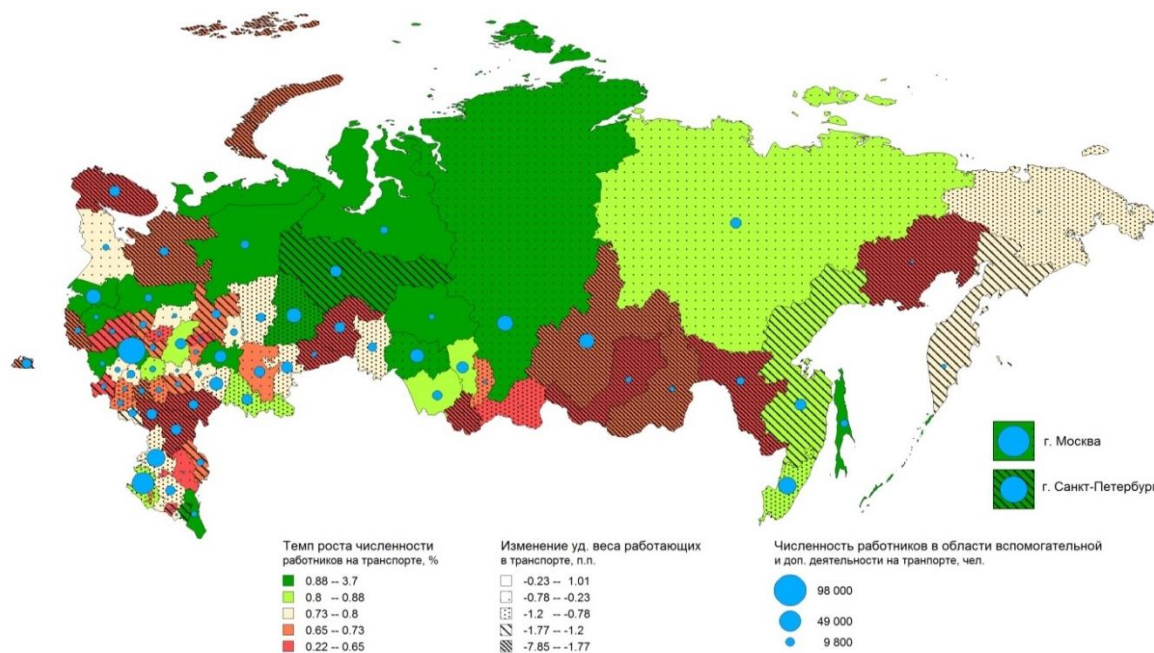

Рис. 14. Распределение регионов России по изменению численности работников в ТЛК с 2004 по 2016 гг.*

* Составлено по источникам: Среднесписочная численность работников по полному кругу. ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43007> (дата обращения: 01.03.2018); Центральная база статистических данных: <http://cbsd.gks.ru/#> (дата обращения: 01.03.2018).

На основе сопоставления данных по объему добавленной стоимости транспорта и численности работников ТЛК был рассчитан показатель производительности труда – объем добавленной стоимости, генерируемый 1 работником отрасли (рис. 15). Подчеркнем, что зоны роста до-

бавленной стоимости и численности работников не всегда совпадают, что является следствием некоторых дисбалансов в экономике России, в том числе неэффективности использования труда на определенных этапах развития систем.

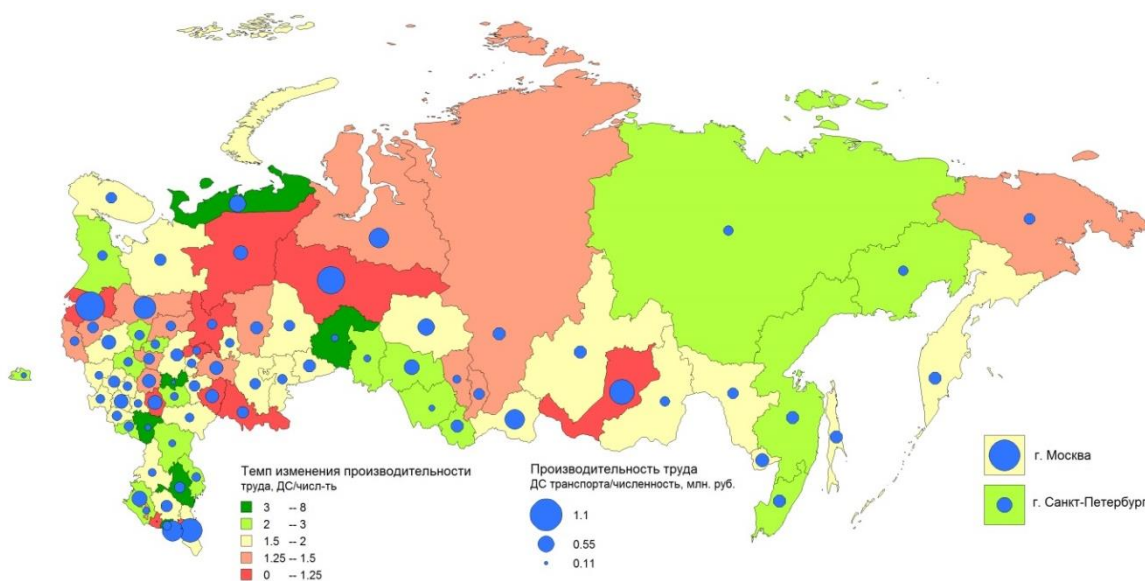

Рис. 15. Распределение регионов России по изменению производительности труда в ТЛК с 2004 по 2016 гг.

Основная зона снижения производительности труда в ТЛК наблюдается в Приволжском, Уральском и Северо-Западном округах, образуя своеобразное полукольцо (Оренбургская, Самарская, Кировская области, Республика Коми и Ханты-Мансийский АО). Для большинства регионов России свойственно увеличение производительности труда в ТЛК, особенно выделяются в этом отношении юг Поволжья и южная часть Западной Сибири.

Таким образом, ключевой тренд регионального развития ТЛК заключается в смещении основных центров роста к границам России, а также точечном формировании небольшого числа опорных транспортно-логистических центров во внутриконтинентальной части с мощной «зоной тяготения». Многие промышленно развитые регионы внутриконтинентальной части страны наряду с сокращением производственной деятельности испытывают снижение добавленной стоимости ТЛК.

Заключение

В условиях структурной перестройки экономики России, выраженной в пространственных, отраслевых, институциональных и технологических трансформациях, происходит изменение особенностей функционирования транспортно-логистического комплекса страны. В ходе исследования выявлено, что в России на фоне снижения объемов перевозимых грузов и пассажиров издержки на их транспортировку, выраженные в промежуточном потреблении и частично в добавленной стоимости ТЛК, значительно возрастают. Перевозки одной тонны груза и одного пассажира стали требовать больше ресурсов, что противоречит одному из ключевых принципов логистики.

С одной стороны, это объясняется возрастающим грузооборотом и ростом средней дальности перевозок грузов и пассажиров, которые, в свою очередь, являются следствием сокращения региональных и межрегиональных перевозок малой и средней дальности, а также ростом экспортной ориентации потоков сырья и полуфабрикатов. Региональный анализ до-

бавленной стоимости ТЛК России показал ее смещение к западным и восточным границам страны – к портовым и приграничным территориям.

Компаративный анализ эффективности функционирования ТЛК России, США, Германии и Китая выявил, что отличительными особенностями российского ТЛК являются преимущественный экспорт добавленной стоимости и значительное превышение промежуточного потребления над его добавленной стоимостью.

Основной источник роста валового выпуска ТЛК в России – складирование и дополнительные операции в области транспортировки, как раз включающие логистическую деятельность. Данные операции не связаны с непосредственной транспортировкой, что объясняет сохранение численности работников в ТЛК при снижающихся объемах перевозок. За последние десять лет отчетливо прослеживается смещение работников в данный сегмент ТЛК. Именно за счет его активизации происходит интенсивный рост промежуточного потребления, так как он связан с дополнительными процессами «вертикальной фрагментации», интенсификацией взаимодействия различных видов транспорта в рамках мультимодальных и интермодальных перевозок, усложнением цепей поставок.

Рост промежуточного потребления в ТЛК России так же, как и его превышение над добавленной стоимостью, являются вполне естественными процессами, свойственными для ТЛК многих других стран в разные этапы их формирования. ТЛК «вытягивает» на себя часть промежуточного потребления из других отраслей экономики, создавая предпосылки для роста добавленной ценности в них. Но для ТЛК России на этом фоне заметен крайне низкий темп роста самой добавленной стоимости, что может свидетельствовать о его неспособности генерировать добавленную стоимость за счет эффективных транспортно-логистических операций.

Непропорционально большое возрастание потребления ресурсов при промежуточном потреблении ТЛК отражается

на составляющих устойчивого развития территориальных систем. Иррациональные расходы на топливо и энергию при транспортировке снижают эффективность использования ресурсов, усиливают давление на окружающую природную среду и инфраструктуру. Логистические элементы в России за рассматриваемый период не были способны генерировать соразмерный объем добавленной стоимости, приходящейся на промежуточное потребление, которое возросло за счет внутреннего потребления ресурсов ТЛК.

Полученные результаты представляют основу для дальнейшей разработки мер и механизмов оптимизации функционирования ТЛК страны. Снижение расходов возможно за счет различных механизмов и инструментов, которые реализуются в рамках логистизации экономики и общества. Основная их группа направлена на оптимизацию транспортной сети, что позволяет сократить вынужденный (излишний) грузо- и пассажирооборот, нивелировать пространственные искажения транспортных маршрутов, повысить соотносимость потоков с конфигурацией транспортной сети, снизить порожний пробег и т.д.

Таким образом, в период активных структурных преобразований экономики России транспортно-логистический комплекс должен быть предельно гибким и эластичным, работая на опережение. В настоящее время транспортно-логистическая подсистема недостаточно адекватно реагирует на структурные сдвиги в экономике: оказываясь крайне инертной, она не соответствует происходящим пространственным и отраслевым трансформациям.

Отставание в развитии транспортно-логистической подсистемы объясняется множеством факторов: серьезными инвестиционными потребностями, динамизмом экономической системы, возможностью использования существующей транспортной сети, лоббизмом отдельных элементов системы, высокой монополизацией, деградирующей системой расселения, физико-географическими и природно-климатическими условиями.

Использованные в работе подходы и предложенные показатели могут быть применимы при разработке стратегических направлений оптимизации ТЛК страны, а также при анализе эффективности использования транспортно-логистических услуг в отдельных отраслях и видах экономической деятельности.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-10066 «Оптимизация транспортно-логистической системы России и регионов как инструмент устойчивого развития»).

Список литературы

1. *Кульков В.М.* Завершился ли переходный период в экономике России? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. №4 (40). С. 45–59. doi: 10.15838/esc/2015.4.40.3.
2. *Гринберг Р.С.* Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации // Век глобализации. 2015. №1. С. 166–182.
3. *Бобылев С.Н.* Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. 2017. №3. С. 90–96.
4. *Зарецкая Л.М.* Исследование возможностей применения «зеленых» технологий при управлении цепями поставок // Торгово-экономический журнал. 2015. №2. С. 91–100. doi: 10.18334/tezh.2.2.570.
5. *Seroka-Stolka O.* The Development of Green Logistics for Implementation Sustainable Development Strategy in Companies // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. № 151. P. 302–309. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.10.028.

6. *Mariotti I.* Transport and logistics in a globalizing world. A focus on Italy. Springer – Heidelberg – New York, 2015. 100 p.
7. *Candemir Y., Çelebi D.* An inquiry into the analysis of the Transport & Logistics Sectors' Role in Economic Development // *Transportation Research Procedia*. 2017. № 25. P. 4696–4711. doi: 10.1016/j.trpro.2017.05.317.
8. *Shepherd B.* Logistics Costs and Competitiveness: Measurement and trade policy applications. World Bank, Washington, DC, 2011. 39 p.
9. *Candemir Y., Çelebi D.* Connotations over the importance of Logistics Chains Facing the Global Economy in Transition: Some Methodological Issues // *Second World Keynes Conference*. PAU Denizli, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/298402760_CONNOTATIONS_OVER_THE_IMPORTANCE_OF_LOGISTICS_CHAINS_FACING_THE_GLOBAL_ECONOMY_IN_TRANSITION_SOME_METHODOLOGICAL_ISSUES (дата обращения: 01.03.2018).
10. *Banister D., Stead D.* Reducing transport intensity // *European journal of transport and infrastructure research* 2002. Vol. 2. № 3/4. P. 161–178.
11. *Rantasila K., Ojala L.* National-level logistics costs: an overview of extant research // *International Journal of Logistics Research and Applications: A Leading Journal of Supply Chain Management*. 2015. Vol. 18. Iss. 4. P. 313–324. doi: 10.1080/13675567.2015.1016413.
12. *Baptist S., Hepburn C.* Intermediate inputs and economic productivity // *Philosophical Transactions of the Royal Society A*. 2013. № 371 (1986). P. 1–21.
13. *Николаев П.С.* Пространственно-функциональная структура территориальной транспортно-логистической системы Пермского края: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Пермь, 2013. 24 с.
14. *Лучников А.С., Николаев П.С.* Основные элементы и особенности территориальной организации промышленного комплекса Пермского края // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. География. Геология*. 2017. Т. 3–2. № 4. С. 102–114.
15. *Николаев П.С.* Оценка эффективности и возможностей оптимизации транспортно-логистических процессов в территориальных общественных системах // *Геопоиск-2016: материалы I всеросс. науч. конгресса молодых ученых-географов (г. Тверь, ТвГУ, 3–10 окт. 2016 г.)* / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2016. С. 512–534.
16. *Luchnikov A.S., Nikolaev R.S.* Directions for optimizing of the economic framework as an instrument for regional development // *R-Economy*. 2017. Vol. 3, Iss. 4. P. 212–227.
17. *Мясникова Л.А.* Логистика аддитивных производств // *Вестник факультета управления СПбГЭУ*. 2017. Т. 1. Вып. 1. С. 419–422.
18. *Чеботаев А.А.* Уровни трудо- и энергоемкости как факторы инновационной и деловой активности перевозок в экономике // *Инновационный транспорт*. 2017. № 4 (26). С. 38–48. doi: 10.20291/2311-164X-2017-4-38-48.
19. *Краснощек А.А.* О роли железнодорожного транспорта в обеспечении экономической безопасности // *Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал*. 2006. № 1/2 (17/18). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1012> (дата обращения: 21.03.2018).
20. *Garcia C., Levy S., Limão S., Kupfer F.* Correlation between Transport Intensity and GDP in European Regions: A new Approach // *8th Swiss Transport Research Conference (October 15–17, 2008)*, Monte Verità/Ascona, 2008. URL: http://www.strc.ch/2008/2008_Garcia_Levy_Limao_Kupfer_Transport-Intensity_GDP.pdf (accessed 21.03.2018).
21. *Принзюк И.В.* Стратегические аспекты государственного регулирования доставки товаров // *Вестник НГУ. Социально-экономические науки*. 2013. Т.13, вып. 3. С. 19–25.
22. *Григорцевич С.В.* Рынок транспортных услуг и его дальнейшее развитие по мере интеграционных процессов в Республике Беларусь и мировой экономике // *Труды БГТУ. Экономика и управление*. 2015. № 7. С. 48–54.
23. *Kelly G., La Cava G.* International Trade Costs, Global Supply Chains and Value-Added Trade in Australia // *Research Discussion Paper*, 2014, no. 7. 52 p.
24. *Böhringer C., Löschel A.* Empirical Modeling of the Economy and the Environment. Physica-Verlag – Heidelberg, 2003. 325 p.
25. *Rutner S.M., Langley C.J.Jr.* Logistics value: definition, process and measurement // *The International Journal of Logistics Management*. 2000. Vol. 11. Iss. 2. P. 73–82.

26. Курбатова А.В., Овчинников П.Н. К вопросу об эффективности транспортно-промышленной кластеризации // Вестник ГУУ. 2016. № 6. С. 79–86.
27. Kilibarda M. J., Andrejić M. M., Popović V. J. Creating and measuring logistics value // 1st Logistics International Conference Belgrade (November 28–30, 2013). Serbia, 2013. P. 197–202.
28. Носов А.Л. Статистический анализ национальной логистики // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 3 (22). С. 60–63.

Статья поступила в редакцию 22.03.2018

Сведения об авторе

Николаев Роман Сергеевич – кандидат географических наук, доцент кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: rroommaa27@mail.ru).

Acknowledgements

The research was conducted by a Russian Science Foundation grant (project №17-78-10066 “Optimization of the transport and logistic system of Russia and the regions as an instrument of sustainable development”).

References

1. Kul'kov V.M. Zavershilsya li perekhodnyi period v ekonomike Rossii? [Is transition in the Russian economy complete?]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 4 (40), pp. 45–59. (In Russian). doi: 10.15838/esc/2015.4.40.3.
2. Grinberg R.S. Ekonomika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy. Obshchie itogi sistemnoi transformatsii [The economy of modern Russia: State, problems, prospects. General results of system transformation]. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization], 2015, no. 1, pp. 166–182. (In Russian).
3. Bobylev S.N. Ustoichivoe razvitie v interesakh budushchikh pokolenii: ekonomicheskie priorityety [Sustainable development for future generations: Economic priorities]. *Mir novoi ekonomiki* [The World of New Economy], 2017, no. 3, pp. 90–96. (In Russian).
4. Zaretskaya L.M. Issledovanie vozmozhnostei primeneniya «Zelenykh» tekhnologii pri upravlenii tsepyami postavok [The opportunities of implementing green technologies for supply chain management]. *Torgovo-ekonomicheskii zhurnal* [Russian Journal of Retail Management], 2015, no. 2, pp. 91–100. (In Russian). doi: 10.18334/tezh.2.2.570.
5. Seroka-Stolka O. The development of green logistics for implementation sustainable development strategy in companies. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, no. 151, pp. 302–309. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.10.028.
6. Mariotti I. *Transport and logistics in a globalizing world. A focus on Italy*. Springer, Heidelberg, New York, 2015. 100 p.
7. Candemir Y., Çelebi D. An inquiry into the analysis of the transport and logistics sectors' role in economic development. *Transportation Research Procedia*, 2017, no. 25, pp. 4696–4711. doi: 10.1016/j.trpro.2017.05.317.
8. Shepherd B. *Logistics costs and competitiveness: Measurement and trade policy applications*. World Bank, Washington, DC, 2011. 39 p.
9. Candemir Y., Çelebi D. Connotations over the importance of Logistics Chains Facing the Global Economy in Transition: Some Methodological Issues. *Second World Keynes Conference*. PAU Denizli, 2015. Available at: https://www.researchgate.net/publication/298402760_CONNOTATIONS_OVER_THE_IMPORTANCE_OF_LOGISTICS_CHAINS_FACING_THE_GLOBAL_ECONOMY_IN_TRANSITION_SOME_METHODODOLOGICAL_ISSUES (accessed 01.03.2018).

10. Banister D., Stead D. Reducing transport intensity. *European Journal of Transport and Infrastructure Research*, 2002, vol. 2, no. 3/4, pp. 161–178.
11. Rantasila K., Ojala L. National-level logistics costs: An overview of extant research. *International Journal of Logistics Research and Applications: A Leading Journal of Supply Chain Management*, 2015, vol. 18, iss. 4, pp. 313–324. doi: 10.1080/13675567.2015.1016413.
12. Baptist S., Hepburn C. Intermediate inputs and economic productivity. *Philosophical Transactions of the Royal Society A*, 2013, no. 371, pp. 1–21.
13. Nikolaev R.S. *Prostranstvenno-funktsional'naya struktura territorial'noi transportno-logisticheskoi sistemy Permskogo kraya: avtoref. dis... kand. geogr. nauk* [Spatial-functional structure of the territorial transport and logistic system of Perm region: The author's abstract. Cand. geogr. sci. author. diss.]. Perm, 2013. 24 p. (In Russian).
14. Luchnikov A.S., Nikolaev R.S. Osnovnye elementy i osobennosti territorial'noi organizatsii promyshlennogo kompleksa Permskogo kraya [Main components and features of the territorial organization of Perm region's industrial complex]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology], 2017, vol. 3 (69), no. 3–2, pp. 102–114. (In Russian).
15. Nikolaev R.S. Otsenka effektivnosti i vozmozhnostei optimizatsii transportno-logisticheskikh protsessov v territorial'nykh obshchestvennykh sistemakh [Estimation of efficiency and possibilities of transport-logistical processes optimization in territorial public systems]. *Geopoisik-2016: materialy I vserossiiskogo nauchnogo kongressa molodykh uchenykh-geografov* (g. Tver', TvGU, 3–10 okt. 2016 g.) [Proceedings of the All-Russian Scientific Congress of Young Scientists-Geographers: “Geopoisik-2016” (Tver, Tver State University, October, 3–10, 2016)], Tver, Tverskoi gosudarstvennyi universite Publ., 2016, pp. 512–534. (In Russian).
16. Luchnikov A.S., Nikolaev R.S. Directions for optimizing of the economic framework as an instrument for regional development. *R-Economy*, 2017, vol. 3, iss. 4, pp. 212–227.
17. Myasnikova L.A. Logistika additivnykh proizvodstv [Logistics of additive production]. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGUEU* [Bulletin of the Faculty of Management of Saint-Petersburg State University of Economics], 2017, no. 1–1, pp. 419–422. (In Russian).
18. Chebotaev A.A. Urovni trudo- i energoemkosti kak faktory innovatsionnoi i delovoi aktivnosti perevozok v ekonomike [Levels trade- and power consumption as factors innovative and business activity of transportations in economy]. *Innovatsionnyi transport*. [Innotrans Journal], 2017, no. 4(26), pp. 38–48. (In Russian). doi: 10.20291/2311-164X-2017-4-38-48.
19. Krasnoshchek A.A. O roli zheleznodorozhnogo transporta v obespechenii ekonomicheskoi bezopasnosti [On the Role of Railway Transport in Ensuring Economic Security]. *Problemy sovremennoi ekonomiki. Evraziiskii mezhdunarodnyi nauchno-analiticheskii zhurnal* [Problems of Modern Economics. Eurasian International Scientific-Analytical Edition], 2006, no. 1/2 (17/18). (In Russian) Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1012> (accessed 21.03.2018).
20. Garcia C., Levy S., Limão S., Kupfer F. Correlation between Transport Intensity and GDP in European Regions: A new Approach. *8th Swiss Transport Research Conference (October 15–17, 2008)*, Monte Verità Ascona, 2008. Available at: http://www.strc.ch/2008/2008_Garcia_Levy_Limao_Kupfer_TransportIntensity_GDP.pdf (accessed 21.03.2018).
21. Prinzyuk I.V. Strategicheskie aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya dostavki tovarov [Strategic aspects of state regulation of goods delivery]. *Vestnik NGU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin NSU. Series: Social and Economics Sciences], 2013, vol. 13, iss. 3, pp. 19–25. (In Russian).
22. Grigortsevich S.V. Rynok transportnykh uslug i ego dal'neishee razvitie po mere integratsionnykh protsessov v Respublike Belarus' i mirovoi ekonomike [Transport services market and its further development regarding integration processes in the world economy and the Republic of Belarus]. *Trudy BGTU. Ekonomika i upravlenie* [Proceedings of BSTU. Economics and Management], 2015, no. 7, pp. 48–54. (In Russian).
23. Kelly G., La Cava G. International trade costs, global supply chains and value-added trade in Australia. *Research Discussion Paper*, 2014, no. 7. 52 p.
24. Böhringer C., Löschel A. *Empirical modeling of the economy and the environment*. Physica-Verlag Heidelberg, 2003. 325 p.
25. Rutner S.M., Langley C.J.Jr. Logistics value: Definition, process and measurement. *The International Journal of Logistics Management*, 2000, vol. 11, iss. 2, pp. 73–82.

26. Kurbatova A.V., Ovchinnikov P.N. K voprosu ob effektivnosti transportno-promyshlennoi klasterizatsii [Efficiency of transportation and industrial clustering]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of University], 2016, no. 6, pp. 79–86. (In Russian).
27. Kilibarda M. J., Andrejić M. M., Popović V. J. Creating and measuring logistics value. *1st Logistics International Conference Belgrade* (November 28–30, 2013), Serbia, 2013, pp. 197–202.
28. Nosov A.L. Statisticheskii analiz natsional'noi logistiki [Statistical analysis of national logistics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Vitte. Series 1: Economics and management], 2017, no. 3 (22), pp. 60–63. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 22.03.2018

Information about the Author

Nikolaev Roman Sergeevich – Candidate of Geography Sciences, Associate Professor at the Department of the World and Regional Economy, Economic Theory, Associate Professor at the Department of Social and Economic Geography, Perm State University (15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia; e-mail: rroommaa27@mail.ru).

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Николаев Р.С. Транспортно-логистический комплекс страны в условиях структурной перестройки экономики: макроэкономические подходы к анализу эффективности // *Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика»* = Perm University Herald. Economy. 2018. Том 13. № 2. С. 228–250. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-228-250

Please cite this article in English as:

Nikolaev R.S. Transport and logistic complex of the country in the conditions of economic restructuring: Macroeconomic approaches to the analysis of efficiency. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika* = *Perm University Herald. Economy*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 228–250. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-228-250

doi 10.17072/1994-9960-2018-2-251-263

УДК 338.26

ББК 65/30-2

JEL Code L1

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСПЕШНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕКСТИЛЬНЫХ И ШВЕЙНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Ульяна Ивановна СеливановаORCID ID: [0000-0003-3399-6118](https://orcid.org/0000-0003-3399-6118), Researcher ID: [B-4100-2018](https://publons.com/urn:li:member:1111111)Электронный адрес: ouliana@mail.ruИвановский государственный университет
153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, 39

В современных условиях концепция стратегического планирования претерпела трансформацию, что вызывает множество дискуссий в научной литературе о роли стратегического планирования в деятельности предприятий. Стратегическое планирование ассоциируется с долгосрочностью. В связи с этим в условиях высокой нестабильности внешней среды поднимается вопрос о его необходимости и значимости. Соответственно целью исследования является определение целесообразности применения стратегического планирования и выработка практических рекомендаций для обеспечения успешного функционирования отечественных предприятий. Информационную базу анализа составили аналитические и экспертные данные о деятельности текстильных и швейных предприятий Ивановской области и материалы кейсов. Исследование предполагало последовательность следующих этапов: 1) установление взаимосвязи стратегического планирования и степени успешности предприятия на рынке; 2) сопоставление успешности предприятий и частоты реализации стратегических решений в ключевых областях (модернизация производства, расширение производства, инновации, продвижение и диверсификация продукции); 3) выявление возможности стратегического планирования в условиях нестабильности на основе учета предприятиями существенных и слабых (по И. Ансоффу) стратегических сигналов со стороны внешней среды. Результаты исследования демонстрируют целесообразность применения стратегического планирования текстильными и швейными предприятиями для обеспечения успешного функционирования. Сделан вывод о том, что для повышения эффективности стратегического планирования предприятиям необходимо сформировать систему систематического сбора и анализа информации о внешней среде. Кроме того, в целях более корректного стратегического планирования деятельности предприятия необходимо своевременно располагать данными о слабых сигналах со стороны внешней среды, а реализация разработанных и утвержденных стратегических планов должна осуществляться на регулярной основе. Для обеспечения успешного функционирования предприятия на рынке реализация стратегических решений должна производиться в каждой из выделенных (в соответствии с классификацией нововведений Й. Шумпетера) областей его деятельности. Перспективы дальнейших исследований автор связывает с выявлением степени взаимосвязи своевременной корректировки стратегических планов развития предприятия на основе системного сбора и перманентного анализа информации о стратегических сигналах внешней среды и успешности функционирования предприятия.

Ключевые слова: стратегическое планирование, стратегический анализ, успешность деятельности предприятия, нестабильность внешней среды, стратегические решения, стратегические сигналы, классификация нововведений Й. Шумпетера, текстильные и швейные предприятия.

ROLE OF STRATEGIC PLANNING IN THE EFFICIENT OPERATION OF TEXTILE AND GARMENT MANUFACTURERS

Ulyana I. Selivanova

ORCID ID: [0000-0003-3399-6118](https://orcid.org/0000-0003-3399-6118), Researcher ID: [B-4100-2018](https://orcid.org/B-4100-2018)

E-mail: ouliana@mail.ru

Ivanovo State University

39, Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russia

In modern conditions the concept of strategic planning has been significantly transformed that causes a lot of debate in the scientific literature about the role of strategic planning for enterprises. Strategic planning today is associated with a long-term period. In this regard due to high instability of the external environment the issue of its appropriateness becomes acute. The purpose of this study is to determine the appropriateness of strategic planning and to work out practical guidance for efficient operation of national companies. The research is based on analytical and expert data about the activity of textile and garment manufacturers of Ivanovo region as well as on the case data analysis. The following stages of the research have been suggested: 1) to reveal the correlation between strategic planning and the company success rate at the market; 2) to correlate the company efficiency to the frequency of strategic decision makings in the key aspects (modernization of manufacturing, production expansion, innovations, promotion and diversification of goods); 3) to reveal opportunities of strategic planning under the instability conditions on the basis of consideration by a manufacturer significant and weak (according to I. Ansoff) strategic signals from the external environment. The research results demonstrate the usefulness of strategic planning applied by textile and garment manufacturers to achieve efficient operation. The conclusion that to increase the efficiency of strategic planning companies should develop a system for collecting and analysis of information about the external environment has been made. Besides, it is significantly important to have data about weak signals from the external environment to make strategic planning of a manufacturer more efficient. Moreover, the implementation of developed and approved strategic plans should be conducted regularly. To provide efficient operation of a manufacturer at the market the strategic decisions should be made in each branch of its activity. These branches are distinguished according to the innovation classification by J. Schumpeter. Further studies will concern the identification of correlation rate between the timely correction of manufacturer development strategic plans and the efficiency of the manufacturer operation. These plans will be based on the systematic collection and permanent analysis of data about strategic signals of external environment.

Keywords: strategic planning, strategic analysis, efficiency of the manufacturer operation, instability of the external environment, strategic decisions, strategic signals, innovation classification by J. Schumpeter, textile and garment manufacturers.

Современное понимание сущности стратегического планирования и подходы к вопросу о его необходимости

Стратегическое планирование, как и стратегический менеджмент в целом, являясь относительно молодой наукой, успело вызвать множество дискуссий в научной литературе [1]. Некоторые авторы, например, Г. Минцберг [2; 3], В.С. Катькало [4, с. 24], считают его устаревшим. Они воспринимают его как «стратегическое программирование», предполагающее построение формализованных стратегических планов. Современные условия функционирования предприятий характеризуются высоким уровнем нестабильности и неопределенности среды [5; 6]. В таких условиях «стратегическое программирование» теря-

ет свою актуальность. Однако сегодняшнее понимание стратегического планирования больше не предполагает обязательную формализацию стратегического плана, на это, в частности, указывают А.А. Лищук и О.В. Обухов [7]. Вследствие нестабильности среды стратегическое планирование стало более гибким. При этом оно по-прежнему ассоциируется с постановкой долгосрочных целей и задач и нахождением путей их реализации [8]. В этом ключе мы будем понимать современную концепцию стратегического планирования.

Стратегическое планирование, как мы уже отметили, ассоциируется именно с долгосрочностью. При этом одним из наиболее существенных факторов функционирования любых предприятий становится нестабильность среды. Бесспорно, что

высокий уровень нестабильности может служить аргументом в пользу отказа от стратегического планирования. Трансформация концепции стратегического планирования [9], равно как и условий функционирования предприятий, ведет к необходимости подтвердить целесообразность применения данной концепции и конкретизировать рекомендации по ее практическому приложению, что и составляет цель настоящего исследования.

Достижение поставленной цели связано с поиском ответов на следующие вопросы: действительно ли стратегическое планирование сегодня способно обеспечить успешное функционирование предприятия; насколько часто среда предприятия подает сигналы к изменению стратегических планов; можно ли эти сигналы улавливать и на их основе своевременно корректировать стратегические планы?

Объектом исследования выступают текстильные и швейные предприятия Ивановской области, на производственной базе которых выпускается 70% хлопковой ткани от общего объема ее производства в РФ. Текстильные и швейные предприятия необходимы каждому государству и занимают особое место в обеспечении его экономической безопасности [10]. Однако стоит отметить, что многие предприятия региона находятся в депрессивном состоянии [11], стратегические процессы на многих из них развиты слабо (это подтверждают данные работ [12; 13]). Изучение потенциала влияния стратегического планирования на устойчивое, успешное функционирование данной группы промышленных предприятий имеет существенное значение с практической точки зрения.

Стратегическое планирование как фактор успешности предприятий: обзор смежных исследований

Обзор литературных источников свидетельствует о том, что стратегическому планированию уделяется недостаточно внимания. Есть исследования, подтверждающие, что планирование целесообразно. Есть исследования, которые показывают, насколько распространено планирование. Однако

мало исследований, которые показывали бы, насколько успех предприятия зависит от применения и характера применения стратегического планирования. Недостаточно также научно обоснованных и практически доказанных выводов, касающихся специфики использования инструментария стратегического планирования.

Большой интерес представляет исследование И. Ансоффа [14], в котором анализировалась успешность результатов стратегических действий фирм в зависимости от применения методов стратегического планирования. Результаты исследования И. Ансоффа указывают на то, что рост фирм положительно связан с применением методов стратегического планирования. Однако данное исследование было проведено достаточно давно. По этой причине методика и выводы автора не могут быть абсолютно применимы к анализу деятельности современных предприятий. Главным образом, существенно изменилась динамика внешней среды.

Из относительно новых исследований, посвященных вопросам планирования на предприятиях, можно назвать работу T. Sestanj-Peric, S.K Kukec [15], которые сопоставили, как проводится планирование на разных (в том числе промышленных) предприятиях, и сделали вывод о большем распространении процессов планирования на больших по масштабу предприятиях по сравнению с малыми. Однако авторы не исследовали, как планирование влияет на успешность предприятий. Отметим также, что существенная роль стратегического планирования в деятельности предприятий исследовалась и в других работах. Однако подтверждения высказанным тезисам носят характер логических умозаключений со слабой опорой на факты [16] или вовсе без них, либо даются ссылки на относительно давние исследования [17].

Таким образом, исследования интересующих нас вопросов в литературе встречаются крайне редко. Вместе с тем большинство авторов не сомневаются в пользе стратегического планирования для предприятий и считают, что оно необходимо. Соответственно, мы видим потребность

верифицировать аргументы в пользу стратегического планирования для повышения эффективности функционирования промышленных предприятий за счет использования их потенциала.

Исследование зависимости успешности предприятия от применения стратегического планирования

Обратимся к первому вопросу исследования: действительно ли стратегическое планирование ведет к успешному функционированию промышленных предприятий? Для ответа на данный вопрос, во-первых, воспользуемся результатами анкетирования исследуемых предприятий, которое опубликовано в работе [12]. Во-вторых, изучим эмпирические данные о реализации стратегических решений текстильными и швейными предприятиями Ивановской области.

Анкетирование проводилось в 2016–2017 гг. В нем приняли участие 41 % общего числа промышленных текстильных и швейных предприятий Ивановской области с численностью сотрудников более 100 человек. В данном исследовании сопоставлялся факт использования инструментов стратегического анализа (SWOT, сценарный анализ, модель М. Портера и др.) со степенью удовлетворенности монетарными и немонетарными результатами деятельности предприятия. По результатам анкетирования можно сделать следующие выводы. Среди предприятий, использующих хотя бы один метод стратегического анализа, нет неудовлетворенных или мало удовлетворенных своей деятельностью. Однако среди предприятий, которые не используют средства стратегического анализа, также нередко встречаются удовлетворенные своей деятельностью. Эти выводы позволяют говорить о том, что стратегическое планирование способно обеспечить успешное функционирование предприятий, однако отсутствие применения традиционных методов стратегического планирования не влечет противоположного эффекта. Результаты анкетирования свидетельствуют, что предприятия, не применяющие методы стратегического анализа, могут оказаться как удовлетворенными результатами своей дея-

тельности, так и неудовлетворенными. Здесь стоит подчеркнуть, что мы не можем однозначно сказать об отсутствии стратегического планирования на обследованных предприятиях, не применяющих средства стратегического анализа. Поскольку под стратегическим планированием принято понимать процесс построения стратегии предприятия на долгосрочную перспективу путем анализа, определения долгосрочных стратегических целей и задач, выбора стратегических альтернатив для их достижения, то, согласно нашей позиции, в настоящее время, оно не предполагает обязательного применения формализованных процедур либо стратегических инструментов и предоставления стратегического плана в виде документа.

С целью достижения большей обобщенности и для расширения фундамента исследования мы дополнили результаты и выводы анкетирования, обратившись к эмпирическим данным по реализации стратегических решений. Так, данные о стратегических решениях мы брали на сайтах предприятий, на которых была подробно изложена их история с указанием дат и конкретных событий. На основе собранной информации была составлена табл. 1, в которой представлено сопоставление стратегической активности и успешности текстильных и швейных предприятий Ивановской области посредством анализа частоты реализации стратегических решений и успешности предприятий. Сведения о годах успешной и неуспешной работы извлекались из истории предприятий, статей в средствах массовой информации, интервью руководителей и сотрудников данных предприятий. Периодичность реализации стратегических решений за годы успешной работы рассчитывалась путем деления количества лет успешной работы на количество реализованных в эти годы решений. Также стратегические решения разделены по областям деятельности (модернизация, расширение производства, инновации, продвижение, диверсификация продукции) на основе анализа содержания стратегических решений и общепринятого понимания характера данных процессов.

Сопоставление стратегической активности и успешности функционирования текстильных и швейных предприятий Ивановской области

Название предприятия; годы успешной и неуспешной работы	Годы реализации (или год начала реализации) стратегического решения по областям деятельности предприятия*					Периодичность реализации стратегических решений за годы успешной работы, лет
	Модернизация производства	Расширение производства	Инновации	Продвижение продукции	Диверсификация продукции	
АО «Кинешемская прядильно-ткацкая фабрика»; успешная работа: 2002–2016 гг.; неуспешная работа: 1992–2001 гг. [9; 10]	1999 (1), 2010 (3), 2015 (5)	2016 (6)	2005 (2)	2010 (4)	Решения не реализовывались	3
ОАО «Швейная фирма “Айвенго”»; успешная работа: 1992–2016 гг. [11]	2001 (3), 2002 (4), 2005 (5), 2007 (6), 2008 (8)	2007 (7)	Решения не реализовывались	1994 (1), 1998– 2001 (2), 2008 (9), 2009 (10), 2011 (11)	2009 (10), 2011 (11)	2,3
АО «Полет»; успешная работа: 1992–2016 гг. [12]	2010 (11)	Решения не реализовывались	1992 (1), 1994 (2), 1995 (3), 1996 (4), 2005 (5), 2006 (6), 2007– 2008 (7), 2009 (8), 2010 (10)	2005 (5), 2009 (9)	Решения не реализовывались	2,3
ГК «Нордтекс»; успешная работа: 1992–2016 гг. [13]	2002 (5), 2003 (6), 2004 (9), 2006 (12), 2007 (15), 2011 (19), 2013 (20), 2014 (21)	1992 (1), 2001 (4), 2003 (6), 2004 (8), 2006 (13), 2009 (17)	2011 (18), 2014 (21)	1996 (2), 1998 (3), 2004 (10), 2005 (11), 2006 (14), 2008 (16)	2004 (7), 2008 (16), 2009 (17), 2011 (18), 2015 (22)	1,1
ЗАО «Юнистайл холдинг»; успешная работа: 1999–2010 гг.; неуспешная работа: 2012–2015 гг. [14; 15]	Решения не реализовывались	2002– 2003 (1), 2008 (7)	Решения не реализовывались	2005 (3), 2007 (5), 2007– 2008 (6), 2009 (8), 2010 (9), 2010 (10)	2004 (2), 2006 (4), 2009 (8)	1,2

* В скобках указаны порядковые номера стратегических решений в хронологической последовательности их реализации.

Полученные результаты ведут к однозначному заключению: для успешной

деятельности необходимо регулярно реализовывать стратегические решения. Так,

например, из табл. 1 видно, что за годы неуспешной работы на АО «Кинешемская прядильно-ткацкая фабрика» было принято и реализовано всего одно стратегическое решение за 10 лет, а в компании «Юнистайл-холдинг» – ни одного. При этом на Кинешемской фабрике решение было реализовано по времени близко к успешным годам. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что успешным годам функционирования рассматриваемых предприятий сопутствует регулярная реализация новых стратегических решений (средняя периодичность реализации стратегических решений от 1,1 до 3 лет).

Таким образом, стратегическое планирование способно обеспечить успешное функционирование предприятий при наличии системы воплощения стратегических планов. Однако с точки зрения практического аспекта важно понимание того, что именно создает необходимость корректировать стратегические планы и принимать стратегические решения. Является ли стратегическое планирование, в первую очередь, следствием реакции на внешнюю среду либо для успешно функционирующих предприятий это в большей степени реализация внутренних целей? Понимание данного аспекта создаст предпосылки для повышения эффективности стратегического планирования и управления на предприятиях.

Исследование необходимости реакции на стратегические сигналы со стороны внешней среды предприятия посредством стратегического планирования

Еще один вопрос, который мы хотели бы затронуть в данной статье, касается частоты возникновения сигналов со стороны внешней среды к изменению стратегических планов.

Известно, что наиболее существенным фактором для выработки стратегии предприятий стала нестабильность внеш-

ней среды [18]. Многие ученые подчеркивают необходимость отслеживания ее изменений, изучения воздействия факторов на предприятие, обозначая ключевое значение данных мероприятий [19; 20]. Классикой построения стратегии является изучение факторов (или «сил»), воздействующих на предприятие [21].

Опираясь на мнение большинства ученых и принимая во внимание тот факт, что методология стратегического планирования начинается со стратегического анализа, необходимо уделять пристальное внимание среде предприятия. Чтобы определить, насколько часто среда подает сигналы к изменению стратегических планов, а также выявить возможности заблаговременной реакции на эти сигналы посредством стратегического планирования, мы проанализировали данные о таких сигналах, появившихся во внешней макросреде текстильных и швейных предприятий Ивановской области за десятилетний период, и составили табл. 2. Термины «сигналы» и «слабые сигналы» мы заимствуем из работы И. Ансоффа [14].

В табл. 2 представлены существенные сигналы внешней среды текстильных и швейных предприятий, время их действия или появления (проявления). Существенные сигналы отражают те события, которые изменили стратегическую ситуацию для рассматриваемых предприятий. Рекомендуемые пути реакции сформулированы, исходя из логики стратегического анализа. Также были предложены стратегические решения, которые применялись некоторыми предприятиями в ответ на названные сигналы. Столбец, в котором отражается наличие предшествующих слабых сигналов, демонстрирует, была ли «предшествующая» информация, и соответственно можно ли было спрогнозировать появление данных сигналов заблаговременно и подготовиться к ним, применяя инструменты стратегического планирования.

**Существенные сигналы внешней среды текстильных и швейных предприятий
за период 2008–2017 гг.***

Сигнал	Время	Рекомендуемые меры реакции**	Наличие предшествующих слабых сигналов
Конец кризиса	2008–2010 гг.	Новые маркетинговые инициативы, решения в области продвижения	Да
Период высоких цен на хлопок	конец 2010 г. – сер. 2011 г.	Перейти на другое сырье, предварительно сделать запасы хлопка (материалов на основе хлопка)	Да
Активное обсуждение властями страны введения в России школьной формы	2012–2013 гг.	Начать выпуск школьной формы, сосредоточиться на направлениях производства или поставки ткани и фурнитуры для школьной формы	Да
Изменения в системе государственных закупок	2013 г.	Обеспечить предприятие специалистами, готовыми работать в обновленной системе госзакупок; выбрать потенциально перспективные направления (заказы); поиск новых сегментов вне системы госзакупок	Да
Падение потребительского спроса	С 2014 г.	Сосредоточиться на более экономных направлениях производства, продумать ценовую политику (чтобы избежать резкого повышения цен и отторжения покупателей)	Нет
Введение экономических санкций	2014–2017 гг.	Поиск партнеров из стран, в отношении с которыми нет политического напряжения; диалог с партнерами и представительствами других стран; рассмотрение возможности импортозамещения	Да
Вступление России в ВТО	2012 г.	Рассмотрение экспортных возможностей, сосредоточение на нетарифных преимуществах (качество, инновации)	Да
Изменение тренда в курсах валют	2014–2015 гг.	Поиск альтернативных отечественных поставщиков, выход на сегмент «эконом», ценовая политика, сдерживающая резкое повышение цен	Нет
Субсидирование предприятий легкой промышленности государством на 0,5 млрд руб.	2017 г.	Участие в программе субсидирования, оценка возможности участия в программе конкурентами, поставщиками (потенциальными поставщиками, клиентами)	Да
Увеличение потребительского спроса на товары легкой промышленности	2017 г.	Мероприятия по изучению и удовлетворению спроса	Нет

* Таблица составлена на основе данных тематических средств массовой информации, новостей отраслей, интервью экспертов и представителей отраслей.

** Рекомендуемые меры реакции определены на основе экспертных оценок, дедуктивного и стратегического анализа.

Кроме перечисленных в табл. 2 сигналов на конец 2017 г. можно выделить также намечающиеся тенденции (по сути, слабые сигналы), которые впоследствии могут перерасти в сигналы. К примеру, согласно последним новостям в легкой про-

мышленности за 2017 г., Астраханская и Волгоградская области активно реализуют проект по выращиванию и переработке хлопка. Еще одна категория новостной информации, которая может предвещать стратегически значимые для многих ком-

паний изменения во внешней среде, – обсуждение проблем введения единого стандарта на школьную форму.

Из табл. 2 мы также можем сделать вывод о том, что существенные для предприятий текстильной и швейной отрасли события макросреды происходят не реже одного раза в год.

Из сопоставления данных табл. 1 и 2 видно, что не все существенные изменения среды ведут к принятию и реализации стратегических решений. Частота реализации стратегических решений и частота возникновения существенных сигналов среды не совпадают. Однако если рассматривать только сигналы, о которых предвещали слабые сигналы, то получится средняя периодичность возникновения существенных сигналов среды – год и три месяца (или 1,28 года). Такая периодичность уже совпадает с периодичностью реализации стратегических решений некоторыми успешными предприятиями или даже превышает их. По данным табл. 2, 70 % существенных сигналов среды за 10 лет происходили на фоне предшествовавших слабых сигналов.

Стоит отметить еще один значимый момент. В кругах практиков распространено мнение о том, что наличие существенных сигналов среды еще не доказывает необходимости реакции на них. Руководитель одного швейного предприятия аргументировал это тем, что, когда меняется макросреда, все предприятия оказываются в равных условиях. Мнение разумное и имеет под собой основания, но стоит отметить, что в равных условиях оказываются предприятия, которые не готовились к этим изменениям. Предприятия, которые отслеживают существенные изменения среды и применяют стратегическое планирование для подготовки к ее изменениям, оказываются в более выигрышном положении по сравнению с теми, которые этого не делают.

Кейсы и данные, полученные автором, подтверждают сделанное заключение. К примеру, в конце 2015 г. в средствах массовой информации широко освещалась новость о том, как одно промышленное

швейное предприятие столкнулось с недостатком материала из-за ухудшения отношений с Турцией. Швейная фабрика «Синар» заявила о срыве поставки крупной партии ткани для коллекции плащей¹. А руководитель одного из крупнейших устойчиво функционирующих текстильных предприятий Ивановской области говорил о том, что его предприятие было готово к повышению цен на хлопок в 2010 г., что помогло пережить данный неблагоприятный период.

Таким образом, существует взаимосвязь необходимости стратегического планирования в ответ на изменения внешней среды.

Применение стратегического планирования для обеспечения успешного функционирования предприятий в условиях нестабильной внешней среды

Отвечая на вопрос о том, действительно ли стратегическое планирование обеспечивает успешное функционирование предприятия, мы можем видеть несколько аргументов в пользу положительного ответа. Во-первых, отсутствие неуспешных предприятий среди тех, которые применяют методы стратегического анализа. Во-вторых, успешность предприятий, реализующих стратегические решения чаще других. В-третьих, наличие большого количества слабых сигналов в среде предприятия, обеспечивающих возможность относительно долгосрочного прогнозирования, и, соответственно, стратегического планирования. В совокупности данные аргументы дополняют друг друга и подтверждают взаимосвязь применения стратегического планирования и успешности предприятий.

Еще одним подтверждением целесообразности применения стратегического планирования можно назвать результаты выявления ключевых проблем развития легкой промышленности в России и способов их преодоления [13]. В частности,

¹ Партию турецкой ткани для плащей «Синара» не пустили в Россию. URL: <http://business.ngs.ru/article/2335433/> (дата обращения: 02.03.2018).

учеными ВШЭ и экспертами Лаборатории экономико-социологических исследований низкий уровень стратегического управления на российских предприятиях легкой промышленности в целом (и текстильной и швейной в частности). Уровень экономического благосостояния данных предприятий также ниже, чем в других отраслях, что может являться следствием недостатков в системе построения стратегии.

Вопрос о частоте возникновения сигналов со стороны среды предприятия, о возможности и целесообразности их «улавливания» и изменения на их основе стратегических планов был сформулирован для выработки рекомендаций. Бесспорно, ответ на него имеет практический интерес. На основе табл. 1 и 2 можно заключить, что успешные предприятия отслеживали слабые сигналы и имели возможность принимать и реализовывать стратегические решения на их основе. За счет этого предприятия и остались успешными, поскольку те предприятия, которые этого не делали, оказались в худших условиях, чем те, которые подготовились к действию существенных внешних сигналов. При этом доля сигналов к изменению стратегических планов, которым предшествовали слабые сигналы, довольно существенна. На основе этой доли и частоты возникновения сигналов мы можем рассчитать, что сигналы, на которые предприятию необходимо реагировать посредством стратегического планирования появляются в среднем раз в 1 год и 5 месяцев.

Помимо сформулированных выше выводов, результаты проведенного исследования позволяют сделать ряд важных дополнительных наблюдений. Из положения о том, что относительно часто реализующие стратегические решения предприятия являются более успешными, мы формулируем новую гипотезу. Она заключается в следующем: реализация стратегических решений способствует лучшему сбору и анализу информации о стратегических сигналах среды, что позволяет вовремя корректировать стратегические планы и ведет к успешности в деятельности предприятий. Данная гипотеза логична, важность информационного ресурса подчер-

кивается в литературе [22; 23], но гипотеза требует дополнительных исследований. Выявление роли сбора и анализа информации в процессе стратегического планирования посредством проверки гипотезы имеет важное практическое значение. Оно позволит получить рекомендации для предприятий о целесообразности выделения ресурсов на сбор и анализ информации и совершенствование информационной системы, что является также важной задачей [24].

Кроме того, в табл. 1 стратегические решения подразделяются и анализируются в зависимости от области их принятия, которые коррелируют с классификацией нововведений Й.А. Шумпетера [25], т. е. эти стратегические решения являются теми нововведениями, которые составляют основу экономического роста. Следовательно, для обеспечения успешности необходимо не только прибегать к инструментарию стратегического планирования, но и реализовывать стратегические планы. Реализация стратегических решений на текстильных и швейных предприятиях происходит в направлении нововведений по Й.А. Шумпетеру. Данные направления нововведений создают ориентиры для принятия стратегических решений, приводящих к успешному и устойчивому функционированию промышленных предприятий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Стратегическое планирование в совокупности с системой стратегического управления (воплощения стратегических планов) способно обеспечить успешное функционирование предприятий.
2. Периодичность разработки и доработки стратегических планов связана с существенными сигналами со стороны внешней среды, по которым были предшествующие слабые сигналы.
3. Решения в области стратегического планирования, которые ведут к успешности предприятий, лежат в опреде-

ленных областях, перекликающихся с направлениями нововведений, указанными Й. Шумпетером.

Основываясь на данных выводах, можно предложить ряд актуальных для текстильных и швейных предприятий Ивановской области рекомендаций:

1. Необходимо сформировать информационную систему, позволяющую своевременно получать информацию о слабых сигналах из среды предприятия.

2. Необходимо регулярно реализовывать стратегические решения, принимая во внимание информацию о существенных сигналах среды, осуществлять подготовку предприятия к действию стратегических изменений среды, о которых становится известно по слабым сигналам.

3. Стратегические решения должны приниматься по следующим направлениям деятельности предприятий: модернизация производства, расширение производства, инновации, продвижение продукции, диверсификации продукции.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что оно вносит вклад в дискуссию о целесообразности применения стратегического планирования промышленными предприятиями. Практическая ценность связана с возможностью выработки конкретных рекомендаций, применение которых позволит своевременно разрабатывать и корректировать стратегические планы, обеспечивающие успешное функционирование предприятий.

В ходе исследования обоснована взаимосвязь между нестабильностью внешней среды, характером этой нестабильности, периодичностью появления существенных факторов и необходимостью применения стратегического планирования на основе сопоставления успешности предприятий и данных об изменениях среды предприятий за ряд лет. Сформулирована гипотеза о появлении ценной для стратегического планирования информации в процессе реализации стратегических решений, которую необходимо проверить при проведении дальнейших исследований.

Список литературы

1. *Ansoff H.I.* Critique of Henry Mintzberg's 'The design school: Reconsidering the basic premises of strategic management' // *Strategic Management Journal*. 1991. Vol. 12. № 6. P. 449–461. doi: 10.1002/smj.4250120605.
2. *Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J.* Strategy safari a guided tour through the wilds of strategic management. New York: Free Press Publ., 1998. 404 p.
3. *Mintzberg H.* The Fall and rise of strategic planning // *Harvard Business Review*. 1994. Vol. 62, January-February. P. 107–114.
4. *Катъкало В.С.* Эволюция теории стратегического управления: автореф. дисс. д-ра. экон. наук: 08.00.05. СПб., 2007. 41 с.
5. *Иванова Д.Б.* Подходы к стратегическому планированию в условиях нестабильности внешней среды. Теория хаоса // *Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики*. 2013. № 1 (41). С. 84–90.
6. *Бабкин А.В., Байков Е.А.* Стратегическое планирование развития диверсифицированных компаний в условиях нестабильности: понятие, сущность, особенности // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2016. № 4 (246). С. 123–134. doi: 10.5862/ЖЕ.246.11.
7. *Лящук А.А., Обухов О.В.* Исследование стилей стратегического планирования российских предпринимательских структур // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2015. № 4 (94). С. 54–63.
8. *Лящук А.В., Тихонова М.В.* Философские аспекты стратегического планирования на предприятии // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2017. № 4 (106). С. 51–56.
9. *Магданов П.В.* Современный подход к стратегическому планированию // *ARS Administrandi*. 2011. № 1. С. 11–26.

10. Лалокина А.В., Бабашева О.Л. Текстильная промышленность РФ и ее перспективы // Инновационное развитие легкой и текстильной промышленности (ИНТЕКС-2016): сб. материалов Всеросс. науч. студ. конф. 5–7 апреля 2016 г. М.: ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет дизайна и технологии», 2016. С. 55–57.
11. Яковенко Н.В. Тенденции и перспективы развития текстильной промышленности депрессивного региона (Ивановская область) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2015. № 4. С. 121–129.
12. Еремин В.Н., Селиванова У.И. Исследование практик стратегического анализа текстильных и швейных предприятий Ивановской области // Вестник ИвГУ. Серия «Экономика». 2017. № 4. С. 6–13.
13. Ключевые проблемы развития легкой промышленности в России и способы их преодоления: аналит. отчет / отв. ред. сер. В.В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; Лаб. экон.-социол. исслед. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 343 с.
14. Ansoff H.I. Strategic management. UK, Palgrave Macmillan. 2007. 251 p.
15. Sestanji-Peric T., Kukec S.K. The role of controlling for the development of planning, information and reporting systems in SMEs // International Journal of Economic Sciences. 2013. Vol. II. № 1. P. 82–100.
16. Силкин А.В., Лупанов А.П. К вопросу о значимости стратегического планирования на предприятиях с сезонным характером производства // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2017. № 1. С. 192–202.
17. Arasa R., K'Obonyo P. The Relationship between strategic planning and firm performance // International Journal of Humanities and Social Science. 2012. Vol. 2. № 22 (Special Issue – November). P. 201–213.
18. Байков Е.А. Особенности стратегического планирования на предприятии в условиях нестабильной внешней среды // Инновационная модель экономики и развитие промышленности (ИНПРОМ-2013): труды науч.-практ. конф. с зарубежным участием / под ред. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 141–144.
19. Пыткин А.Н., Кондратьева К.В. Эффективная модель организационно-экономического механизма антикризисного управления промышленным предприятием // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2016. № 1 (28). С. 138–146. doi: 10.17072/1994-9960-2016-1-129-137.
20. Пыткин А.Н., Поносова Е.В. Эффективная модель антикризисного управления промышленным предприятием // Российское предпринимательство. 2013. № 6 (228). С. 114–121.
21. Porter M. Competitive strategy: Techniques for analyzing industries and competitors. 1 ed. New York: Free Press, 1998. 397 p.
22. Бобоев З.М. Информация как стратегический ресурс // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2013. № 2-7 (123). С. 142–145.
23. Пономарева С.В., Лескова И.В., Зеленов В.В. Информация как стратегический ресурс в системе управления бизнесом // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 3 (6). С. 101–104.
24. Mukherjee I. The Complexity paradigm: Implications for information systems and their strategic planning // Journal of Computer Science. 2008. Vol. 4. Iss. 5. P. 382–392. doi: 10.3844/jcssp.2008.382.392.
25. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

Статья поступила в редакцию 02.04.2018

Сведения об авторе

Селиванова Ульяна Ивановна – преподаватель кафедры менеджмента, Ивановский государственный университет (Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39; e-mail: ouliana_@mail.ru).

References

1. Ansoff H.I. Critique of Henry Mintzberg's 'The design school: Reconsidering the basic premises of strategic management'. *Strategic Management Journal*, 1991, vol. 12, no. 6, pp. 449–461. doi: 10.1002/smj.4250120605.
2. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. *Strategy safari a guided tour through the wilds of strategic management*. New York, Free Press Publ., 1998. 404 p.
3. Mintzberg H. The fall and rise of strategic planning. *Harvard Business Review*, 1994, vol. 62, January-February, pp. 107–114.
4. Kat'kalo V.S. *Evolyutsiya teorii strategicheskogo upravleniya*. Avtoref. diss. dokt. ekon. nauk [The evolution of theory of strategic management. Dr. econ. sci. author. diss.] Saint Petersburg, 2007. 41 p. (In Russian).
5. Ivanova D.B. Podkhody k strategicheskomu planirovaniyu v usloviyakh nestabil'nosti vneshnei sredy. Teoriya khaosa [Approaches to strategic planning in conditions of instability of external environment. Chaos theory]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki* [Scientific Notes of Saint-Petersburg University of Management and Economics], 2013, no. 1 (41), pp. 84–90. (In Russian).
6. Babkin A.V., Baikov E.A. Strategicheskoe planirovanie razvitiya diversifitsirovannykh kompanii v usloviyakh nestabil'nosti: ponyatie, sushchnost', osobennosti [Strategic planning development of diversified companies in conditions of instability: Concept, essence, features]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki* [Scientific-technical Bulletin of Saint-Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences], 2016, no. 4 (246), pp. 123–134. (In Russian). doi: 10.5862/JE.246.11.
7. Lishchuk A.A., Obukhov O.V. Issledovanie stilei strategicheskogo planirovaniya rossiiskikh predprinimatel'skikh struktur [A study of the styles of strategic planning of Russian business structures]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saint-Petersburg State University of Economics], 2015, no. 4 (94), pp. 54–63. (In Russian).
8. Lyashchuk A.V., Tikhonova M.V. Filosofskie aspekty strategicheskogo planirovaniya na predpriyatii [Philosophical aspects of strategic planning at an enterprise]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saint-Petersburg State University of Economics], 2017, no. 4 (106), pp. 51–56. (In Russian).
9. Magdanov P.V. Sovremenniy podkhod k strategicheskomu planirovaniyu [The modern approach to strategic planning]. *ARS Administrandi*, 2011, no. 1. pp. 11–26. (In Russian).
10. Lalokina A.V., Babasheva O.L. Tekstil'naya promyshlennost' RF i ee perspektivy [The textile industry of the Russian Federation and its prospects]. *Innovatsionnoe razvitie legkoi i tekstil'noi promyshlennosti (INTEKS-2016)*. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi studencheskoi konferentsii. 05–07 april' 2016 [Innovative development of light and textile industry (INTEX-2016). Proceedings of Russian scientific student conference, 05–07 April, 2016]. Moscow, Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Moskovskii gosudarstvennyi universitet dizaina i tekhnologii" Publ., 2016. pp. 55–57. (In Russian).
11. Yakovenko N.V. Tendentsii i perspektivy razvitiya tekstil'noi promyshlennosti depressivnogo regiona (Ivanovskaya oblast') [Trends and prospects of development of the textile industry depressed region (Ivanovo region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology], 2015, no 4, pp. 121–129. (In Russian).
12. Eremin V.N., Selivanova U.I. Issledovanie praktik strategicheskogo analiza tekstil'nykh i shveinykh predpriyatii Ivanovskoi oblasti [A study of the practices of strategic analysis of the textile and garment enterprises in Ivanovo region] *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya "Ekonomika"* [Ivanovo State University Bulletin. Series "Economics"], 2017, no. 4, pp. 6–13. (In Russian).
13. *Klyuchevye problemy razvitiya legkoi promyshlennosti v Rossii i sposoby ikh preodoleniya: analiticheskii otchet*. Otv. red. ser. V.V. Radaev; Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki"; Laboratoriya ekonomiko-sotsiologicheskikh issledovaniy [Key problems of development of light industry in Russia and ways to overcome them. Analytical report. Resp. ed. of the series V.V. Radaev; National research University "Higher School of Economics"; Laboratory of social and economic studies]. Moscow, Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2013. 343 p. (In Russian).
14. Ansoff H.I. *Strategic Management*. UK, Palgrave Macmillan. 2007. 251 p.
15. Sestanj-Peric T., Kukec S.K., The role of controlling for the development of planning, information and reporting systems in SMEs. *International Journal of Economic Sciences*, 2013, vol. II, no. 1, pp. 82–100.

16. Silkin A.V., Lupanov A.P. K voprosu o znachimosti strategicheskogo planirovaniya na predpriyatiyakh s sezonnym kharakterom proizvodstva [About problem of strategic planning significance at the enterprises with seasonal nature of production] *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle* [Izvestiya of the Tula State University. Sciences of Earth], 2017, no. 1, pp. 192–202. (In Russian).
17. Arasa R., K'Obonyo P. The Relationship between strategic planning and firm performance. *International Journal of Humanities and Social Science*, 2012, vol. 2, no. 22 (Special Issue – November 2012), pp. 201–213.
18. Baikov E.A. Osobennosti strategicheskogo planirovaniya na predpriyatii v usloviyakh nestabil'noi vneshnei sredy [Features of strategic planning in the enterprise in the conditions of unstable external environment]. *Innovatsionnaya model' ekonomiki i razvitie promyshlennosti (INPROM-2013)*. Trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii s zarubezhnym uchastiem Pod redaktsiei A.V. Babkina, 14–18 maya 2013 [Innovative model of economy and development of industry (INPROM-2013). Proceedings of Scientific-Practical Conference with Foreign Participation. Ed. by A.V. Babkin, 14–18 May, 2013]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi politekhnicheskii universitet Publ., 2013, pp. 141–144. (In Russian).
19. Pytkin A.N., Kondrat'eva K.V. Effektivnaya model' organizatsionno-ekonomicheskogo mekhanizma antikrizisnogo upravleniya promyshlennym predpriyatiem [An effective model of the crisis-proof management mechanism at industrial enterprise] *Vestnik Permskogo universiteta. Seria "Ekonomika"* [Perm University Herald. Economy], 2016, no 1 (28), pp. 138–146. doi: 10.17072/1994-9960-2016-1-129-137. (In Russian).
20. Pytkin A.N., Ponosova E.V. Effektivnaya model' antikrizisnogo upravleniya promyshlennym predpriyatiem [Effective model of the industrial enterprise crisis management] *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 2013, no. 6 (228), pp. 114–121. (In Russian).
21. Porter M. *Competitive strategy: Techniques for analyzing industries and competitors*. 1st edition, New York, Free Press Publ., 1998. 397 p.
22. Boboev Z.M. Informatsiya kak strategicheskii resurs [Information as strategic resource] *Vestnik Tadjikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya sotsial'no-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk* [Bulletin of the Tajik National University. Series of Economic and Social Sciences], 2013, no. 2–7 (123), pp. 142–145. (In Russian).
23. Ponomareva S.V., Leskova I.V., Zelenov V.V. Informatsiya kak strategicheskii resurs v sisteme upravleniya biznesom [Information as a strategic resource in the business management system]. *Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy* [Russian Science and Education Today: Problems and Prospects], 2015, no. 3 (6), pp. 101–104. (In Russian).
24. Mukherjee I. The complexity paradigm: Implications for information systems and their strategic planning. *Journal of Computer Science*, vol. 4, iss. 5, pp. 382–392. doi: 10.3844/jcssp.2008.382.392.
25. Shumpeter I. A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of economic development]. Moscow, Progress Publ., 1982. 455 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 02.04.2018

Information about the Author

Selivanova Ulyana Ivanovna – Lecturer, Department of Management, Ivanovo State University (39, Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russia; e-mail: ouliana_@mail.ru).

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Селиванова У.И. Роль стратегического планирования в обеспечении успешного функционирования текстильных и швейных предприятий // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2018. Том 13. № 2. С. 251–263. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-251-263

Please cite this article in English as:

Selivanova U.I. Role of strategic planning in the efficient operation of textile and garment manufacturers. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 251–263. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-251-263

doi 10.17072/1994-9960-2018-2-264-281

УДК 331.108

ББК 65.050.2

JEL Code M12

УСИЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО БРЕНДА РАБОТОДАТЕЛЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Виктор Михайлович ОщепковORCID ID: [0000-0001-9509-9522](https://orcid.org/0000-0001-9509-9522), Researcher ID: [J-7819-2017](https://orcid.org/J-7819-2017)Электронный адрес: viko@psu.ruПермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15**Тютык Ольга Владимировна**ORCID ID: [0000-0001-6763-7207](https://orcid.org/0000-0001-6763-7207), Researcher ID: [M-7301-2018](https://orcid.org/M-7301-2018)Электронный адрес: tyutyk@mail.ruПермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15**Мальцева Наталия Валерьевна**ORCID ID: [0000-0003-3929-1610](https://orcid.org/0000-0003-3929-1610), Researcher ID: [M-5492-2018](https://orcid.org/M-5492-2018)Электронный адрес: natalia29malceva@gmail.comПермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

На сегодняшний день корпорации – лидеры мировой экономики открыто декларируют важность принципа удовлетворенности персонала. Однако в России, несмотря на постепенное приведение заработной платы к среднерыночному уровню, инвестиции в улучшение условий труда, обеспечение развития персонала и его социальной защиты, предприятия сталкиваются с проблемой неудовлетворенности персонала и его низкой заинтересованности в результатах труда. Соответственно, нашей целью является исследование проблемы повышения производственной эффективности предприятия посредством разработки практических рекомендаций, направленных на усиление внутреннего бренда работодателя на основе инструментария оценки уровня удовлетворенности персонала трудом. На основе теоретического обзора существующих подходов к исследованию бренда работодателя разработана модель соотношения категорий «производственная эффективность», «внутренний бренд работодателя» и «удовлетворенность персонала», составляющая теоретический фундамент эмпирического авторского исследования. Предложенные методика оценки степени удовлетворенности персонала и модель внутреннего бренда работодателя апробированы на конкретном предприятии региона (пермский филиал ООО «Нестле Россия»). Инструментарий исследования составили методология сбора первичных данных (мозговой штурм, интервью, фокус-группы) и методология сбора вторичных данных (анализ внутренних и внешних документов филиала). Анализ данных осуществлен при помощи метода Дельфи, контент-анализа, эконометрического моделирования. Отличительной особенностью разработанной модели внутреннего бренда работодателя является учет дифференцированного воздействия на разные категории работников (белые и голубые воротнички), а также выделение трех зон оценки важности категорий удовлетворенности персонала (низкой; средней, высокой). На основе данной модели разработан комплексный план приоритетных действий для укрепления внутреннего бренда работодателя, включающий категории, которые требуют первостепенного управленческого вмешательства и дадут быстрый эффект в повышение удовлетворенности персонала. Перспективы исследования заключаются в дальнейшем развитии инструментария управления формированием внутреннего бренда работодателя на основе повышения удовлетворенности персонала во взаимосвязи с другими факторами, оказывающими влияние на производственную эффективность деятельности предприятия.

Ключевые слова: внутренний бренд работодателя, усиление бренда работодателя, удовлетворенность персонала, производственная эффективность, голубые и белые воротнички, модель внутреннего бренда, алгоритм управления, фокус-группы, метод Дельфи.

© Ощепков В.М., Тютык О.В., Мальцева Н.В., 2018

Данная статья распространяется на условиях лицензии
Creative Commons - Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

EMPLOYER'S INTERNAL BRANDING AS A FACTOR OF OPERATIONAL EFFICIENCY INCREASE: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND PRACTICE IN RUSSIA

Viktor M. Oshchepkov

ORCID ID: [0000-0001-9509-9522](https://orcid.org/0000-0001-9509-9522), Researcher ID: [J-7819-2017](https://orcid.org/J-7819-2017)

E-mail: viko@psu.ru

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

Olga V. Tiutyk

ORCID ID: [0000-0001-6763-7207](https://orcid.org/0000-0001-6763-7207), Researcher ID: [M-7301-2018](https://orcid.org/M-7301-2018)

E-mail: tyutyk@mail.ru

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

Nataliya V. Maltseva

ORCID ID: [0000-0003-3929-1610](https://orcid.org/0000-0003-3929-1610), Researcher ID: [M-5492-2018](https://orcid.org/M-5492-2018)

E-mail: natalia29malceva@gmail.com

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

Currently, corporations that are considered to be the world leaders in economy openly declare the importance of an employee satisfaction factor. However, in Russia despite the gradual bringing of wages in correspondence to the average market level, investment in labour condition improvement, personnel development and social protection some companies face with personnel dissatisfaction and that the staff is not interested in the results of work. Correspondingly, the purpose of the article is to study the problems of operational efficiency increase using developed guidelines aimed at the strengthening of an employer's internal brand based on an employee satisfaction factor. A model that correlates the categories of "operational efficiency", "an internal brand of an employer", and "employee satisfaction" has been developed based on the current approaches to the study of an employer's brand. The model is a theoretical foundation of the original empirical research. The suggested method to assess an employee satisfaction rate and the model of an employer's internal brand has been tested at a particular enterprise of the region (Perm branch of "Nestle Russia" LLC). In the research the methods of primary data collection (brain storm, interview and focus groups) and of secondary data collection (analysis of internal and external documents of the branch) have been used. The data analysis is based on the Delphi method, a content analysis and econometric modelling. The developed model of an employer's internal brand is characterised by a differentiated effect on different categories of employees (white and blue collars) and by the differentiation of three zones of assessment of the importance of an employee satisfaction factor (low, average and high). A complex plan of priority actions to enhance an employer's internal brand has been developed. The plan includes categories that require primary management decisions and will significantly and quickly increase personnel efficiency. Further studies will be devoted to the subsequent development of management tools for the formation of an employer's internal brand on the basis of the employee satisfaction factor enhance in correlation to other factors that influence an enterprise operational efficiency.

Keywords: internal brand, employer's brand strengthening, employee satisfaction factor, operational efficiency, blue and white collar workers, a model of an internal brand, management algorithm, focus group, the Delphi method.

Введение

Мировая тенденция демонстрирует важность человеческих ресурсов в организации. Из-за глобализации и развития мировой экономики международные корпорации ввели европейские стандарты управления человеческими ресурсами. Значительное

число компаний проводят исследования в области управления персоналом. При этом наиболее распространенными и актуальными являются исследования, касающиеся удовлетворенности сотрудников, повышение которой может обеспечить рост производственной эффективности предприятия. В настоящем исследовании рассматривается возможность управления удовлетворенно-

стью персонала на основе укрепления бренда работодателя с целью дальнейшего повышения производственной эффективности. Целью статьи является идентификация возможностей повышения производственной эффективности предприятия посредством увеличения удовлетворенности персонала на основе анализа факторов, определяющих внутренний бренд работодателя, и разработка рекомендаций, направленных на усиление внутреннего бренда работодателя. Для реализации данного исследования авторами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Фактором, оказывающим влияние на уровень производственной эффективности предприятия, является степень удовлетворенности персонала.

2. Степень удовлетворенности персонала является одним из основных компонентов категории «внутренний бренд работодателя». Повышение уровня удовлетворенности персонала обеспечивается усилением внутреннего бренда работодателя. Верно и обратное: повышение удовлетворенности персонала ведет к усилению внутреннего бренда работодателя.

3. Для определения эффективных рычагов воздействия на степень удовлетворенности сотрудников следует применять дифференцированный подход к управлению персоналом, разрабатывать рекомендации для голубых и белых воротничков в отдельности;

4. Повышение удовлетворенности персонала и усиление внутреннего бренда работодателя ведут к повышению производственной эффективности деятельности предприятия.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании соотношения понятий «внутренний бренд работодателя», «удовлетворенность персонала» и «производственная эффективность». Практической значимостью работы является разработка алгоритма управления внутренним брендом работодателя и создание инструментария управления брендом и удовлетворенностью персонала.

Для обоснования соотношения понятий «внутренний бренд работодателя» и

«удовлетворенность персонала» рассмотрим категориальный аппарат исследования.

Удовлетворенность персонала как фактор усиления внутреннего бренда работодателя: обзор литературных источников

Работы в области изучения бренда работодателя можно разделить на исследования концептуальных особенностей бренда работодателя и аналитические исследования, которые дают общее определение бренду и в дальнейшем анализируют факторы, формирующие внутренний бренд работодателя. По нашему мнению, концептуальными являются исследования Y. Chunping и L. Xi, S. Barow и R. Mosley, в которых объяснены основные особенности бренда как объекта экономического исследования.

Согласно T. Ambler, M. Barrow и R. Mosley, для определения сущности бренда работодателя используется следующая трактовка: «пакет функциональных, экономических и психологических преимуществ, обеспечиваемых трудоустройством, и идентифицируемый с компанией-работодателем» [1, с. 187; 2, с. 57–58]. Бренд работодателя – это вид обязательства работодателя перед сотрудниками и репутация компании в представлении сотрудников [3, с. 2088]. Бренд работодателя демонстрирует систему ценностей компании, политику привлечения, мотивации и сохранения текущих и потенциальных сотрудников организации [4, с. 128–129]. Это своего рода обещание работодателем определенного уровня культуры работы, благоприятной для окружающей среды, дающей сотрудникам возможности развивать уникальный опыт. Важно отметить, что внутренний бренд работодателя формируется среди сотрудников, которые уже трудоустроены в организации [3, с. 2088]. Таким образом, справедливо утверждать, что внутренний бренд работодателя – это сформированное восприятие сотрудниками организации как работодателя.

Сильный внутренний бренд работодателя – это ситуация, когда сотрудники оценивают компанию как наиболее предпочтительного работодателя среди других.

Сильный бренд работодателя формирует преимущества для организации – такие, как повышение эффективности работы [2, с. 57–58], улучшение коммуникации в компании, улучшение организационной деятельности и повышение эффективности принятия решений [5, с. 941–942], снижение затрат на привлечение и удержание сотрудников. Кроме того, посредством управления формированием бренда можно значительно сократить конфликты, повысить степень лояльности, улучшить взаимоотношения сотрудников, снизить напряженность работы и продлить срок работы сотрудников в конкретной организации [3, с. 2088]. Формирование внутреннего бренда происходит независимо от того, существует или отсутствует работа по его созданию. В ситуации, когда руководство не принимает действий по формированию положительного образа бренда работодателя, образ может сформироваться хаотично, имея как положительное, так и отрицательное влияние [6, с. 493]. Следовательно, для формирования сильного внутреннего бренда работодателя с положительным влиянием на коллектив необходимо изучать факторы, которые влияют на внутренний бренд работодателя.

Исследования данных факторов описаны в работах аналитического характера. К таким работам в первую очередь следует отнести исследования С. King и D. Grace; Z. Guo, H. Cao и Y. Li; P. Priyadarshi; V. Rampl, в которых в дополнение к основным понятиям о внутреннем бренде работодателя представлен анализ факторов, его формирующих. В исследованиях указанных авторов основным способом определения факторов внутреннего бренда работодателя является метод выдвижения гипотез и проверки гипотез на значимость. При этом оценка того или иного фактора бренда работодателя основывается на анкетировании персонала [5, с. 948–950; 7, с. 513; 8, с. 1495–1496].

Если говорить более подробно, то С. King и D. Grace в исследовании о построении и измерении внутреннего бренда работодателя изучают влияние на бренд тринадцати различных факторов. Основ-

ным достоинством данной работы является определение тех решающих факторов, которые оказывают влияние на бренд. В свою очередь, одна из гипотез данной работы рассматривает удовлетворенность персонала как фактор влияния и усиления внутреннего бренда. В ходе исследования данная гипотеза была подтверждена. Отметим, что ограниченность исследования С. King и D. Grace заключается в том, что под удовлетворенностью персонала понимается узкий спектр категорий, который оценивает только удовлетворенность работой в целом, в то время как остальные двенадцать факторов, анализируемых в статье, согласно другим исследованиям об удовлетворенности персонала, также могут быть рассмотрены как категории удовлетворенности [5, с. 948–954].

В работе Z. Guo, H. Cao и Y. Li об оценке конкурентоспособности бренда выделено два фактора, которые формируют внутренний бренд работодателя, – удовлетворенность персонала и социальное признание. Однако стоит подчеркнуть, что согласно представлениям других ученых, занимающихся проработкой теоретической базы исследования удовлетворенности персонала, социальное признание является составляющей категории «удовлетворенность персонала».

V. Rampl анализирует влияние определенных факторов на внутренний бренд работодателя. В качестве таких факторов выступают заработная плата, продвижение по карьере, место расположения компании, репутация, трудоемкость и культура труда. Данный перечень факторов является ограниченным, а также очень близок к категориям, которые формируют удовлетворенность персонала.

Таким образом, бесспорным преимуществом вышепредставленных исследований является анализ влияния различных факторов на формирование внутреннего бренда работодателя. Однако в данных работах не представлен инструмент формирования бренда и управления им и не рассматривается влияние на бренд различных категорий персонала (например,

синих и белых воротничков) при проведении факторного анализа.

Анализ работ также свидетельствует о том, что внутренний бренд работодателя – это комплексное понятие, которое может включать в себя множество составляющих. Однако, как показало проведенное исследование литературы, основной категорией, формирующей бренд, является удовлетворенность персонала. Следовательно, усиление внутреннего бренда работодателя включает в себя работу по повышению степени удовлетворенности сотрудников [9, с. 1–2].

Удовлетворенность персонала находилась в фокусе исследований многих авторов, интересующихся вопросами формирования внутреннего бренда работодателя. В частности, наиболее полно в научной зарубежной литературе проработана сущностная характеристика удовлетворенности персонала.

Так, например, ряд ученых определяют удовлетворенность сотрудников как эмоциональное удовлетворение от работы. Это означает, что сотрудники получают удовольствие от работы или имеют положительное эмоциональное впечатление от проделанной работы или оценки ее результатов [10, с. 1297–1300]. В свою очередь, А. Rad и М. Yarmohammadian определили, что удовлетворение сотрудников работой – это не только их отношение к работе, но и отношение к организации, в которой они работают [11, с. 12–14].

Согласно Р. Jain и V. Dahima, существует множество факторов, влияющих на удовлетворенность персонала своей работой [12, с. 39–41]. Приведем примеры таких факторов, как удовлетворенность:

- условиями труда и охраной здоровья, как от основного блага, которое организация должна предоставлять персоналу;
- системой оценки выполненной работы, оплаты труда и продвижения по карьерной лестнице;
- компенсациями и льготами, которые предоставляет организация;
- социальным пакетом;

– обучением и развитием на рабочем месте.

Исследование, проведенное Р. Jain и V. Dahima, также описывает зависимость удовлетворенности работой от стиля руководства, мотивации сотрудников, их самооценки и действий в организации по удержанию сотрудников [12, с. 39–41]. По нашему мнению, основным достоинством их исследования является определение конкретных факторов или категорий, которые влияют на удовлетворенность. Также они выяснили, какими категориями не удовлетворены сотрудники конкретной организации. Однако ученым не удалось определить коренные причины неудовлетворенности персонала той или иной категорией факторов.

В эмпирической работе М. Ellickson определяет, что удовлетворенность персонала формируется под влиянием двух факторов – демографического, который отражает персональные характеристики сотрудника и рабочего коллектива, и фактора внешнего окружения [13, с. 344–346]. Эти два фактора делятся на 14 категорий, или независимых переменных, которые влияют на удовлетворенность сотрудников. Демографический фактор включает в себя такие категории, как пол, возраст и уровень занимаемой должности. Фактор внешнего окружения включает в себя следующие категории: оплата труда, наличие карьерного роста и возможности для карьерного роста, ресурсы для работы, безопасная рабочая среда, обеспечение достаточным рабочим пространством, подходы к оценке производительности, дополнительные льготы, взаимоотношения с руководителем, разделение организации на отделы или департаменты, равномерное распределение рабочей нагрузки. Анализ влияния выбранных в исследовании категорий на удовлетворенность был основан на выдвижении гипотез и построении регрессионной модели. Согласно полученным М. Ellickson результатам, такие категории, как пол и возраст, не имеют сильного влияния на удовлетворенность персонала, в то время как остальные категории, в том числе категории фактора

внешнего окружения, имеют сильное влияние на данный показатель [13, с. 344–347].

Аналогичное исследование, проведенное L. Prayogo, B. Pranoto и H. Purba, демонстрирует, что уровень удовлетворенности сотрудников зависит от 15 факторов: системное вознаграждение, коммуникации организации, цели организации, организационная структура, продвижение по карьере, организационная эффективность, внимание работодателя к сотрудникам, сотрудничество, самоотдача, взаимоотношения, организационный климат или рабочая среда, возможность участвовать в принятии решений, сотрудничество с межведомственными рабочими группами, обучение и развитие, менеджмент качества [14, с. 234].

J. Godard выделил следующие факторы, которые влияют на удовлетворенность персонала: политика в области здравоохранения и окружающей среды, вознаграждение и признание, планирование человеческих ресурсов, набор и отбор персонала, планирование карьеры, введение в должность, обучение и развитие, оценка эффективности, политика продвижения, переводов и выхода из организации, дополнительные льготы, деятельность по социальному обеспечению в соответствии с требованиями законодательства, деятельность по обеспечению благосостояния сверх установленных законом требований, безопасность [12, с. 39–40].

В заключение литературного обзора отметим, что существуют различные сочетания факторов и категорий, которые объясняют характер удовлетворенности сотрудников, но основная идея заключается в том, что удовлетворенность зависит от некоторых независимых переменных, факторов или категорий [4, с. 18], которые могут измениться в зависимости от ситуации в компании, изменений в системе управления или производственных и технологических процессах. В проанализированных нами работах методом исследования удовлетворенности персонала является анке-

тирование. Данный метод позволяет оценить, какими категориями сотрудники удовлетворены в большей степени, а какими в меньшей или не удовлетворены. Однако анкетирование не предоставляет возможности определить, что является коренной причиной низкой удовлетворенности персонала.

Подчеркнем также, что в основе формирования внутреннего бренда работодателя лежит анализ удовлетворенности персонала, следовательно, оценка удовлетворенности персонала – это совокупность тех или иных факторов/категорий, которые формируют внутренний бренд работодателя. В свою очередь, внутренний бренд работодателя – это также система взаимодействия различных категорий. Удовлетворенность персонала может как выступать в качестве персонализированного показателя для конкретного сотрудника, так и характеризовать удовлетворенность компании в целом как некое среднее значение. Именно поэтому важной особенностью внутреннего бренда работодателя является, то что категории удовлетворенности рассматриваются с точки зрения системного подхода. Следовательно, в системе анализируемых факторов могут быть выделены категории, которые в наибольшей, средней и наименьшей степени будут влиять на удовлетворенность персонала. Деление категорий по степени воздействия позволит обеспечить управляемость внутренним брендом работодателя, укрепить бренд, повысить удовлетворенность персонала, а в дальнейшем способствовать повышению производственной эффективности предприятия [12, с. 39; 14, с. 234].

Основываясь на результатах анализа литературы, мы разработали модель соотношения категорий «производственная эффективность», «внутренний бренд работодателя» и «удовлетворенность персонала», составляющую теоретический фундамент последующего эмпирического исследования (рис. 1).

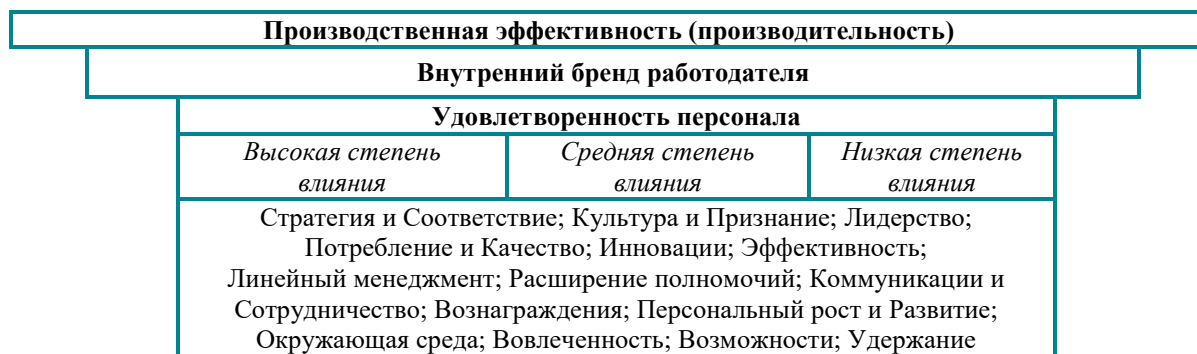

Рис. 1. Соотношение категорий, выступающих теоретическим базисом исследования*

* Степень влияния фактора на удовлетворенность персонала определяется моделью бренда индивидуально для каждого предприятия. Перечень категорий, формирующих удовлетворенность персонала, определен на основе корпоративного опроса, проведенного в филиале ООО «Нестле Россия» в г. Перми.

Согласно рис. 1 повышение производственной эффективности детерминировано усилением внутреннего бренда работодателя на основе оценки категорий удовлетворенности персонала трудом и разработки мероприятий, направленных на ее увеличение.

Далее дано описание методики оценки степени удовлетворенности персонала и приведены результаты ее применения.

Методика оценки степени удовлетворенности персонала и результаты ее апробации (на примере филиала ООО «Нестле Россия» в г. Перми)

Для реализации эмпирического исследования и создания плана действий по укреплению бренда работодателя необходимо определить, как воздействовать на факторы удовлетворенности персонала для усиления внутреннего бренда работодателя. Согласно изученному опыту наиболее распространенным способом оценки факторов и категорий бренда работодателя является проведение опросов среди сотрудников. Поэтому мы использовали метод фокус-групп для выявления причин снижения удовлетворенности персонала работой. Выборка должна составить не менее 15% численности персонала компании.

Для проведения фокус-групп предлагается разделить сотрудников на более мелкие целевые группы в соответствии с принадлежностью к конкретному подразделению организации и к категории голубых или белых воротничков. Данный способ деления необходим для обеспечения

обоснованности исследования в связи с тем, что голубые и белые воротнички каждого отдела имеют различные обязанности, потребности и понимание деятельности организации и компании в целом, что влияет на уровень удовлетворенности. Напомним также, что основным принципом проведения фокус-групп является обезличенность ответов участников.

Для исследования степени удовлетворенности персонала в рамках фокус-группы необходимо разработать список вопросов. Для отбора вопросов в исследовании использован метод Дельфи, который позволяет определить наиболее проблемные категории удовлетворенности персонала. Данный метод предполагает анализ отчетов по итогам проведения корпоративного обследования удовлетворенности персонала, в котором каждая из категорий, характеризующих удовлетворенность, имеет определенное количество суждений, с оценкой [15]. Вопросы для фокус-групп отбирались нами по каждой из категорий в том случае, если суждение имело низкую оценку или снижение оценки по сравнению с прошлым периодом было выше заданного значения.

После формирования списка вопросов необходимо организовать и провести сами фокус-группы и задокументировать ответы сотрудников.

На основе задокументированных ответов осуществляется анализ проблем, которые отмечают сотрудники, и составляется таблица распределения проблем по категориям удовлетворенности для голу-

бых и белых воротничков с указанием частоты возникновения проблем и присвоением рангов каждой из категорий. Данная таблица становится основой для построения модели внутреннего бренда работодателя в авторской методике.

Предлагаемая нами модель внутреннего бренда работодателя содержит две оси. Ось X – ранги категорий для голубых воротничков от 1 до N, ось Y – ранги категорий для белых воротничков от 1 до N, где N – это количество категорий, используемых для оценки удовлетворенности персонала.

Построенная модель внутреннего бренда работодателя включает три зоны оценки важности категорий удовлетворенности персонала: первая – зона низкой важности, вторая – средней важности, третья – высокой важности.

Точки, расположенные в первой зоне, оказывают наименьшее влияние на удовлетворенность работника, наибольшее влияние оказывают точки в третьей зоне. Данная модель показывает, какие категории требуют первичного вмешательства руководства с целью повышения удовлетворенности голубых и белых воротничков отдельно и персонала организации в целом.

Представленная методика анализа удовлетворенности персонала направлена на укрепление внутреннего бренда работодателя и повышение удовлетворенности с целью дальнейшего повышения производственной эффективности на основе разработки конкретных практических рекомендаций и стратегического плана действий.

Апробация представленной методики была осуществлена на базе филиала ООО «Нестле Россия» в г. Перми.

Филиал ООО «Нестле Россия» в г. Перми является структурным производственным подразделением транснациональной корпорации «Нестле». Филиал осуществляет выпуск около 30 наименований кондитерских изделий, в том числе производство шоколадных батончиков «KitKat» – ведущего глобального кондитерского торгового знака компании, а так-

же шоколадные и вафельные конфеты, карамель и жевательный мармелад для России и стран СНГ. Численность персонала на 1 января 2018 г. составила около 700 человек.

Филиал имеет в своем составе 6 подразделений: производственная, техническая службы, службы логистики, персонала, финансов и обеспечения качества.

Для целей настоящего исследования к категории белых воротничков были отнесены специалисты финансовой службы, службы персонала, логистики, обеспечения качества, технической службы и супервайзеры производственной службы. К категории голубых воротничков – операторы технической, производственной служб и службы логистики. В состав трех подразделений филиала входят категории работников как белых, так и голубых воротничков, в состав других трех подразделений входят только сотрудники категории белых воротничков.

Основным источником вторичных данных является корпоративное обследование компании «Нестле», которое при помощи анкетирования оценивало 15 категорий удовлетворенности, каждая из которых также была представлена в анкете несколькими вопросами. По итогам данного анкетирования руководство филиала г. Перми получило отчет, который наглядно демонстрировал оценки и области снижения оценок удовлетворенности по сравнению с прошлым периодом каждой из категорий персонала и вопросов по категориям. Первичные данные собраны по итогам проведения фокус-групп с сотрудниками компании – голубыми и белыми воротничками. По результатам фазы сбора данных была проведена 21 фокус-группа (9 фокус-групп для белых воротничков и 12 для голубых воротничков), в которых было задействовано 130 сотрудников компании (18% от общей численности персонала).

Схема проведения фокус-групп по подразделениям представлена на рис. 2.

Рис. 2. Схема проведения фокус-групп в филиале ООО «Нестле Россия» в г. Перми

Во время фокус-групп интервьюер оценивал как качественную часть ответов, так и эмоциональную. Эмоциональная оценка ответов показала, что значительная

часть сотрудников, которые приняли участие в фокус-группах, была открыта для диалога и заинтересована в обсуждении проблем (рис. 3).

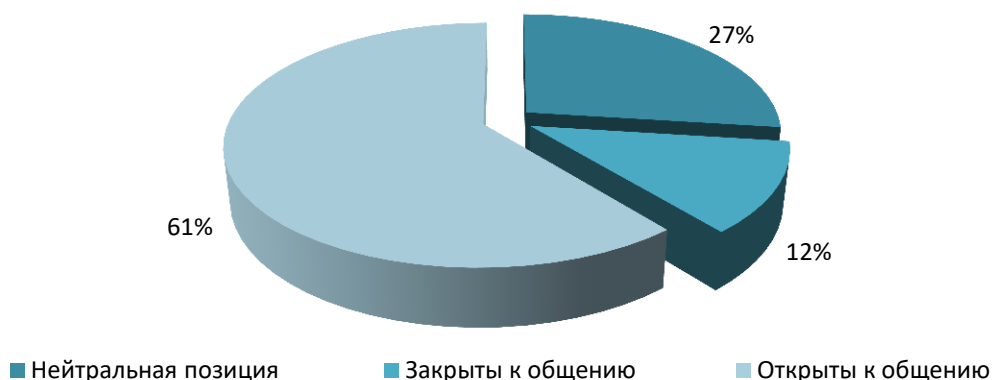

Рис. 3. Эмоциональная оценка фокус-групп

Для анализа качественных данных, которые были представлены в виде отчетов о фокус-группах, в нашем исследовании использовался контент-анализ. По результатам его проведения были составлены таблицы распределения проблем по ка-

тегориям корпоративного опроса для каждого подразделения отдельно для голубых и белых воротничков с указанием частоты возникновения проблем по категориям (табл. 1).

Таблица 1

Частота возникновения проблем по категориям

Категория удовлетворенности персонала	Частота возникновения проблем	
	Для голубых воротничков	Для белых воротничков
Окружающая среда	34	26
Вознаграждение	30	4
Персональный рост и Развитие	25	9
Лидерство	19	10

Окончание табл. 1

Категория удовлетворенности персонала	Частота возникновения проблем	
	Для голубых воротничков	Для белых воротничков
Коммуникации и Сотрудничество	18	10
Культура и Признание	6	2
Расширение полномочий	3	5
Потребление и Качество	1	0
Инновации	1	3
Удержание	1	3
Вовлеченность	0	1
Линейный менеджмент	0	1
Стратегия и Соответствие	0	1
Эффективность	0	2
Возможности	0	4

Данные табл. 1 демонстрируют наличие различных проблем у голубых и белых воротничков, например, в категориях Вознаграждение, Персональный рост и Развитие, Коммуникации и Сотрудничество, Лидерство.

Детальный анализ проблем, актуальных для белых и голубых воротничков, позволил выявить основные различия в характеристике анализируемых групп сотрудников, которые представлены в табл. 2.

Таблица 2

Различия между голубыми и белыми воротничками в оценке категорий удовлетворенности персонала

Критерии сравнения	Белые воротнички	Голубые воротнички
Удовлетворенность вознаграждением	Удовлетворены вознаграждением	Недовольны своим вознаграждением (нагрузка не соответствует вознаграждению)
Понимание системы премирования	Понимают процесс начисления премии	Не понимают процесса начисления премии
Способность поддерживать баланс между работой и личной жизнью	Тяжело поддерживают баланс между работой и личной жизнью	Могут поддерживать баланс между работой и личной жизнью
Возможности карьерного роста и профессионального развития	Считают, что в компании есть действенные методы продвижения по службе	Не имеют возможностей для продвижения по службе
Доступность профессионального обучения и повышения квалификации	Имеют множество возможностей для тренингов и обучения, но не имеют времени для них	Испытывают нехватку тренингов

Результаты опроса фокус-групп легли в основу разработки модели внутреннего бренда работодателя для филиала ООО «Нестле Россия» в г. Перми.

Категории удовлетворенности персонала были проранжированы по частоте

проблем: более высокий ранг показывает самую большую частоту возникновения проблем в конкретной категории.

Результаты ранжирования для белых воротничков приведены в табл. 3, для голубых воротничков – в табл. 4.

Таблица 3

**Частота и ранг оценки проблемы по категориям удовлетворенности персонала
для белых воротничков**

Категория удовлетворенности персонала	Частота проблемы	Ранг
Рабочая атмосфера	26	15
Коммуникация и Сотрудничество	10	14
Высшее руководство	10	13
Индивидуальное развитие	9	12
Расширение полномочий	5	11
Вознаграждение	4	9
Реализация возможностей	4	9
Инновационность	3	7
Удержание персонала	3	7
Культура и Признание	2	5
Эффективность	2	5
Вовлеченность	1	2
Линейное руководство	1	2
Стратегия и Согласованность	1	2
Клиентоориентированность и качество	0	1

Таблица 4

**Частота и ранг оценки проблемы по категориям удовлетворенности персонала
для голубых воротничков**

Категория удовлетворенности персонала	Частота проблемы	Ранг
Рабочая атмосфера	34	15
Вознаграждение	30	14
Индивидуальное развитие	25	13
Высшее руководство	19	12
Коммуникация и Сотрудничество	18	11
Культура и Признание	6	10
Расширение полномочий	3	9
Инновационность	1	6
Клиентоориентированность и качество	1	6
Удержание персонала	1	6
Вовлеченность	0	1
Линейное руководство	0	1
Реализация возможностей	0	1
Стратегия и Согласованность	0	1
Эффективность	0	1

На основе ранжирования частоты проблемы по категориям удовлетворенности персонала была построена модель внутреннего бренда работодателя для филиала ООО «Нестле Россия» в г. Перми, которая представлена на рис. 4.

Согласно предложенному ранее подходу зонирования в модели внутреннего бренда работодателя в первой зоне расположены категории низкой важности для персонала, во второй – средней важности и в третьей – высокой важности. Таким образом, работа над такими категориями удовлетворенности персонала, как Эффек-

тивность, Расширение полномочий, Реализация возможностей, Коммуникация и Сотрудничество, позволит оказать наибольшее влияние на уровень удовлетворенности белых воротничков. Работа над категориями Клиентоориентированность и качество, Вознаграждение, Культура и Признание будет означать, что уровень удовлетворенности голубых воротничков будет расти быстрее, чем белых. Следовательно, для быстрого повышения уровня удовлетворенности одновременно голубых и белых воротничков в данной организации необходимо внедрить меры по улуч-

шению категорий, которые расположены в области высокой значимости, – Рабочая атмосфера, Высшее руководство, Индивидуальное развитие, Коммуникация и Сотрудничество, Вознаграждение и Расширение полномочий.

Несмотря на то что в зону наибольшего влияния вошли одинаковые катего-

рии для голубых и белых воротничков, коренные причины, которые формируют восприятие внутреннего бренда работодателя, различны. Это показывают результаты фокус-групп и табл. 2. Таким образом, проблемы белых и голубых воротничков требуют разных управленческих решений.

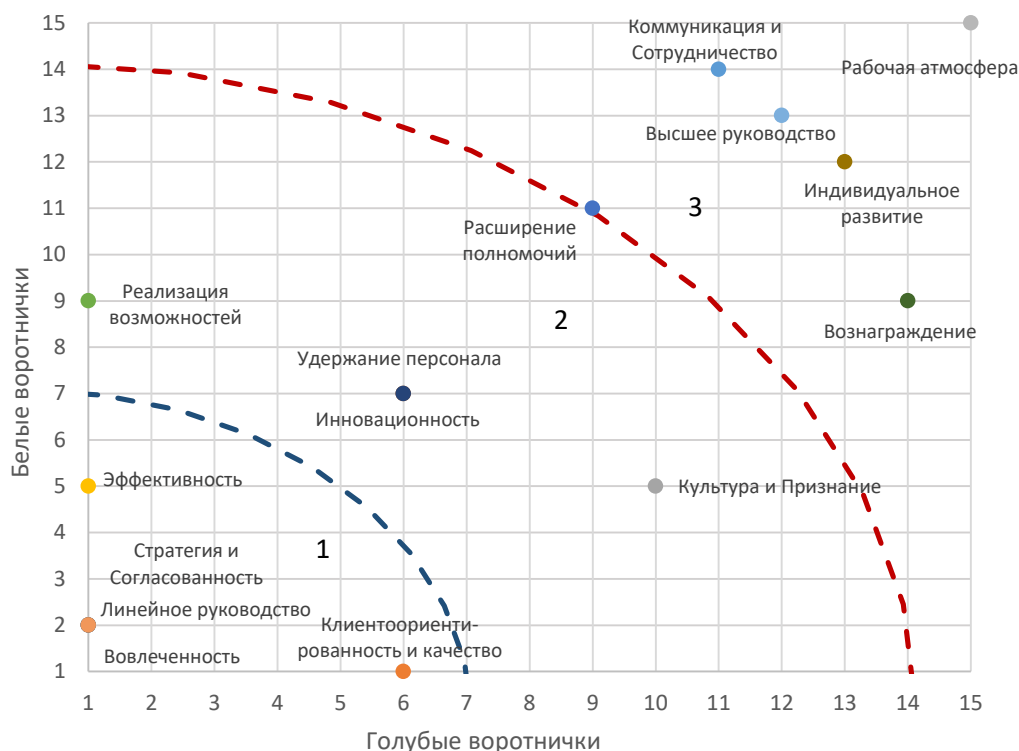

Рис. 3. Модель внутреннего бренда работодателя для филиала ООО «Нестле Россия» в г. Перми

С учетом обозначенных особенностей в уровне удовлетворенности различных категорий работников в следующем разделе будет представлен алгоритм управления внутренним брендом работодателя.

Алгоритм действий по управлению внутренним брендом работодателя

Исследование, представленное в данной статье, формирует инструмент управления удовлетворенностью сотрудников путем укрепления внутреннего бренда работодателя, который основан на проведении фокус-групп с сотрудниками и может быть представлен в качестве следующего алгоритма.

На первом этапе необходимо определить, какие категории формируют внутренний бренд работодателя.

На втором этапе происходит подготовка опросника и проведение анонимного анкетирования со всеми сотрудниками организации, которое будет количественно оценивать каждую из категорий удовлетворенности персонала. Для каждой категории рекомендуется составить по 3–7 вопросов. Данное анкетирование возможно проводить с использованием онлайн-сервисов¹.

¹ Have you gone PRO? // Socrative [Электронный ресурс]. URL: <https://socrative.com/> (дата обращения: 22.01.2018); Learning Games. Make Learning Awesome. Kahoot [Электронный ресурс]. URL: <http://kahoot.com/> (дата обращения: 22.01.2018).

На третьем этапе следует проанализировать результаты анкетирования, выявить, какие из категорий и для каких отделов организации являются наиболее проблемными.

На четвертом этапе на основе результатов анкетирования следует провести фокус-группы с сотрудниками каждого подразделения организации. Фокус-группы должны охватывать 10–15% сотрудников и проводиться отдельно с голубыми и белыми воротничками. Вопросами для фокус-групп являются вопросы анкетирования, которые получили наименьшие оценки. Все ответы фокус-групп документируются.

На пятом этапе происходит анализ ответов фокус-групп при помощи контент-анализа, составление таблицы распределения проблем для голубых и белых воротничков с указанием частоты возникновения проблем, с присвоением рангов каждой из категорий удовлетворенности персонала.

На шестом этапе происходит построение модели внутреннего бренда работодателя с выделением трех зон. Для категорий, которые попадут в зону наивысшей

важности, необходимо разработать план действий по решению проблем, выявленных в ходе фокус-групп, отдельно для голубых и белых воротничков.

Данное исследование рекомендуется проводить раз в два года, но не раньше, чем произошло внедрение разработанных планов действий.

Реализация представленного выше алгоритма действий по управлению внутренним брендом работодателя позволяет выявить проблемные области по категориям удовлетворенности персонала, а также распределить их по степени важности. Таким образом, решение проблем категорий, которые расположены в зоне высокой важности модели внутреннего бренда работодателя, позволят быстрее повысить удовлетворенность персонала по сравнению с другими зонами. Это обусловлено тем, что в первой зоне расположены категории, которые по итогам фокус-групп наиболее сильно беспокоят сотрудников организации в целом. Совокупный план действий по наиболее важным и часто встречающимся проблемам отдельно для белых и голубых воротничков представлен в табл. 5 и 6 соответственно.

Таблица 5

**Комплексный план действий по повышению удовлетворенности
для белых воротничков**

Категория	Комплексная проблема	Решения
Окружающая среда	Выполнение работы вне рабочего времени и отсутствие баланса между работой и личной жизнью. Отсутствие кондиционеров и своевременного включения отопления	Внедрить методы оптимизации работы. Контролировать своевременное включение отопления. Запланировать средства на покупку кондиционеров
Лидерство	Длительный период принятия решений и внедрения изменений	Упростить процедуру принятия решений и внедрения изменений
Коммуникации и Сотрудничество	Информационный перегруз сотрудников, вызванный избытком информации. Несвоевременное предоставление информации. Отсутствие эффективного обмена информацией	Внедрить систему ERP и систему электронного документооборота для быстрого обмена информацией
Персональный рост и Развитие	Недостаток времени для посещения тренингов	Оптимизировать деятельности сотрудников и запланировать время на обучение и тренинги
Расширение полномочий	Распределение работы уволившегося сотрудника на рабочий коллектив, в связи с длительным поиском замены	Обеспечить своевременный отбор и набор новых сотрудников
Вознаграждение	Эффективность работы не всегда коррелирует с вознаграждением	Оценить соответствие обязанностей и вознаграждения

**Комплексный план действий по повышению удовлетворенности
для голубых воротничков**

Категория	Комплексная проблема	Решения
Окружающая среда	Отсутствие стабильной работы кондиционеров и системы вентиляции в производственной зоне. Неудобный график смен, не позволяющий сотрудникам полностью восстановить трудовой потенциал. Дискомфортная спецодежда (комбинезоны технической службы)	Разработать и внедрить план проверки и ремонта кондиционеров и вентиляционных систем в производственной зоне. Разработать новый график смен с учетом пожеланий сотрудников и требований законодательства. Найти нового поставщика спецодежды
Вознаграждение	КРІ для получения бонуса завышены. Структура расчета и начисления бонуса сложна и непонятна. Бонус только коллективный, он не содержит индивидуальных измерений	Пересмотреть систему КРІ. Проинформировать сотрудников о системе начисления бонусов филиала: условия оплаты, периодичность, бонусные индикаторы, размер. Ввести индивидуальную и коллективную систему поощрения
Персональный рост и Развитие	Отсутствие возможностей для карьерного роста и обучения	Разработать систему ротации и продвижения по службе. Разработать и реализовать план обучения
Лидерство	Длительный период принятия решений и внедрения изменений	Упростить процедуру принятия решений и внедрения изменений
Коммуникации и Сотрудничество	Информационный перегруз сотрудников, вызванный избытком информации Несвоевременное предоставление информации Отсутствие эффективного обмена информацией	Внедрить систему ERP и систему электронного документооборота для быстрого обмена информацией
Расширение полномочий	Мнения сотрудников не учитываются в процессе принятия управленческих решений	Линейные менеджеры должны обсуждать преимущества и недостатки мнений сотрудников и объяснять, почему это мнение учтено в работе или нет

В табл. 5 и 6 представлены приоритетные действия для укрепления внутреннего бренда работодателя и повышения уровня удовлетворенности персонала. Безусловно, некоторые из решений требуют финансовых вливаний, но большинство решений носят организационный и управленческий характер. Таким образом, данное исследование позволило выявить проблемы управленческого характера, решение которых позволит повысить удовлетворенность персонала компании. После внедрения предложенных решений для проблем категорий, расположенных в первой зоне, руководству следует обратиться к категориям удовлетворенности персонала, которые расположены во второй и третьей зонах модели бренда.

Корпоративный опрос в целом определяет область возникновения про-

блем, в то время как фокус-группы позволяют понять реальные причины снижения показателей оценочных баллов категорий и уровня удовлетворенности голубых и белых воротничков. Модель внутреннего бренда позволяет определить, какие категории требуют улучшений для повышения удовлетворенности голубых и белых воротничков в организации.

Далее определим влияние укрепления внутреннего бренда работодателя и повышения удовлетворенности трудом на производственную эффективность деятельности предприятия¹, которая будет измерена при помощи показателя «производственная эффективность активов»

¹ Производственная эффективность рассчитывается по методологии транснациональной корпорации «Нестле».

(Asset intensity). Для измерения уровня удовлетворенности персонала авторами статьи введен индекс удовлетворенности (SI¹). Показатель рассчитывается как среднее значение между 15 оценками категорий удовлетворенности персонала (s_i) корпоративного опроса (см. формулу). Данный показатель, по мнению авторов, является количественной оценкой внутреннего бренда работодателя и индикатором оценки эффективности разработанного плана действий. Аналогичный, но не идентичный индекс используется в работах В. Prayogo, А. Pranoto, Н. Purba и А. Трубина [14, с. 42–43; 16, с. 1832]. Отличительной особенностью индекса, представленного в данных работах, является то, что он оценивает отдельные категории удовлетворенности персонала, а не их совокупность.

$$SI = \frac{\sum_{i=1}^{15} s_i}{15},$$

где SI – индекс удовлетворенности, s_i – оценка i -й категории от 1 до 15.

Влияние данного показателя на производственную эффективность было определено при помощи регрессионного анализа. Регрессионная модель основана на гипотезе о том, что повышение удовлетворенности сотрудников (SI) приведет к увеличению производственной эффективности (AI²).

В соответствии с методологией эконометрического моделирования была создана модель регрессии для проверки взаимосвязи и влияния этих показателей. В основе модели лежат две переменные: независимой переменной является индекс удовлетворенности, зависимой переменной является производственная эффективность. Информация о значениях данных переменных представлена в табл. 7. Временные периоды, отраженные в таблице, выбраны исходя из периодичности корпоративного опроса, который впервые был проведен в филиале ООО «Нестле Россия» в г. Перми в 2010 г.

Таблица 7

Значение переменных для построения регрессионной модели

Показатель	Обозначение	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.
Индекс удовлетворенности	x	74,1	74,9	75,5	74,3
Производственная эффективность	y	0,57	0,63	0,72	0,65

Построенное в ходе регрессионного моделирования уравнение имеет вид $y=0,0843x-5,6585$.

Показатели качества модели приведены в табл. 8.

Таблица 8

Показатели качества регрессионной модели

Показатель	Значение	Характеристика
Ковариация (cov)	0,03	Между переменными существует связь
Коэффициент корреляции	0,84	Между удовлетворенностью персонала и производственной эффективностью существует сильная линейная зависимость
Коэффициент детерминации	0,65	Изменение производственной эффективности на 65% описывается изменением удовлетворенности персонала
Коэффициент А	0,084	Изменение удовлетворенности персонала на 1 п.п. ведет к росту производственной эффективности на 0,084 п.п.

Регрессионная модель демонстрирует, что существует сильная линейная зависимость между переменными. Также модель достаточно надежна, поскольку коэффициент корреляции равен 0,84, а коэффициент детерминации 0,65. Таким об-

разом, результаты корреляционного и регрессионного анализа позволяют предположить, что повышение удовлетворенности персонала ведет к повышению производственной эффективности. Заметим, что

¹ SI – Satisfaction index, индекс удовлетворенности.

² AI – Asset intensity, производственная эффективность активов.

данная модель позволяет делать только предположения, так как для полного подтверждения гипотезы требуется большее количество данных.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие положения, представляющие научную новизну:

1. Определено соотношение категорий «производственная эффективность» – «внутренний бренд работодателя» – «удовлетворенность персонала».

2. Разработана модель внутреннего бренда работодателя, которая позволяет определить степень важности каждой из категорий удовлетворенности для голубых и белых воротничков. Работа над данными категориями в зоне высокой значимости приведет к росту удовлетворенности персонала.

3. Доказана необходимость дифференцированного подхода к персоналу организации, путем разделения сотрудников на голубые и белые воротнички.

4. Определена прямая зависимость между удовлетворенностью персонала и производственной эффективностью на основе построения регрессионной модели.

Практическая значимость исследования заключается в том, что модель внутреннего бренда работодателя носит универсальный характер и может применяться на предприятиях любой сферы как инструмент повышения степени удовлетворенности персонала. Оценку удовлетворенности необходимо проводить систематично, способами, которые доступны в организации, в том числе применяя онлайн сервисы.

Ключевым моментом является то, что работа над повышением уровня удовлетворенности и усилением внутреннего бренда работодателя ведет к повышению производственной эффективности, что прямым образом влияет на конкурентоспособность организации.

Считаем, что данное исследование имеет потенциал, который в дальнейшем можно развить, включив в регрессионную модель большее количество данных для повышения степени охвата случаев. Это позволит более точно прогнозировать динамику изменения производственной эффективности на основе роста уровня удовлетворенности персонала.

Список литературы

1. *Ambler T., Barrow S.* The employer brand // *Journal of Brand Management*. 1996. Vol. 4. Iss. 3. P. 185–206.
2. *Barrow S., Mosley R.* The employer brand: Bringing the best of brand management to people at work. Chichester, W. Sussex: John Wiley & Sons, Ltd., 2006. 232 p.
3. *Chunping Y., Xi L.* The Study on employer brand strategy in private enterprises from the perspective of human resource management // *Energy Procedia*. 2011. № 5. P. 2087–2091. doi: 10.1016/j.egypro.2011.03.360.
4. *Мирошниченко А. А.* Нг-бренд-оптимальный инструмент в конкурентной борьбе на рынке труда авиатранспортной отрасли России // *Научный вестник МГТУ ГА*. 2011. № 167. С. 126–130.
5. *King C., Grace D.* Building and measuring employee-based brand equity // *European Journal of Marketing*. 2010, Vol. 44. Iss. 7. P. 938–971.
6. *Miles S.J., Mangold W.G., Asree S., Revell J.* Assessing the employee brand: A Census of One Company // *Journal of managerial issues*. 2011. Vol. 23. Iss. 4. P. 491–507.
7. *Priyadarshi P.* Employer brand image as predictor of employee satisfaction, affective commitment and turnover // *Indian Journal of Industrial Relations*. 2011. Vol. 46. № 3. P. 510–522.
8. *Rampl L.V.* How to become an employer of choice: transforming employer brand associations into employer first-choice brands // *Journal of Marketing Management*. 2014. Vol. 30. Iss. 13-14. P. 1486–1504.
9. *Guo Z., Cao H., Li Y.* Research on the evaluation of employer brand competitiveness based on fuzzy AHP method // *International Conference on E-Product E-Service and E-Entertainment*. 2010.

10. Locke E. The nature and cause of job satisfaction // Handbook of industrial and organisational psychology. 1976. № 1. P. 1297–1343.
11. Rad A.M.M., Yarmohammadian M.H. A study of relationship between managers' leadership style and employees' job satisfaction // Leadership in Health Services. 2006. Vol. 19. Iss. 2-3. P. 11–28.
12. Jain P., Dahima V. Job satisfaction of employees working in power industry—a study of Guru Gobind Singh Super Thermal Plant in India // The Journal of Management Awareness. 2015. Vol. 18. Iss. 2. P. 38–51.
13. Ellickson M.C., Logsdon K. Determinants of job satisfaction of municipal government employees // Public Personnel Management. 2002. Vol. 3. Iss. 31. P. 343–358.
14. Prayogo L., Pranoto B.A.S., Purba H.H. Employee satisfaction analysis with human resource index // Management Science Letters. 2017. P. 233–240. doi: 10.5267/j.msl.2017.2.003.
15. Lancaster G. Research methods in management: a concise introduction to research in management and business consultancy. Elsevier/Butterworth Heinemann, 2005. 271 p.
16. Трубин А.И. Удовлетворенность трудом как экономическая категория в современной теории и практике // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: XX Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана, 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 1829–1839.

Статья поступила в редакцию 30.03.2018

Сведения об авторах

Ощепков Виктор Михайлович – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, заместитель декана экономического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: viko@psu.ru).

Тютык Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: tyutyk@mail.ru).

Мальцева Наталия Валерьевна – магистрант кафедры менеджмента направления «Менеджмент», Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: natalia29malceva@gmail.com).

References

1. Ambler T., Barrow S. The employer brand. *Journal of Brand Management*, 1996, vol. 4, iss. 3, pp. 185–206.
2. Barrow S., Mosley R. *The employer brand: bringing the best of brand management to people at work*. Chichester, W. Sussex, John Wiley & Sons, Ltd., 2006. 232 p.
3. Chunping Y., Xi L. The study on employer brand strategy in private enterprises from the perspective of human resource management. *Energy Procedia*, 2011, no. 5, pp. 2087–2091. doi: 10.1016/j.egypro.2011.03.360.
4. Miroshnichenko A.A. Hr-brend-optimal'nyi instrument v konkurentnoi bor'be na rynke truda aviatsionnoi otrasli Rossii [HR brand – optimal instrument in the competition of on labour market of civil aviation]. *Nauchnyi vestnik MGTU GA [Civil Aviation High Technologies]*, 2011, no. 167, pp. 126–130. (In Russian).
5. King C., Grace D. Building and measuring employee-based brand equity. *European Journal of Marketing*, 2010, vol. 44, iss. 7, pp. 938–971.
6. Miles S.J., Mangold W.G., Asree S., Revell J. Assessing the employee brand: A census of one company. *Journal of Managerial Issues*, 2011, vol. 23, iss. 4, pp. 491–507.
7. Priyadarshi P. Employer brand image as predictor of employee satisfaction, affective commitment and turnover. *Indian Journal of Industrial Relations*, 2011, vol. 46, no. 3, pp. 510–522.
8. Rampl L.V. How to become an employer of choice: transforming employer brand associations into employer first-choice brands. *Journal of Marketing Management*, 2014, vol. 30, iss. 13-14, pp. 1486–1504.

9. Guo Z., Cao H., Li Y. Research on the evaluation of employer brand competitiveness based on fuzzy AHP method. *2010 International Conference on E-Product, E-Service and E-Entertainment*. 2010.
10. Locke E. The nature and cause of job satisfaction. *Handbook of industrial and organisational psychology*, 1976, no. 1, pp. 1297–1343.
11. Rad A.M.M., Yarmohammadian M.H. A study of relationship between managers' leadership style and employees' job satisfaction. *Leadership in Health Services*, 2006, vol. 19, iss. 2-3, pp. 11–28.
12. Jain P., Dahima V. Job satisfaction of employees working in power industry – a study of Guru Gobind Singh Super Thermal Plant in India. *The Journal of Management Awareness*, 2015, vol. 18, iss. 2, pp. 38–51.
13. Ellickson M.C., Logsdon K. Determinants of job satisfaction of municipal government employees. *Public Personnel Management*, 2002, vol. 3, iss. 31, pp. 343–358.
14. Prayogo L., Pranoto B.A.S., Purba H.H. Employee satisfaction analysis with human resource index. *Management Science Letters*, 2017, vol. 7, iss. 5, pp. 233–240. doi: 10.5267/j.msl.2017.2.003.
15. Lancaster G. *Research methods in management: A concise introduction to research in management and business consultancy*. Elsevier, Butterworth Heinemann, 2005. 271 p.
16. Trubin A.I. Udovletvorennost' trudom kak ekonomicheskaya kategoriya v sovremennoi teorii i praktike [Job satisfaction as an economic category in modern theory and practice]. *XX Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati professora L.N. Kogana "Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya"*, 16–18 marta 2017 g., Ekaterinburg [Proceedings of the XX international conference in memory of professor L.N. Kogan "Culture, personality, society in modern world: Methodology, experience of empirical research", March 16–18, 2017, Ekaterinburg]. Ekaterinburg, UrFU Publ., 2017, pp. 1829–1839. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 30.03.2018

Information about the Authors

Oshchepkov Viktor Mikhailovich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management, the Deputy Dean of the Faculty of Economics, Perm State University (15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia; e-mail: viko@psu.ru).

Tiutyk Olga Vladimirovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management, Perm State University (15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia; e-mail: tiutyk@mail.ru).

Maltseva Nataliya Valer'evna – Master Student at the Department of Management, Perm State University (15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia; e-mail: natalia29malceva@gmail.com).

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ощепков В.М., Тютык О.В., Мальцева Н.В. Усиление внутреннего бренда работодателя как фактор повышения производственной эффективности: международный опыт и российская практика // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2018. Том 13. № 2. С. 264–281. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-264-281

Please cite this article in English as:

Oshchepkov V.M., Tiutyk O.V., Maltseva N.V. Employer's internal branding as a factor of operational efficiency increase: International experience and practice in Russia. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 264–281. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-264-281

РАЗДЕЛ V. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БУХГАЛТЕРСКОГО
УЧЕТА, АУДИТА, ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И СТАТИСТИКИ

doi 10.17072/1994-9960-2018-2-282-302

УДК 336.226

ББК 65.261.4

JEL Code H25

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ
НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ В ГРУППЕ КОМПАНИЙ****Михаил Анатольевич Городилов**ORCID ID: [0000-0002-4609-4888](https://orcid.org/0000-0002-4609-4888), Researcher ID: [N-9977-2016](https://orcid.org/N-9977-2016)Электронный адрес: gorodilov59@yandex.ruПермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15**Татьяна Викторовна Коняева**ORCID ID: [0000-0002-4103-1669](https://orcid.org/0000-0002-4103-1669), Researcher ID: [V-5294-2017](https://orcid.org/V-5294-2017)Электронный адрес: konyaeva.tv159@gmail.comПермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Неподдельный интерес к данному вопросу обусловлен прежде всего широкими возможностями оптимизации расходов и диверсификации инвестиционного портфеля за счет формирования финансово-промышленных групп. В силу высокой популярности различных форм объединения бизнеса вопросы оценки эффективности деятельности группы компаний, и в частности вопросы оценки налоговой нагрузки в рамках группы становятся особенно актуальными. Вместе с тем в современной научной литературе недостаточно внимания уделяется принципиальным особенностям оценки налоговой нагрузки группы компаний. Соответствующий подход не был предложен и на законодательном уровне. На основе сравнительного анализа существующих методических подходов расчета налоговой нагрузки хозяйствующих субъектов авторами предложена собственная методика оценки налоговой нагрузки в группе компаний, учитывающая ряд принципиальных особенностей – различия в учетной политике компаний, функционирование в разных налоговых юрисдикциях, применение разных режимов налогообложения. Авторская методика включает три этапа. Первый этап предполагает расчет интегрального показателя налоговой (или общей фискальной) нагрузки. На втором этапе рассчитывается система частных показателей налоговой нагрузки и проводится факторный анализ влияния структуры налоговых платежей в группе, налоговых льгот, налоговых юрисдикций и иных факторов на рассматриваемые частные показатели. На третьем этапе при необходимости оценки эффективности функционирования в рамках группы компаний данные показатели рассчитываются по каждой компании в отдельности и сопоставляются с показателями, рассчитанными по группе в целом. Предложенная авторами система интегральных и частных показателей сформирована в соответствии с МСФО и включает перечень налоговых и прочих фискальных платежей (разница в понятиях обоснована), необходимых для включения в расчет общей фискальной нагрузки на бизнес. Перспективы дальнейших исследований авторы связывают с уточнением подходов к оценке доли налоговой нагрузки, возникающей вследствие наличия внутригрупповых оборотов, дополнением в модель факторов наличия прочих парафискальных платежей и расходов, сопутствующих исполнению налогоплательщиками своих законных обязанностей.

Ключевые слова: налоговая нагрузка, методика оценки, факторный анализ, группа компаний, учетная политика, фискальные платежи, парафискальная нагрузка, налоговые расходы, МСФО 10 «Консолидированная финансовая отчетность».

IMPROVEMENT OF METHODS FOR ESTIMATION OF TAX BURDEN IN A GROUP OF COMPANIES

Mikhail A. Gorodilov

ORCID ID: [0000-0002-4609-4888](https://orcid.org/0000-0002-4609-4888), Researcher ID: [N-9977-2016](https://orcid.org/N-9977-2016)

E-mail: gorodilov59@yandex.ru

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

Tatyana V. Konyaeva

ORCID ID: [0000-0002-4103-1669](https://orcid.org/0000-0002-4103-1669), Researcher ID: [V-5294-2017](https://orcid.org/V-5294-2017)

E-mail: konyaeva.tv159@gmail.com

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

The popularity of a complex business structure as a form of economic activity is currently increasing. It is caused by the fact that this form is considered to be the most convenient way to optimize costs and, furthermore, to diversify an investment portfolio due to the formation of financial and industrial groups. Due to high popularity of different forms of business associations the assessment of economic activity efficiency and, in particular the issues of tax burden assessment in a group of companies, are becoming more relevant and acute. However, fundamental features of tax burden assessment in a group of companies have not been considered enough in scientific environment. Moreover, an appropriate technique has not been suggested by Russian legislation system. In terms of a comparative analysis of the existing methods having been used to assess the tax burden on business entities the authors suggest an original method to assess this phenomenon in a group of companies. The method considers a set of principal features: differences in an accounting policy of this type of companies, operation in different tax jurisdictions, and the use of different tax regimes. The authors' method includes three stages. The first one suggests the calculation of an integral index of tax (or total fiscal) load. A set of particular indices of tax burden is calculated at the second stage. Also the factor analysis of the impact of a tax payment structure in a group, of tax remissions, tax jurisdictions and of other factors on the above-considered particular indices is conducted there. At the third stage if it is necessary to assess the operation efficiency within the terms of a group of companies, these indices are calculated for each company individually and are compared with those calculated for the whole group.

Key words: tax burden, estimation procedure, factor analysis, a group of companies, accounting policy, fiscal payments, para-fiscal load, tax expenses, International Financial Reporting Standard 10 «Consolidated financial statements».

Введение

К вопросам оценки налоговой нагрузки в научном сообществе обращались многократно. Большая часть научных исследований последних лет, как отечественных, так и зарубежных, сосредоточена на рассмотрении налоговой нагрузки на макроуровне. Так, И.В. Горский в статье «К проблеме налоговой нагрузки в России» рассматривает её как характеристику налоговой политики государства [1]. М. Kastan, Z. Maschova используют показатель налоговой нагрузки для проведения сравнения предпринимательского климата между странами, входящими в состав Европейского союза [2], а В.К. Atrostic и J.R. Nunns анализируют подходы к оценке налоговой нагрузки в ретроспективе, при этом, как и

указанные ранее авторы, акцентируют внимание исключительно на отраслевых, региональных, страновых показателях [3]. Такое понимание налоговой нагрузки обусловлено четкими целями исследования – дать характеристику проводимым мероприятиям государства в области налоговой политики. Невозможно, однако, отрицать высокую аналитическую ценность показателя налоговой нагрузки и на внутрифирменном уровне, вопросы определения которой по сей день остаются дискуссионными, несмотря на всестороннее рассмотрение их такими учеными, как Е.С. Вылкова, А.В. Брызгалин, И.В. Горский, Е.В. Чипуренко, О.Ю. Кудрина и др.

Вместе с тем, на наш взгляд, в научной литературе недостаточно внимания уделяется особенностям, которые воз-

никают при попытке оценить налоговую нагрузку не отдельного хозяйствующего субъекта, а группы таких субъектов. Так, показатель налоговой нагрузки транснациональных корпораций (ТНК) и многонациональных компаний (МНК) рассматривается во многих научных трудах, однако его расчет остается весьма усредненным¹, поскольку он выступает, как правило, одним из факторов эконометрической модели, а не результирующим показателем. Например, Т. Дуан и соавторы, исследуя корреляцию между уровнем публичности руководства компании и степенью использования этой компанией схем по уклонению от уплаты налогов, включают в модель следующие переменные: отношение совокупных налоговых расходов к прибыли до налогообложения; отношение уплаченных налогов к прибыли до налогообложения [4]. Р. McClure и соавторы используют аналогичную формулу расчета налоговой нагрузки при проверке одной из гипотез о том, что руководство компании меньше стремится уклоняться от уплаты налогов с полученной прибыли, если действует такая система начисления налогов на дивиденды, при которой часть налога на прибыль может уменьшать налог на выплаченные дивиденды [5].

Ценность ранее перечисленных и аналогичных им исследований может быть существенно выше при уточнении формулы расчета показателя налоговой нагрузки, которая даст возможность выявить факторы, оказывающие влияние на изменение показателя. В этой связи целью данной статьи является разработка методики оценки налоговой нагрузки группы компаний (как официально признанных группой в соответствии с МСФО (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность», так и признающих себя группой добровольно).

Начнем с того, что к настоящему моменту в отечественной предпринимательской практике появилась и окончательно оформилась тенденция к дробле-

нию бизнеса, как искусственному, для получения необоснованной налоговой выгоды, так и экономически оправданному, цель которого может заключаться в обеспечении большей прозрачности бизнес-процессов для топ-менеджмента и конечных бенефициаров.

По нашему мнению, организацию предпринимательской деятельности в форме группы компаний следует признавать одним из многих вариантов управленческих решений, эффект и эффективность реализации которого должны быть оценены. Исследуя возможности оценки налоговой нагрузки в группе компаний, мы исходим из понимания, что ее снижение или увеличение есть часть экономического эффекта от реализации такого управленческого решения, но никак не самостоятельная его цель.

Значимость разработки самостоятельных подходов к оценке налоговой нагрузки в группе компаний, на наш взгляд, обусловлена и иными причинами. Функционирование в рамках группы компаний существенно повышает рискоспособность хозяйственной деятельности, в том числе возрастают риски нарушения действующего законодательства о налогах и сборах. Научно обоснованный подход к анализу налоговой нагрузки, при котором могут быть выявлены факторы ее роста и спрогнозировано будущее значение, может способствовать принятию топ-менеджментом и собственниками бизнеса взвешенных решений по оптимизации налоговой базы вместо импульсивных стремлений минимизировать налоговые платежи за счет самых легкодоступных, но не всегда законных способов.

Таким образом, проблема оценки налоговой нагрузки группы компаний актуальна как для научного, так и для профессионального сообщества. Мы предполагаем, что та информация, которая может быть получена после расчетов соответствующих интегральных и частных показателей налоговой нагрузки группы компаний, может быть интересна широкому кругу заинтересованных лиц: менеджменту компаний – для принятия тактических

¹ Рассчитывается как отношение общего объема налоговых платежей к выручке или прибыли от основной деятельности. Причины его изменения авторами далее не анализируются.

управленческих решений, собственникам бизнеса – для оценки экономического эффекта принятых управленческих решений, ученым – для формирования качественных статистических данных и проведения аналитических исследований.

Уточним, что в рамках одной статьи рассмотреть все нюансы и сложности оценки налоговой нагрузки группы компаний не представляется возможным. Поэтому в настоящем исследовании основное внимание уделено проблеме выбора интегральных и частных показателей для оценки налоговой нагрузки группы компаний.

В целом можно выделить следующие неразрешенные вопросы, препятствующие развитию комплексного подхода к оценке «тяжести налогообложения» в сложных бизнес-структурах: 1) выбор наиболее подходящих показателей для анализа и подходов к их интерпретации; 2) определение внутригрупповых оборотов, подлежащих исключению и отдельному рассмотрению с точки зрения влияния на уровень налоговой нагрузки группы компаний; 3) определение контура компаний, которые следует рассматривать как группу.

Итак, в рамках настоящей статьи мы рассмотрим, по существу, только первый блок вопросов, связанных с выбором показателей для оценки налоговой нагрузки группы компаний и их интерпретацией. Дополнительную сложность при идентификации данных для оценки налоговой нагрузки группы компаний будут формировать следующие учитываемые нами особенности:

- применение разных учетных политик;
- применение разных режимов налогообложения;
- функционирование в разных налоговых юрисдикциях;
- применение различного набора налоговых льгот, налоговых ставок и пр.

Формирование системы показателей расчета налоговой нагрузки группы компаний целесообразно начать с изучения методических подходов к анализу

налоговой нагрузки, имеющихся в современной отечественной и зарубежной литературе.

Анализ методических подходов расчета налоговой нагрузки

Обобщая представленные в научной литературе методики расчета и анализа налоговой нагрузки, следует заметить, что при всем их многообразии, несовершенстве и противоположности подходов современным экономистам удалось выработать и доказать несколько очень важных положений.

Во-первых, большинством исследователей признано, что косвенные налоги (НДС, акцизы) и/или налоги, по которым хозяйствующий субъект выступает налоговым агентом (НДФЛ), также влияют и на его налоговую нагрузку, хотя имеются и альтернативные точки зрения:

1. Вопрос о включении в расчет налоговой нагрузки НДФЛ традиционно является дискуссионным [6]. Некоторые авторы (в частности, И.А. Коростелкина), справедливо утверждая, что степень переложения косвенных налогов на налогового агента зависит от соотношения спроса и предложения на рынке, предлагают учитывать эластичность спроса и предложения при включении в расчет налоговой нагрузки НДС и НДФЛ [7].

Данное предложение видится нам сложно реализуемым в рамках расчета налоговой нагрузки на уровне самого хозяйствующего субъекта, поскольку он может не располагать необходимыми для оценки рынка данными.

2. В современных условиях мы не можем с полной уверенностью говорить о необходимости учета НДС в составе налоговой нагрузки компании-продавца ввиду стартующих экспериментов¹ по уплате НДС покупателями. Вполне возможно, что в скором времени все существующие методики оценки налоговой нагрузки, преду-

¹ Проект Федерального закона № 274631-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

смаатривающие включение в расчет НДС, необходимо будет пересмотреть.

В действующих условиях мы считаем уместным учитывать НДС¹ и акцизы при оценке налоговой нагрузки экономического субъекта и оставлять на его усмотрение вопрос их включения в расчет НДС².

Во-вторых, в общих чертах выработан единый подход к расчету частных показателей налоговой нагрузки на основе соотношения суммы начисленного налога с источником его уплаты (М.И. Литвин [8], Т.К. Островенко [9])³. Изучая предлагаемые в научной литературе показатели для характеристики источников уплаты налогов и сборов, С.А. Иванова, Е.А. Кириченко отмечают, однако, и ряд недостатков такого подхода. Так, ввод классификации налогов по источнику уплаты не сопровождается раскрытием точного содержания классификационных групп ввиду отсутствия конкретных признаков, в соответствии с которыми тот или иной налог отнесен к определенной группе [10].

В-третьих, признана необходимость использования показателей, формируемых методом начисления, поскольку налоговая база по большинству из существующих на сегодняшний день налогов также формируется по начислению (по кредиту счета 68 «Расчеты с бюджетом по налогам и сборам» в соответствии с Планом счетов бухгалтерского учета⁴). Другими словами, даже сумма уплаченных налогов (дебет счета 68 «Расчеты с бюджетом по налогам и

сборам») имеет в своей основе сумму, рассчитанную от показателя по начислению. Это, однако, не означает, что показатели, характеризующие фактическое движение денег, абсолютно бесполезны для целей анализа.

В-четвертых, российскими учеными обосновано использование показателей вновь созданной (добавленной) стоимости и условной прибыли в интегральных показателях налоговой нагрузки [11; 12; 13]. Вместе с тем единый подход к расчету указанных показателей так и не был сформирован.

Несмотря на перечисленные выше положения, исследователи вопросов оценки налоговой нагрузки на микроуровне предлагают достаточно разнообразные показатели и даже системы показателей, которые основываются на данных, сформированных либо методом начисления, либо кассовым методом. Основное правило, которым должен руководствоваться исследователь при выборе показателей, – это правило сопоставимости данных (при использовании в одной формуле расчета и при сравнении между периодами, экономическими субъектами и т.д.).

Отдельного внимания заслуживает обзор подходов к расчету налоговой нагрузки, имеющих в отечественном законодательстве. Позиции Налогового департамента Министерства финансов РФ, а также Федеральной налоговой службы России представляют интерес и будут рассмотрены далее. Кроме того, если в научной среде о налоговой нагрузке именно группы компаний говорят редко, то в законодательстве данная норма уже появилась⁵, хотя и действует ограниченно⁶. Ряд организаций наделяется правом образовывать консолидированную группу налогоплательщиков (КГН), исчислять и уплачивать налог на прибыль с совокупной прибыли организаций, входящих в такую группу. Вместе с тем указанная норма дей-

¹ Заметим, что НДС учитывается даже в расчете налоговой нагрузки по методике Федеральной налоговой службы России.

² Интересно, что методика Федеральной налоговой службы России по расчету среднеотраслевых значений налоговой нагрузки учитывает также и поступления от НДС (см. комментарии к приложению № 3 к приказу Федеральной налоговой службы России от 30.05.2007 №ММ-3-06/333@: Расчет произведен с учетом поступлений по налогу на доходы физических лиц).

³ См. также: Крейнина М. Н. Финансовое состояние предприятия. Методы оценки. М.: ДИС, 1997. 210 с.

⁴ Приказ Министерства финансов РФ от 31.10.2000 № 94н (ред. от 08.11.2010) «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению».

⁵ См. п. 1 ст. 25.1 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) (ред. от 19.02.2018).

⁶ Мораторий на создание консолидированной группы налогоплательщиков продлен до 2019 г. в целях устранения недостатков системы.

ствует только для крупнейших организаций, совокупный объем выручки от реализации которых должен составлять не менее 100 млрд руб. в год, и касается исключительно налога на прибыль.

Мы также не рассматриваем взаимосвязанность лиц по Налоговому кодексу РФ, аффилированность по Гражданскому кодексу РФ, а также законопроект «О холдингах», который так и не был принят после отмены Федерального закона «О финансово-промышленных группах» от 30.11.1995 № 190-ФЗ, и ряд других нормативно-правовых актов, поскольку, как было указано ранее, весь спектр связанных с данной темой вопросов не может быть освещен в рамках одной статьи. Кроме того, самостоятельного исследования заслуживает и определение контура компаний, которые необходимо рассматривать как группу.

Интегральные показатели налоговой нагрузки: понятие, виды и возможности применения

Представляется, что для выбора исходных данных и системы показателей необходимо определиться с целями анализа, т.е. с тем, что необходимо оценить – уровень обязательств хозяйствующего субъекта перед государством или уровень реально потраченных денежных средств (или иного имущества, имущественных прав) для выполнения этих обязательств. С этих позиций в отношении понятия «налоговая нагрузка» можно выделить две принципиально отличающиеся друг от друга точки зрения, и обе они, как мы полагаем, вполне жизнеспособны.

Первая точка зрения основывается на трактовке налоговой нагрузки как основного вида финансового обременения хозяйствующего субъекта или группы хозяйствующих субъектов и описывается в работах Н.В. Бондарчук [14] и М.Е. Грачевой [15].

Нам необходимо определиться с понятием «обременение», которое до настоящего времени не отражено в отечественном гражданском законодательстве и, кроме того, не получило четкой научной

дефиниции. Исследователь правовой природы ограничений и обременений права собственности В.А. Микрюков указывает на то, что налоговые обременения по своей правовой природе являются именно ограничениями, но не обременениями [16].

Различие между указанными понятиями состоит в том, что обременение представляет собой перераспределение части правомочий в пользу третьих лиц. Ограничения же лишь сужают границы прав собственника. Таким образом, обязанности собственника по уплате налогов (так называемые налоговые обременения) являются ничем иным, как ограничениями права собственности, поскольку таким обязанностям корреспондируют лишь возникающие в силу закона права административных органов и должностных лиц.

По нашему мнению, утверждая, что налоги финансово обременяют хозяйствующие субъекты, акцентируется внимание на том, что налоги ограничивают их деятельность в силу обязанности хозяйствующих субъектов уплачивать налоги, и в этом смысле налоговая нагрузка представляет собой объем налоговых обязательств хозяйствующего субъекта.

Относительные показатели налоговой нагрузки сторонники данного подхода (Н.В. Бондарчук [14], М.Е. Грачева [15] и др.) предлагают рассчитывать на основе данных, сформированных по методу начисления, как в числителе, так и в знаменателе дроби:

$$НН = \frac{НО}{ФР}, \quad (1)$$

где НН – налоговая нагрузка;

НО – сумма налоговых обязательств, начисленных за период;

ФР – показатель финансового результата за период.

В знаменателе указанной формулы расчета налоговой нагрузки может использоваться ряд показателей, отражающих финансовый результат деятельности компании, применение которых неизменно обсуждается в исследовательской среде. Достоинства и недостатки этих показателей приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Анализ возможности применения показателей финансовых результатов
организации для расчета налоговой нагрузки отдельно взятой компании
и группы компаний**

Наименование рассчитываемого показателя	Формула расчета налоговой нагрузки*	Достоинства подхода	Недостатки подхода	Применимость в рамках одной компании / группы компаний
Показатель налоговой нагрузки, рассчитываемый по методике Налогового департамента Министерства финансов РФ	$НН = \frac{НУ}{ВР + ВД}$	Сопоставимость показателей (выручка в разных периодах и по разным компаниям формируется на основе одних и тех же принципов и всегда по методу начисления)	Сам по себе, данный показатель недостаточно эффективен для исследования причин изменения налоговой нагрузки. Знаменатель учитывает вне-реализационные доходы, которые могут негативно повлиять на интерпретацию полученных результатов (особенно, если это единичные операции, например, реализация имущества)	Различий при использовании показателя для анализа в рамках одной компании или группы компаний не выявлено
Показатель общей налоговой нагрузки, который по аналогии с коэффициентом затратоемкости, позволяет рассчитать долю налоговых обязательств в выручке от реализации и характеризует объем налоговых обязательств, приходящийся на 1 рубль реализованной продукции	$НН = \frac{НО}{ВР}$	Сопоставимость показателей (выручка в разных периодах и по разным компаниям формируется на основе одних и тех же принципов и всегда по методу начисления)	Сам по себе данный показатель недостаточно эффективен для исследования причин изменения налоговой нагрузки	Удобно применять при сравнении как в рамках одной компании между периодами, так и внутри группы компаний за один период. Если в числителе дроби сумму начисленных налогов представить в виде суммы по каждому налогу, то, руководствуясь простейшей логикой, можно выявить налог, в наибольшей степени влияющий на тяжесть налоговой нагрузки экономического субъекта. Аналогичным путем можно выявить компанию группы, налоговая нагрузка которой в большей степени влияет на налоговую нагрузку группы компаний в целом
Показатель объема налоговых обязательств на 1 рубль маржинальной прибыли	$НН = \frac{НО}{МП}$	Достоинства подхода выделить не удалось ввиду его ограниченной применимости	Такой подход ограниченно применим ввиду возможного включения налоговых обязательств как в переменные расходы (например, налог на добычу полезных ископаемых), так и в постоянные расходы (например, налог на имущество организаций)	Различий при использовании показателя для анализа в рамках одной компании или группы компаний не выявлено
Показатель объема налоговых обязательств на 1 рубль прибыли от продаж	$НН = \frac{НО}{Пр}$	Достоинства подхода выделить не удалось ввиду его ограниченной применимости	1. На формирование данных показателей прибыли влияют не все из установленных законодательством РФ налоги (следовательно, показатель не может быть выбран в качестве интегрального). 2. Не учитывается общая структура расходов, влияющих на тот или иной показатель прибыли (может быть сделан ошибочный вывод об увеличении тяжести налоговой нагрузки при снижении прибыли, обусловленном совсем иными, неналоговыми, причинами).	Различий при использовании показателя для анализа в рамках одной компании или группы компаний не выявлено

Наименование рассчитываемого показателя	Формула расчета налоговой нагрузки*	Достоинства подхода	Недостатки подхода	Применимость в рамках одной компании / группы компаний
			3. Сложность в интерпретации результатов расчета (например, в случае если вместо прибыли предприятием был получен убыток)	
Показатель объема налоговых обязательств на 1 рубль чистой прибыли	$НН = \frac{НО}{ЧП}$	Возможность учесть налог на прибыль	Недостатки аналогичны предшествующему подходу	Различий при использовании показателя для анализа в рамках одной компании или группы компаний не выявлено
Показатель объема налоговых обязательств на 1 рубль ВСС (УП)	$НН = \frac{НО}{ВСС}$ или $НН = \frac{НО}{УП}$ $ВСС = ВР - МЗ - Ам + ВнД - ВнР$ [17]. $УП = ВСС - ТЗ$	В этом случае налоговая нагрузка не искажается за счет влияния изменения материальных затрат и амортизации	1. Вновь созданная стоимость включает в себя расходы на оплату труда, страховые взносы, неналоговые платежи, тем самым представляя собой еще один вариант показателя прибыли (выручка за минусом материальных расходов). В таком случае недостатки этого подхода аналогичны предшествующим подходам. 2. С точки зрения бухгалтерского учета часть налоговых обязательств переносится на себестоимость продукции в составе амортизации (если налоги и сборы были включены в первоначальную стоимость амортизируемого имущества). Таким образом, частично они будут исключены из ВСС (в части, отнесенной на расходы через механизм амортизации), но при этом полностью учтены в числителе. В этом случае числитель и знаменатель окажутся не сопоставимы	Поскольку на показатель ВСС влияет размер амортизации, при расчетах в рамках одной компании необходимо обеспечивать применение одного и того же способа начисления амортизационных расходов. Данный способ должен учитывать, чтобы амортизационные расходы были приблизительно равномерно распределены в течение срока полезного использования, хотя даже это необходимо отдельно обосновывать. В рамках группы компаний должно соблюдаться единство применяемых методов начисления амортизации всеми участниками группы и примерно равная структура амортизируемого имущества. Соответственно сравнивать страховую организацию и производственное предприятие в рамках финансово-промышленной группы нецелесообразно. Поэтому УП, в теории, действительно является более точным показателем, чем ВСС
Показатель доли начисленных налоговых обязательств в себестоимости продаж	$НН = \frac{НО}{С}$	Имеется четкая логика в соотношении отдельного вида затрат с общим объемом затрат, можно осуществить анализ и проследить изменение структуры себестоимости между периодами или несколькими участниками группы	1. В числителе дроби можно учесть только налоги, прямо относимые на себестоимость (т.е. данный коэффициент нельзя принять за интегральный показатель налоговой нагрузки). 2. Числитель и знаменатель не сопоставимы, т.к. себестоимость учитывает только затраты, перенесенные на реализованную продукцию (если использовать себестоимость выпуска, часть налоговых обязательств, тем не менее, может остаться в составе незавершенного производства (в зависимости от сферы деятельности организации, это может быть транспортный налог, налог на добычу полезных ископаемых [18], налог на имущество), а в числителе учиты-	При правильной интерпретации показатель может успешно применяться для расчета налоговой нагрузки. При этом для решения проблемы несопоставимости числителя и знаменателя в числителе следует учитывать только те суммы налогов, которые перенесены на себестоимость реализованной продукции через механизм амортизации и с учетом остатка части налогов в незавершенное производство. Однако в этом случае: 1) показатель уже не будет отражать общую нагрузку, а будет показывать именно долю налогов, отнесенных на себестоимость; 2) показатель будет абсолютно несопоставим ни между периодами, ни между компаниями, т.к. возможно искажение в части распределения налогов, относимых на счет

Наименование рассчитываемого показателя	Формула расчета налоговой нагрузки*	Достоинства подхода	Недостатки подхода	Применимость в рамках одной компании / группы компаний
			ваются суммы начисленных налогов в полном объеме (по данным декларации), а не только тех, что отнесены на себестоимость)	25 «Общепроизводственные расходы»

* В формулах использованы следующие обозначения: НН – налоговая нагрузка; НУ – сумма уплаченных налогов; НО – сумма начисленных налоговых обязательств по данным налоговых деклараций; ВР – выручка от реализации товаров (работ, услуг) по данным отчета о финансовых результатах; ВД – внереализационные доходы (прочие доходы по данным отчета о финансовых результатах); МП – маржинальная прибыль; Пр – прибыль от продаж товаров (работ, услуг) по данным отчета о финансовых результатах (или прибыль до налогообложения); ЧП – чистая прибыль по данным отчета о финансовых результатах; ВСС – вновь созданная стоимость (или УП – условная прибыль, представляющая собой расчетную прибыль, которую получило бы предприятие в условиях отсутствия налоговых платежей); МЗ – сумма материальных затрат за исследуемый период; Ам – начисленная в исследуемом периоде амортизация; ВнД – внереализационные доходы (прочие доходы по данным отчета о финансовых результатах); ВнР – внереализационные расходы (прочие расходы по данным отчета о финансовых результатах); ТЗ – расходы на оплату труда; С – себестоимость продаж по данным отчета о финансовых результатах.

Итак, по результатам вышеприведенного анализа имеющихся в научной литературе подходов единственным показателем, который можно беспрепятственно применять в интегральных показателях налоговой нагрузки группы компаний, является выручка от реализации продукции, что может быть подтверждено следующими доводами:

1. Данный показатель менее всего подвержен изменениям в зависимости от корректировки условий учетной политики и профессионального суждения бухгалтера, поскольку, во-первых, вполне возможно предусмотреть одинаковые для всех участников группы принципы признания выручки даже при осуществлении ими разных видов экономической деятельности, и, во-вторых, даже если для целей налогового учета компании признают выручку кассовым методом (при применении специальных режимов налогообложения), они так или иначе не освобождены от обязанности ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской отчетности «по начислению». В действительности исключения составляют лишь индивидуальные предприниматели, для которых такой обязанности не предусмотрено законом.

2. Показатель выручки от реализации отвечает требованиям сопоставимо-

сти при сравнении компаний разных сфер деятельности.

3. Выручка может быть определена в соответствии с требованиями МСФО (IFRS) 15 «Выручка по договорам с покупателями». Такой подход обеспечивает учет справедливой стоимости – наиболее точное отражение реального размера выручки, снижает трудоемкость подготовительных работ, так как крупные бизнес-структуры, организованные в форме группы, и без того уже составляют консолидированную финансовую отчетность по МСФО.

С учетом вышеизложенного формула интегрального показателя налоговой нагрузки, по нашему мнению, должна принять следующий вид:

$$НН = \frac{НО}{ВР_{по\ МСФО}}, \quad (2)$$

где НН – налоговая нагрузка;

НО – сумма начисленных налоговых обязательств по данным налоговых деклараций;

ВР_{по МСФО} – выручка от реализации товаров (работ, услуг), рассчитанная в соответствии с требованиями МСФО или определенная исходя из данных консолидированной финансовой отчетности.

С применением терминологии МСФО налоговая нагрузка группы компаний может быть рассчитана по формуле

$$TB = \frac{\sum_{i=1}^n (Tax - IE)}{\sum_{i=1}^n R - IE}, \quad (3)$$

где TB (tax burden) – налоговая нагрузка;
Tax – объем начисленных налогов и сборов по каждой компании $i=1 \dots n$;
 n – количество компаний в группе;
R (revenue) – выручка от реализации;
IE (intercompany eliminations) – исключаемые внутригрупповые обороты.

Таким образом, особенностью расчета налоговой нагрузки группы компаний по формуле (3) является то, что в числителе дроби отражается сумма всех начисленных по каждой компании налогов и сборов, а в знаменателе – сумма показателей выручки от реализации по каждой компании группы за вычетом внутригрупповых оборотов (далее – ВГО).

Отдельный вопрос составляют способы исключения ВГО из числителя дроби.

Использование данных именно налоговых деклараций в числителе дроби обусловлено необходимостью элиминирования ВГО по косвенным налогам. Таким образом, например, зачет «входящего» НДС (при одинаковой ставке 18%) при внутренних операциях реализации в группе никак не влияет на расчет, поскольку из декларации по НДС берутся данные по налогу к уплате в бюджет уже за вычетом данных сумм.

Однако так поступить нельзя в ситуации, когда нужно элиминировать влияние внутригруппового налога с разными ставками. Таким образом, сложность представляет не столько само по себе исключение ВГО в абсолютном выражении, сколько определение влияния собственно внутригрупповых операций на общую налоговую нагрузку группы компаний. Считаем наиболее подходящим метод факторного анализа, однако данный вопрос может и должен быть предметом отдельных исследований.

Другая точка зрения на способ расчета налоговой нагрузки экономического субъекта основывается на том, что налоговая нагрузка характеризует фактический уровень денежного изъятия, т.е. объем фактически уплаченных налогов. К пред-

ставителям данного подхода следует отнести С.В. Резвущкина [19], Л.Н. Лаптеву и А.В. Лаптеву [20].

При применении указанной методики для оценки налоговой нагрузки рассчитывается коэффициент денежного изъятия, который показывает долю денежных средств, направленных на уплату налогов в общем объеме поступивших в организацию собственных денежных средств за определенный период:

$$K = \frac{НП}{ДС - КБ}, \quad (4)$$

где K – коэффициент денежного изъятия в связи с уплатой налогов и сборов;

НП – налоговые платежи;

ДС – сумма денежных средств, полученных организацией за отчетный период;

КБ – заемные денежные средства, привлеченные организацией в отчетном периоде.

В данном случае под поступившими денежными средствами (в знаменателе дроби) понимается, по существу, сумма положительных денежных потоков от операционной и инвестиционной деятельности (или же совокупный денежный поток за вычетом поступлений денежных средств по финансовой деятельности).

Описанный подход совпадает с логикой МСФО (IAS) 7 «Отчет о движении денежных средств». Сами налоговые денежные потоки (Tax cash flow) МСФО (IAS) 7 предлагает классифицировать как денежные потоки от операционной деятельности (Cash flows from operating activities), поскольку часто такие потоки возникают в периоде, отличном от того, в котором имели место денежные потоки по лежащей в их основе операции, и в связи с этим их сложно идентифицировать и отнести к конкретному денежному потоку.

Тогда коэффициент денежного изъятия приобретает следующий вид в рамках одной компании:

$$K = \frac{CF_{tax}}{CF_{oper}}, \quad (5)$$

где CF_{tax} (tax cash flow) – денежный поток по уплате налогов и сборов;

CF_{oper} (cash flows from operating activities) – денежный поток от операционной деятельности.

Для группы компаний коэффициент денежного изъятия рассчитывается по формуле

$$K = \frac{\sum_{i=1}^n CF_{\text{tax}}}{\sum_{i=1}^n CF_{\text{oper}} - IE}, \quad (6)$$

где n – количество компаний в группе;
 IE – исключаемые внутригрупповые обороты (ВГО).

Таким образом, коэффициент денежного изъятия следует, по нашему мнению, интерпретировать как долю денежных средств, отвлеченных от операционной деятельности в пользу исполнения обязательств перед бюджетом. И если бы экономический субъект не был обязан уплатить определенную сумму налогов и сборов в бюджет, то он мог бы направить ее на финансирование текущей и/или инвестиционной деятельности¹, что в определенном смысле позволяет регулировать движение денежных средств. Такой подход одинаково применим как для одной компании, так и для группы компаний.

В целом, выбор системы показателей для расчета налоговой нагрузки зависит от того, какое содержание вкладывается в данное понятие. Если в задачи исследователя входит оценка уровня налоговых обязательств хозяйствующего субъекта (или их группы), то следует выбирать показатели, сформированные по методу начисления. В свою очередь, для оценки уровня отвлечения денежных средств из оборота, что особенно важно в рамках управления денежными потоками в группе компаний, – показатели, сформированные кассовым методом.

Обоснование системы частных показателей налоговой нагрузки

Проблема расчета частных показателей многократно рассматривалась в исследовательской среде, однако бесконечное разнообразие вариантов и их компиляция не позволяют в рамках настоящей работы обобщить все существующие в литературе подходы. Вместе с тем можно отметить,

что рассматриваемые системы частных показателей, как правило, строятся на сопоставлении каждого налога с источником его уплаты. Несмотря на то что в теории признано существование нескольких таких источников – выручки, себестоимости и прибыли, мы сознательно уходим от такого сопоставления.

По нашему мнению, использование одинаковой базы в знаменателе интегрального и частных показателей способствует достижению сопоставимости данных. Предлагаем использовать в знаменателе дроби и в том и в другом случае показатель выручки от реализации, сформированный по правилам МСФО.

При разработке системы частных показателей налоговой нагрузки необходимо определиться также и с тем, какие налоги и сборы рассматривать в числителе.

Помимо предусмотренных Налоговым кодексом РФ налогов и сборов, экономические субъекты в обязательном порядке совершают еще ряд платежей, предусмотренных действующим законодательством. Однако данные платежи, вероятно вследствие их бесконечного разнообразия, никогда ранее не рассматривались на предмет необходимости или хотя бы возможности (а равно и целесообразности) включения их в расчет налоговой нагрузки. В частности, это касается следующих платежей:

1. Обязательные платежи, которые по своей правовой природе являются или могут быть приравнены к фискальным платежам.
2. Парафискальные платежи.
3. Отдельные виды сопутствующих налоговых расходов, которые по своему усмотрению несет хозяйствующий субъект, самостоятельно оценивая их целесообразность.

Что касается *обязательных платежей, которые по своей правовой природе являются или могут быть приравнены к фискальным платежам*, то существенную роль в выделении данной группы обязательных платежей сыграло постановление Конституционного суда РФ от

¹ Тогда в расчетной формуле в знаменателе необходимо добавить показатель CF_{invest} – денежный поток от инвестиционной деятельности.

28.02.2006 № 2-П, в котором была проанализирована правовая природа отчислений операторов связи в резерв универсального обслуживания населения в соответствии с требованиями Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи».

Фискальные неналоговые сборы в соответствии с указанным постановлением представляют собой обязательные в силу закона публичные платежи в бюджет, которые отличаются от налогов хотя бы тем, что последние служат для обеспечения расходов публичной власти и не носят целевой характер, в то время как неналоговые фискальные платежи характеризуются четкой отраслевой спецификой и осуществляются, как правило, группой субъектов предпринимательской деятельности, которых объединяет общая заинтересованность в развитии инфраструктуры отрасли.

Их «неналоговый» характер, как указывает Торгово-промышленная палата РФ, заключается лишь в формальном закреплении вне Налогового кодекса РФ. Ревизия параллельной налоговой системы, проведенная Торгово-промышленной палатой РФ в 2015 г., позволила выявить более 50 видов таких публичных платежей, которые (и мы поддерживаем эту позицию) необходимо учитывать в расчете общей фискальной нагрузки¹.

В обзоре Торгово-промышленной палаты РФ термины «фискальный платеж» и «налоговый платеж» рассматриваются как идентичные по содержанию, что не совсем соответствует позиции Конституционного суда РФ. В целом же спор о соотношении таких понятий сегодня не решен и действующим законодательством. Так, в частности, судья Конституционного суда РФ А.Л. Кононов, выражая особое мнение к определению Конституционного суда РФ от 08.04.2004 № 133-О, со ссылкой на С.Д. Шаталова отмечает следующее: задача корректного законодательного определения налога, равно как и сбора, по-прежнему остается нерешенной, поскольку

указанные формальные признаки во многих случаях не позволяют различить налоги, сборы и, что самое главное, – некие иные обязательные платежи².

Мы же придерживаемся мнения, что наиболее достоверный термин для этой категории обязательных платежей – это «фискальный платеж», что сразу позволяет выделить те платежи, которые законодатель не стремится учитывать при оценке нагрузки на бизнес.

Вторым видом платежей, включенных в расчет налоговой нагрузки, являются *парафискальные платежи*. В этой группе можно рассматривать, например, обязательное страхование ответственности, третейские сборы, платежи нотариусам, расходы на обязательную сертификацию продукции и т.п.

В их основе лежат частнопроводимые механизмы регулирования, поэтому мы считаем нецелесообразным ставить их в один ряд с обязательными публичными платежами. Несмотря на то что они представляют собой расходы на выполнение требований законодательства РФ, их величина во многом зависит от выбранного поставщика услуг и рыночных механизмов ценообразования.

Нам видится возможным вариант расчета отдельной «парафискальной» нагрузки по таким расходам. Их можно рассматривать с точки зрения тяжести предусмотренных законом обязательств при ведении экономическим субъектом хозяйственной деятельности в конкретной отрасли.

Анализ нагрузки по расходам на обязательное страхование ответственности имеет ряд особенностей. Наступление страхового случая не гарантировано, однако если это происходит, то страхователь освобождается от последующих финансовых затрат. Для целей анализа тяжести расходов, которые в той или иной отрасли экономический субъект обязан нести в соответствии с законом, расходы на страхо-

¹ См.: Налоговая реформа: ревизия «параллельной налоговой системы». М.: Издание Торгово-промышленной палаты РФ, 2015. 120 с.

² Определение Конституционного суда РФ от 08.04.2004 № 133-О. URL: <http://sbornik-zakonov.ru/116515.html> (дата обращения: 19.11.2017).

вание можно учитывать в части фактически признанных расходов и корректировать их при наступлении страхового случая [21].

Специалисты *Ernst&Young*¹ предлагают включать в понятие налоговой нагрузки *отдельные виды сопутствующих налоговых расходов, которые по своему усмотрению несет хозяйствующий субъект, самостоятельно оценивая их целесообразность*. Включение в расчет иных налоговых затрат позволяет сформировать величину совокупных издержек, связанных с выполнением организацией обязанности по уплате обязательных платежей.

В частности, к таким расходам можно отнести:

1. Дополнительные затраты на работу с претензиями налоговых органов (юридические консультации, оплата сверхурочных часов сотруднику).

2. Проценты по кредитам, привлеченным для своевременной уплаты налоговых платежей.

3. Расходы на содержание подразделения, зона ответственности которого – исчисление и уплата налогов.

4. Расходы на проведение налогового аудита.

5. Расходы на установку контрольно-кассовой техники и услуги операторов фискальных данных.

6. Расходы на оплату услуг по предоставлению доступа к системам подготовки и подачи отчетности в электронном виде.

7. Расходы на оплату услуг по предоставлению доступа к системам проверки контрагентов на предмет их добросовестности, как того требует принцип осмотрительности при выборе контрагентов и т.п.

Вышеперечисленные расходы совершенно справедливо можно признать

сопутствующими, их можно и нужно контролировать, но для целей анализа налоговой нагрузки они не имеют значения.

Далее мы предприняли попытку обобщить все предусмотренные законом налоги, сборы и иные обязательные платежи, которые обоснованно могут быть признаны формирующими собственно налоговую и общую фискальную нагрузку.

Итак, налоговую нагрузку формируют следующие виды налогов и сборов:

– НДС.

– акцизы.

– НДФЛ (на усмотрение экономического субъекта, по причинам, описанным выше).

– налог на прибыль.

– сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов.

– водный налог.

– государственные пошлины (поименованные в Налоговом кодексе РФ).

– налог на добычу полезных ископаемых.

– транспортный налог.

– налог на игорный бизнес.

– налог на имущество организаций.

– земельный налог.

– торговый сбор.

– страховые взносы.

В состав собственно налоговых платежей мы включили страховые взносы. Конституционный суд РФ выразил собственное мнение относительно фискального характера страховых взносов в постановлении №7-П от 24.02.1998: содержание и характер норм о порядке регистрации плательщиков страховых взносов, о порядке и сроках уплаты страховых взносов, о мерах ответственности плательщиков и о полномочиях государственных внебюджетных фондов сближают страховые взносы с налоговыми платежами².

Исключение, на наш взгляд, составляют взносы, уплачиваемые в Фонд социального страхования, поскольку при

¹ Способы управления налоговыми затратами. URL: www.buhgalteria.ru/article/n41965 (дата обращения: 19.11.2017).

² Постановление Конституционного суда РФ от 24.02.1998 № 7-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18002/ (дата обращения: 19.11.2017).

наступлении страхового случая выплата производится работодателем (занятому населению), далее полностью или частично расходы возмещаются работодателю за счет средств Фонда. В этом смысле именно страховые взносы в Фонд социального страхования нельзя считать исключительно фискальными. Между тем доля страховых взносов, уплачиваемых в Фонд социального страхования, может составлять до 10%, а иногда и 30% общей суммы страховых взносов (в зависимости от класса профессионального риска по взносам на страхование от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний). Ввиду ее существенности ее нельзя исключать из рассмотрения. При расчете налоговой нагрузки по страховым взносам необходимо учитывать сумму, подлежащую к перечислению в бюджет, т.е. разницу между начисленными страховыми суммами и суммами к возмещению из средств фонда.

В этом случае возможна ситуация, когда сумма к возмещению из Фонда социального страхования больше, чем сумма к уплате. Например, если сумма ежемесячных пособий сотрудникам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком до 1,5 лет, превышает размер начисленных страховых взносов с заработной платы всех сотрудников за месяц (по ставке 2,9%). В этом случае нагрузка по страховым взносам в Фонд социального страхования в рассматриваемом месяце будет равна нулю.

Заметим также, что позиция о необходимости включения в расчет налоговой нагрузки страховых взносов превалирует и в российской, и в зарубежной [22] научной среде¹. Такого мнения, в частности, придерживается М. Вебеşelea, изучая восприятие экономических субъектов в области налогообложения в Румынии [23], I. Szarowská при рассмотрении вопросов теории и практики оценки налоговой нагрузки в странах ЕС [24] и др. [25; 26].

Принимая во внимание все вышеперечисленное, считаем целесообразным

для расчета общей фискальной нагрузки прибавлять к установленным налогам и сборам следующие виды обязательных фискальных платежей:

- природопользовательские отчисления.
- отчисления за предоставление прав в сфере электросвязи.
- отчисления операторов связи общего пользования в резерв универсального обслуживания.
- градостроительные отчисления и взносы.
- автодорожные взносы.
- природоохранные взносы².
- диспетчерские взносы.
- взносы на обеспечение сохранности накоплений.
- взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном жилом доме (в части, зачисляемой в региональный фонд).
- компенсационные административные пошлины (не поименованные в Налоговом кодексе РФ).
- ввозная и вывозная таможенные пошлины, защитные пошлины (специальные, антидемпинговые и компенсационные пошлины) при ввозе товаров.
- отчисления иностранных лиц за пользование путями сообщения.
- отчисление (пошлина) за поддержание в силе патента.
- плата для сбора средств на выплату вознаграждения за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях;
- отчисления предприятий и организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерноопасные производства и объекты, в специальные резервные фонды Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом».

²См., например, Постановление Правительства Пермского края от 12 января 2016 г. № 3-п «Об утверждении порядка взимания платы за сброс загрязняющих веществ в системы канализации населенных пунктов Пермского края с предприятий и организаций, отводящих сточные воды и загрязняющие вещества в системы канализации населенных пунктов Пермского края».

¹ См., например, Манэс А. Основы страхового дела: сокр. пер. с нем. М.: Изд. центр СО «Анкил», 1992. 112 с.

– взносы и отчисления организациям саморегулирования и иным профессиональным объединениям, имеющим исключительные полномочия в определенной сфере деятельности¹, только для отраслей, для которых членство в СРО является обязательным.

Необходимость учета данных платежей при расчете общей фискальной нагрузки обосновывалась ранее.

Далее рассмотрим порядок расчета частных показателей налоговой нагрузки, для чего считаем целесообразным использовать формулы, приведенные в табл. 2.

В приведенной таблице учтены все установленные российским законодатель-

ством налоги, сборы и иные обязательные платежи, перечислены наиболее существенные факторы, которые могут оказать влияние на динамику налоговой нагрузки. Тем не менее мы допускаем, что в ходе дальнейших исследований могут быть выявлены и иные факторы.

В целом нами предпринята попытка выделить источники получения данных для расчета интегральных и частных показателей налоговой нагрузки, определить особенности оценки налоговой нагрузки в группе компаний, идентифицировать все виды обязательных платежей, которые необходимо включить в расчет налоговой нагрузки².

Таблица 2

Абсолютные и относительные частные показатели налоговой нагрузки

Абсолютный показатель	Анализ изменения абсолютного показателя	Относительный показатель	Факторы, влияющие на изменение относительного показателя
<i>Частные показатели налоговой нагрузки³</i>			
Сумма начисленного за период налога, сбора, госпошлины, страховых взносов	Сравнение темпов роста налоговых обязательств и темпов роста соответствующих расходов (в составе которых рассматриваемый налог признается)	$ТВ = \frac{\sum_{i=1}^n (Tax - IE)}{\sum_{i=1}^n R - IE}$ Указанная формула предлагалась нами и ранее для расчета интегрального показателя налоговой нагрузки	1. Изменение налоговой базы (кроме государственной пошлины): – для НДС, НДФЛ (на усмотрение субъекта), налога на прибыль, налога на имущество, земельного налога рассчитывается влияние изменения налоговой базы только в стоимостном выражении; – для остальных налогов и сборов (налог на добычу полезных ископаемых, водный налог, транспортный налог, сбор за пользование объектами животного мира и водными биологическими ресурсами, налог на игорный бизнес) рассчитывается отдельно влияние изменения налоговой базы в натуральном выражении и в стоимостном (при необходимости, например, для налога на добычу полезных ископаемых)*. 2. Изменение налоговой ставки (кроме государственной пошлины)*. 3. Изменение налоговых льгот*. 4. Изменение выручки от реализации в стоимостном выражении**. 5. Изменение объема реализации в натуральном выражении, структуры реализации, продажных цен**. 6. Изменение объема внутригрупповых операций в стоимостном выражении**

¹ См. О саморегулируемых организациях: Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2016).

² Вместе с налоговой нагрузкой обеспечивают расчет показателя общей фискальной нагрузки.

³ Налоги, сборы, государственные пошлины и страховые взносы, прямо поименованные в Налоговом кодексе РФ.

Абсолютный показатель	Анализ изменения абсолютного показателя	Относительный показатель	Факторы, влияющие на изменение относительного показателя
Фискальная нагрузка по прочим обязательным публичным платежам¹			
Сумма начисленного обязательно-го публичного платежа	Сравнение темпов роста обязательств и темпов роста соответствующих расходов (в составе которых рассматриваемый платеж признается)	$\frac{\sum_{i=1}^n \text{Public payments}}{\sum_{i=1}^n R - IE}$ где Public payments – публичный платеж	В данном случае целесообразно проводить анализ только по периодическим обязательным платежам: <ol style="list-style-type: none"> 1. Изменение натуральной базы для расчета и уплаты обязательного платежа. 2. Изменение обязательного платежа в стоимостном выражении. 3. Изменение выручки от реализации в стоимостном выражении**. 4. Изменение объема реализации в натуральном выражении, структуры реализации, продажных цен**. 5. Изменение объема внутригрупповых операций в стоимостном выражении**

* В случае действия этих факторов показатель начисленного налога (сбора) в числителе дроби принимает вид (НБ · НС) – НЛ, где НБ – налоговая база; НС – налоговая ставка; НЛ – налоговые льготы.

** В случае действия этих факторов показатель выручки в знаменателе дроби принимает вид $\sum_{i=1}^n (Q \cdot p) - IE$, где Q – объем реализации в натуральном выражении; p – продажная цена единицы конкретного товара (работы, услуги).

На основании вышеизложенного разработаем алгоритм авторской методики оценки налоговой нагрузки в группе компаний.

Алгоритм оценки налоговой нагрузки в группе компаний

Исходя из понимания налоговой нагрузки как уровня налоговых обязательств, в ее оценке мы опираемся на показатели, сформированные по методу начисления. При этом интегральный и частные показатели должны иметь одинаковый базовый показатель в знаменателе для обеспечения сопоставимости расчетных данных – показатель выручки от реализации.

Оценка налоговой нагрузки крупных холдинговых структур, которые признаются группой в соответствии с международными¹ и российскими² правилами, должна производиться с использованием данных консолидированной финансовой отчетности и индивидуальной отчетности по МСФО. Для компаний, добровольно признающих себя группой и (или) не обя-

занных составлять консолидированную финансовую отчетность на основании Федерального закона от 27.07.2010 № 208-ФЗ, основным «поставщиком» данных для расчета показателей налоговой нагрузки может являться система управленческого учета.

В зависимости от целей анализа можно рассчитывать показатели собственно налоговой нагрузки и нагрузки по прочим обязательным платежам. Однако предпочтительнее анализировать общую фискальную нагрузку на бизнес.

Предлагаемый нами алгоритм оценки налоговой нагрузки в группе компаний состоит из следующих этапов.

Этап 1. Расчет интегрального показателя налоговой (или общей фискальной) нагрузки предлагается производить по ранее предложенной формуле (3).

Для проведения анализа изменения данного показателя факторная модель должна включать в себя ВГО как отдельную переменную, влияние которой возможно оценить.

Этап 2. Расчет частных показателей налоговой нагрузки осуществляется на основании формул табл. 2 и с учетом приведенных в ней рекомендаций для реализа-

¹ МСФО (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность».

² О консолидированной финансовой отчетности: Федеральный закон от 27.07.2010 № 208-ФЗ.

ции факторного анализа влияния структуры налоговых платежей в группе, налоговых льгот, налоговых юрисдикций и иных факторов на рассматриваемые частные показатели.

Этап 3. При необходимости оценки эффективности функционирования в рамках группы компаний следует рассчитывать указанные показатели по каждой компании в отдельности, а затем сравнивать их с показателями, рассчитанными по группе в целом (соблюдая при этом требование сопоставимости данных).

Таким образом, предложенная методика оценки налоговой нагрузки в группе компаний позволяет элиминировать влияние свойственных объединениям бизнеса факторов на сопоставимость анализируемых данных. Реализация данной методики, вследствие применения идентичных подходов к расчету, позволяет избежать несопоставимости и пересчета данных при сравнении интегрального и частных показателей налоговой нагрузки группы и в равной степени применима для всех организаций и их объединений, функционирующих в российской налоговой юрисдикции.

Заключение

В настоящем исследовании предпринята попытка изучить подходы к расчету показателей налоговой нагрузки, оформившиеся в отечественной и зарубежной научной среде. Выделены два принципиально разных способа расчета интегрального показателя: 1) налоговая нагрузка, рассчитанная по данным, сформированным методом начисления; 2) уровень денежного изъятия фирмы в связи с уплатой налогов, сборов и иных обязательных платежей, рассчитанный кассовым методом. Выбор способа расчета налоговой нагруз-

ки зависит от поставленных целей исследования. Вместе с тем решению задачи анализа влияния факторов на изменение налоговой нагрузки в большей степени отвечают показатели, сформированные методом начисления, основываясь на котором разработана авторская методика расчета интегрального и системы частных показателей налоговой нагрузки.

Результаты проведенного исследования представляют ценность как для теории, так и для практики налогового анализа. В развитие теоретической стороны вопроса предлагается более широкий перечень фискальных платежей для включения в расчет налоговой и общей фискальной нагрузки на бизнес. Для удовлетворения потребностей профессионального сообщества предложена поэтапная методика расчета и анализа показателей налоговой нагрузки, а также модели для проведения факторного анализа.

Подчеркнем, что предложенная методика в определенной степени не совершенна: она не содержит подходов к оценке доли налоговой нагрузки, возникающей вследствие наличия внутригрупповых оборотов, и не рассматривает факторный анализ налога на прибыль при включении в модель факторов наличия прочих паракфискальных платежей и расходов, сопутствующих исполнению налогоплательщиками своих законных обязанностей. Кроме того, мы осознанно не рассматривали позицию государства по вопросу оценки тяжести налоговой нагрузки, поскольку рассмотрение налоговой нагрузки на макроуровне выходит за рамки настоящего исследования и заслуживает отдельного внимания.

Решение обозначенных в статье проблемных вопросов составляет перспективы дальнейших авторских исследований.

Список литературы

1. Горский И.В. К проблеме налоговой нагрузки в России // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 1. С. 121–126.
2. Kastan M., Machova Z. Tax burden in EU countries – a comparative study // Bulletin of the Transilvania University of Brasov. 2010. № 3. P. 263–270.

3. *Atrostic B.K., Nunns J.R.* Measuring tax burden: A Historical perspective // Fifty years of economic measurement: The jubilee of the conference on research in income and wealth, 12–14 May 1988. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 343–420.
4. *Duan T., Ding R., Hou W., Ziyang J.Z.* The burden of attention: CEO publicity and tax avoidance // Journal of Business Research. December 29, 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=3103947> (дата обращения: 19.11.2017).
5. *McClure R., Lanis R., Wells P., Govendir B.* The impact of dividend imputation of corporate tax avoidance // Journal of Corporate Finance. 2018. №48. P. 492–514. doi: 10.1016/j.jcorpfin.2017.10.007.
6. *Rogers J., Philippe C.* The Tax burden of typical workers in the EU 28. Paris Bruxelles: Institut Économique Molinari Publ., 2015. 11 p.
7. *Коростелкина И.А.* Методика расчета налоговой нагрузки экономических субъектов // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 32. С. 41–51.
8. *Литвин М. И.* Налоговая нагрузка и экономические интересы предприятий // Финансы. 1998. № 5. С. 29–31.
9. *Гребнев Г.Д., Островенко Т.К.* Проблемы оптимизации налоговых издержек, налоговой нагрузки и рентабельности бизнеса в коммерческих организациях // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 8. С. 170–174.
10. *Иванова С.А., Кириченко Е.А.* Определение источника уплаты налогов и сборов // Вопросы современной науки и практики. 2008. № 3 (13). С. 181–188.
11. *Кадушин А.Н., Михайлова Н.М.* Насколько сильно налоговое бремя в России // Финансы. 2005. № 7. С. 15–21.
12. *Климова Н.В.* Методические аспекты оценки налоговой нагрузки коммерческих организаций // Научный электронный архив (электронный научный журнал). URL: <http://econf.rae.ru/article/6073> (дата обращения: 19.11.2017).
13. *Кирова Е. А.* Налоговая нагрузка: как ее определять? // Финансы. 2009. № 4. С. 29–33.
14. *Бондарчук Н.В.* Анализ налоговой нагрузки // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2009. № 8 (35). С. 19–25.
15. *Бондарчук Н.В., Грачева М.Е., Ионова А.Ф., Карпасова З.М., Селезнева Н.Н.* Финансово-экономический анализ для целей налогового консультирования. М.: Информбюро, 2009. 304 с.
16. *Микрюков В.А.* Ограничения и обременения гражданских прав. М.: Статут, 2007. 255 с.
17. *Мороз В.В.* Определение налоговой нагрузки на предприятии // Бизнес в законе. 2012. № 4. С. 129–132.
18. *Нуртдинова Г.А.* Взаимосвязь налоговой нагрузки и цен на продукцию нефтегазовой отрасли // Финансы и кредит. 2009. № 48. С. 50–54.
19. *Резвушкин С.В.* Налоговое бремя и налоговая нагрузка // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 12–1. С. 174–175.
20. *Лаптева Л.Н., Лаптева А.В.* Интегральные показатели налоговой нагрузки // Экономика и управление: прошлое, настоящее, будущее: материалы международной заочной научно-практической конференции. Ч. I, 15 мая 2012 г., Новосибирск: Сибирская ассоциация консультантов, 2012. 144 с. URL: <https://sibac.info/conf/econom/xiii/27951> (дата обращения: 19.11.2017).
21. *Кузнецова О.Н.* Налоговая нагрузка на предприятие и способы ее оптимизации // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 3 (1). С. 34–36.
22. *Fynchina H.* Tax burden of economic sectors in Kyrgyz Republic // Sosyoekonomi. 2008. № 2. P. 179–189.
23. *Bebeșelea M.* Empirical study on the perception of the economic entities on the taxation in Romania // Journal of Knowledge Management, Economics and Information Technology. 2012. Vol. 2. Iss. 3 June. URL: <http://www.scientificpapers.org/economics/empirical-study-on-the-perception-of-the-economic-entities-on-the-taxation-in-romania/> (дата обращения: 19.11.2017).
24. *Szarowska I.* Theory and practice of tax burden in the European Union // Proceedings of the 12th International Conference on Finance and Banking, 28–29 Oct. 2009. Karviná: Silesian university in Opava, 2010. P. 224–234.
25. *Sikwila N.M., Karedza G., Mungadza A.* Tax collection constraints, and tax burden on the urban informal sector enterprises: Evidence from Bulawayo, Zimbabwe // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2016. Vol. 7. № 6. P. 79–86. doi: 10.5901/mjss.2016.v7n6p79.

26. Wang S., Ma L., Lu B. Research on evaluation of the level of tax and fee burden of private enterprises in China //BioTechnology. An Indian Journal. 2014. Vol.10. Iss. 21. URL: <http://www.tsijournals.com/articles/research-on-evaluation-of-the-level-of-tax-and-fee-burden-of-private-enterprises-in-china.pdf> (дата обращения: 19.11.2017).

Статья поступила в редакцию 29.11.2017

Сведения об авторах

Городилов Михаил Анатольевич – доктор экономических наук, доцент, и.о. декана экономического факультета, заведующий кафедрой учета, аудита и экономического анализа, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: gorodilov59@yandex.ru).

Коняева Татьяна Викторовна – ассистент кафедры учета, аудита и экономического анализа, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: konyaeva.tv159@gmail.com).

References

1. Gorskii I.V. К проблеме налоговой нагрузки в России [To the problem of the tax burden in Russia]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Law], 2015, no. 1, pp. 121–126. (In Russian).
2. Kastan M., Machova Z. Tax burden in EU countries – a comparative study. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov*, 2010, no. 3, pp. 263–270.
3. Atrostic B.K., Nunns J.R. Measuring tax burden: A historical perspective. *Fifty years of Economic Measurement: The Jubilee of the Conference on Research in Income and Wealth, 12–14 May 1988*. Chicago, University of Chicago Press, 1991, pp. 343–420.
4. Duan T., Ding R., Hou W., Ziyang J.Z. The burden of attention: CEO publicity and tax avoidance. *Journal of Business Research*, January, 2018. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3103947> (accessed 19.11.2017).
5. McClure R., Lanis R., Wells P., Govendir B. The impact of dividend imputation of corporate tax avoidance. *Journal of Corporate Finance*, 2018, no. 48, pp. 492–514. doi: 10.1016/j.jcorpfin.2017.10.007.
6. Rogers J., Philippe C. *The Tax burden of typical workers in the EU 28*. Paris – Bruxelles, Institut Économique Molinari Publ., 2015. 11 p.
7. Korostelkina I.A. Metodika rascheta nalogovoi nagruzki ekonomicheskikh sub"ektov [Economic entities' tax burden calculation methodology]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet* [International Accounting], 2014, no. 32, pp. 41–51. (In Russian).
8. Litvin M. I. Nalogovaya nagruzka i ekonomicheskie interesy predpriyatii [Tax burden and economic interests of the enterprises]. *Finansy* [The Finance], 1998, no. 5, pp. 29–31. (In Russian).
9. Grebnev G.D., Ostrovenko T.K. Problemy optimizatsii nalogovykh izderzhkek, nalogovoi nagruzki i rentabel'nosti biznesa v kommercheskikh organizatsiyakh [The problem of optimization of tax costs, tax burden and profitability of the business in commercial organizations]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State University], 2013, no. 8, pp. 170–174. (In Russian).
10. Ivanova S.A., Kirichenko E.A. Opredelenie istochnika uplaty nalogov i sborov [Assessment of the source of payment of taxes and collections]. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki* [Problems of Contemporary Science and Practice], 2008, no. 3(13), pp. 181–188. (In Russian).
11. Kadushin A.N., Mikhailova N.M. Naskol'ko posil'no nalogovoe bremya v Rossii [How far is the tax burden in Russia]. *Finansy* [The Finance], 2005, no. 7, pp. 15–21. (In Russian).
12. Klimova N.V. Metodicheskie aspekty otsenki nalogovoi nagruzki kommercheskikh organizatsii [Methodical aspects of estimation of tax burden of commercial organizations]. *Nauchnyi elektronnyi arkhiv* [Scientific Electronic Archive]. Available at: <http://econf.rae.ru/article/6073> (accessed 19.11.2017). (In Russian).
13. Kirova E. A. Nalogovaya nagruzka: kak ee opredelyat'? [Tax burden: How is it determined?]. *Finansy* [The Finance], 2009, no. 4, pp. 29–33. (In Russian).

14. Bondarchuk N.V. Analiz nalogovoi nagruzki [Tax burden analysis]. Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo torgovo-ekonomicheskogo universiteta [Herald of Russian State University of Trade and Economics], 2009, no. 8(35), pp. 19–25. (In Russian).
15. Bondarchuk N.V., Gracheva M.E., Ionova A.F., Karpasova Z.M., Selezneva N.N. *Finansovo-ekonomicheskii analiz dlya tselei nalogovogo konsul'tirovaniya* [Financial and economic analysis for tax consulting purposes]. Moscow, Informbyuro Publ., 2009. 304 p. (In Russian).
16. Mikryukov V.A. Ogranicheniya i obremeneniya grazhdanskikh prav [Restrictions and encumbrances of civil rights]. Moscow, Statut Publ., 2007. 255 p. (In Russian).
17. Moroz V.V. Opredelenie nalogovoi nagruzki na predpriyatii [The definition of tax burden at an enterprise]. *Biznes v zakone* [Business in Law], 2012, no. 4, pp. 129–132. (In Russian).
18. Nurtdinova G.A. Vzaimosvyaz' nalogovoi nagruzki i tsen na produktsiyu nef-tegazovoi otrasli [The relationship between the tax burden and prices of oil and gas industry]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2009, no. 48, pp. 50–54. (In Russian).
19. Rezvushkin S.V. Nalogovoe bremya i nalogovaya nagruzka [Tax burden and tax load]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Innovatsionnaya nauka»* [International Scientific Journal "Innovative Science"], 2016, no. 12-1, pp. 174–175. (In Russian).
20. Lapteva L.N., Lapteva A.V. Integral'nye pokazateli nalogovoi nagruzki [The tax burden integral indicators]. *«Ekonomika i upravlenie: proshloe, nastoyashchee, budushchee»: Materialy mezh-dunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' I, 15 maya 2012 g.* [Economics and Management: Past, Present, Future: Proceedings of the International Correspondence Scientific and Practical Conference. Part I, 15 May 2012]. Novosibirsk, Sibirskaya assotsiatsiya konsul'tantov Publ., 2012. Available at: <https://sibac.info/conf/econom/xiii/27951> (accessed 19.11.2017). (In Russian).
21. Kuznetsova O.N. Nalogovaya nagruzka na predpriyatie i sposoby ee optimizatsii [The tax burden on the enterprise and ways of its optimization]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald], 2012, no. 3(1), pp. 34–36. (In Russian).
22. Fynchina H. Tax Burden of Economic Sectors in Kyrgyz Republic. *Sosyoekonomi*, 2008, no. 2, pp. 179–189.
23. Bebeșelea M. Empirical study on the perception of the economic entities on the taxation in Romania. *Journal of Knowledge Management, Economics and Information Technology*, 2012, no. 3. Available at: http://www.scientificpapers.org/wpcontent/files/1281_Bebeselea_Mihaela_EMPIRICAL_STUDY_ON_THE_PERCEPTION_OF_THE_ECONOMIC_ENTITIES_ON_THE_TAXATION_IN_ROMANIA.pdf (ac-cessed 19.11.2017).
24. Szarowska I. Theory and practice of tax burden in the European Union. *Proceedings of the 12th International Conference on Finance and Banking*, 28–29 October 2009. Karviná, Silesian University in Opava, 2010, pp. 224–234.
25. Sikwila N.M., Karedza G., Mungadza A. Tax collection constraints, and tax burden on the urban informal sector enterprises: Evidence from Bulawayo, Zimbabwe. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2016, vol. 7, no. 6, pp. 79–86. doi: 10.5901/mjss.2016.v7n6p79.
26. Wang S., Ma L., Lu B. Research on evaluation of the level of tax and fee burden of private enterprises in China. *BioTechnology. An Indian Journal*, 2014, vol. 10, no. 21. Available at: <http://www.tsijournals.com/articles/research-on-evaluation-of-the-level-of-tax-and-fee-burden-of-private-enterprises-in-china.pdf> (accessed 19.11.2017).

The date of the manuscript receipt: 29.11.2017

Information about the Authors

Gorodilov Mikhail Anatolyevich – Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Accounting, Audit and Economic Analysis, Perm State University (15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia; e-mail: gorodilov59@yandex.ru).

Konyaeva Tatyana Viktorovna - Assistant at the Department of Accounting, Audit and Economic Analysis, Perm State University (15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia; e-mail: konyaeva.tv159@gmail.com).

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Городилов М.А., Коняева Т.В. Совершенствование методики оценки налоговой нагрузки в группе компаний // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2018. Том 13. № 2. С. 282–302. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-282-302

Please cite this article in English as:

Gorodilov M.A., Konyaeva T.V. Improvement of methods for estimation of tax barden in a group of companies. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy.* 2018, vol. 13, no. 2, pp. 282–302. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-282-302

doi 10.17072/1994-9960-2018-2-303-318

УДК 338.246.87

ББК 65.290-93

JEL Code G30

ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК КОМПЛЕКСНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАЩИЩЕННОСТИ ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗЦИЙ – УЧАСТНИКОВ ВЭД

Владимир Юрьевич СавинORCID ID: [0000-0002-9312-738X](https://orcid.org/0000-0002-9312-738X)Электронный адрес: savin.msu@gmail.com

ЗАО «РосБизнесКонсалтинг»

117393, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 78, стр. 1

В основу настоящего исследования положено понимание экономической безопасности как комплексной характеристики защищенности финансово-хозяйственной деятельности организации от внешних и внутренних угроз. Методическую основу исследования составили общенаучные методы и комплексный инструментарий экономического анализа. Обосновывается необходимость управления экономической безопасностью организаций – участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) с помощью соответствующих индикаторов, позволяющих выявить слабые звенья в их деятельности и определить важные направления повышения ее эффективности. Предложенный перечень индикаторов оценки уровня экономической безопасности организаций – участников внешнеэкономической деятельности охватывает вопросы маркетинга, инвестиционной привлекательности акций организации, показатели финансово-хозяйственной эффективности бизнеса, качества и востребованности экспортной продукции. Обоснованы пороговые значения индикаторов и предложена методика расчета обобщающего показателя оценки экономической безопасности организаций – участников внешнеэкономической деятельности. Показано, что предложенный перечень индикаторов и авторская методика могут быть приняты за основу организациями – участниками внешнеэкономической деятельности при разработке внутрифирменного стандарта «Перечень индикаторов экономической безопасности организации – участника внешнеэкономической деятельности». Сформулированный в статье методический подход при условии корректировки перечня индикаторов также может использоваться для оценки экономической безопасности других организаций, деятельность которых не связана с международными рынками. Авторская методика оценки экономической безопасности организаций – участников ВЭД может представлять интерес как для теоретиков, так и для практиков экономического анализа, интересующихся вопросами управления экономической безопасностью организаций. Разработка конкретных практических рекомендаций по повышению эффективности управления экономической безопасностью организаций – участников внешнеэкономической деятельности на основе предложенного инструментария оценки экономической безопасности составляет перспективы дальнейших исследований автора.

Ключевые слова: экономическая безопасность, организации – участники внешнеэкономической деятельности, управление экономической безопасностью, внутрифирменные стандарты, банкротство организации, индикаторы оценки, пороговые значения, интегральный показатель.

ECONOMIC SECURITY INDICATORS AS A COMPLEX CHARACTERISTIC OF SECURITY OF FINANCIAL AND BUSINESS ACTIVITY OF ORGANIZATIONS PARTICIPATING IN FOREIGN-ECONOMIC ACTIVITY

Vladimir Yu. Savin

ORCID ID: [0000-0002-9312-738X](https://orcid.org/0000-0002-9312-738X)

E-mail: savin.msu@gmail.com

CJSC “RosBiznesKonsalting”

1, 78, Profsoyuznaya st., Moscow, 117393, Russia

The study is devoted to understanding of economic security as a complex characteristic of the protection of the financial and economic activities of the organization from external and internal threats. The research is based on general scientific methods and complex tools of economic analysis. The importance to manage economic security of organizations participating in foreign-economic activity is substantiated with corresponding indicators that allow to reveal weaknesses in the activity of these organizations and to determine important trends to increase the activity efficiency. The suggested list of indicators that assess the economic security of organizations participating in foreign-economic activity includes the issues of marketing, investment attractiveness of company shares, indices of financial and economic activity of business, of product quality and demand. Threshold values of these indicators are substantiated and methods to calculate a generalizing indicator of economic security of organizations participating in foreign-economic activity are suggested. It has been demonstrated that the suggested list of indicators and the original methodology can be used by organizations participating in foreign-economic activity when developing the company standard “List of economic security indicators of organizations participating in foreign- economic activity”. The approach suggested in the article also may be used to assess economic security of other organizations that are not involved in foreign-economic activity in case necessary corrections of the indicator list are made. Theorists and experts in economic analysis who are involved in the study of economic security management of organization may be interested in the original methods that allow assessing the economic security of organizations participating in foreign-economic activity. Further studies will concern the development of particular practical guidelines to increase the efficiency of economic security management of organizations participating in foreign-economic activity. These guidelines will be based on the suggested tools for the assessment of economic security.

Keywords: economic security, organizations participating in foreign-economic activity, management of economic security, company standards, organization bankruptcy, assessment indicators, threshold values, integral indicator.

Введение

Определения понятия безопасности, а также объектов и субъектов безопасности обозначены Федеральным законом № 390-ФЗ «О безопасности» от 28 декабря 2010 г., который относит к ее объектам государство, общество и личность, а к субъектам – государство, граждан, общественные организации и объединения. Отметим, что в законе отсутствуют трактовки категорий «организация» как отдельного хозяйствующего субъекта предпринимательства и «экономическая безопасность» применительно к отдельным хозяйствующим субъектам. Однако несмотря на то, что федеральным законом и иными нормативно-правовыми актами действующего

законодательства РФ экономическая безопасность на микроуровне не рассматривается, она является важным аспектом анализа финансово-хозяйственной деятельности любой организации и неоправданно исключается из рассмотрения большинством отечественных хозяйствующих субъектов.

В значительной степени это обусловлено отсутствием теоретических и методических подходов к оценке экономической безопасности на микроуровне, а также тем, что ее место и роль в системе комплексного экономического анализа до сих пор не определены.

В научной литературе, соответствующей данной проблематике, не сформировано единого понимания термина

«экономическая безопасность организации». Как указывает И.В. Глустенков, первоначально понятие экономической безопасности рассматривалось как обеспечение условий сохранения коммерческой тайны и других секретов предприятия. Такая трактовка экономической безопасности была распространена в начале 1990-х гг., что связано с необходимостью защиты коммерческой информации в этот период [1].

В современных условиях под экономической безопасностью, на наш взгляд, следует понимать защищенность научно-технического, технологического, производственного и кадрового потенциала организации как от внутренних, так и от внешних угроз.

Отдельного внимания при этом заслуживает экономическая безопасность организаций, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность или ввоз в Российскую Федерацию и вывоз из нее товаров, информации, результатов интеллектуальной деятельности (прав на них), т. н. организаций – участников ВЭД. Более сложные механизмы международного законодательного регулирования, высокая конкуренция, многократно увеличивающееся количество внешних угроз делают проблему оценки экономической безопасности именно организаций – участников ВЭД в высшей степени актуальной.

Значимость обеспечения экономической безопасности организации в современном понимании этого термина обуславливает необходимость разработки методики, позволяющей оценить уровень защищенности организации от внешних и внутренних угроз. В настоящей статье мы предпринимаем попытку решения проблемы выбора индикаторов, максимально точно характеризующих уровень экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Мы исследуем возможность и пути оценки экономической безопасности организации – участника ВЭД на основе применения методов комплексного экономического анализа и с учетом ориентации на последующую разработку внутрифирмен-

ного стандарта «Перечень индикаторов экономической безопасности организации – участника внешнеэкономической деятельности», наличие которого свидетельствует о высоком качестве внутреннего корпоративного контроля, повышает доверие со стороны деловых партнеров и потенциальных инвесторов организации.

Следует заметить, что подходы к оценке экономической безопасности организации, функционирующей только на внутреннем рынке, и организации – участника ВЭД могут быть близки. При использовании системы индикаторов в обоих случаях целесообразно как определять общий уровень экономической безопасности на основе обобщающего показателя (балльно-рейтинговая оценка), так и изучать изменение каждого индикатора в отдельности (это прежде всего реализуется с помощью проведения трендового и факторного анализа).

Тем не менее настоящее исследование акцентирует внимание именно на экономической безопасности организаций – участников ВЭД, а описанная методика предлагает ряд специфических для участников ВЭД индикаторов.

Как отмечалось выше, основу для создания методики оценки экономической безопасности хозяйствующих субъектов, в том числе участников ВЭД, составляют способы и приемы экономического анализа. В данном контексте целесообразно в первую очередь рассматривать коэффициентный анализ показателей финансового состояния организации и финансовой устойчивости, финансовых результатов и эффективности деятельности, а также ряд специфических показателей.

Однако помимо показателей рентабельности и финансовой устойчивости авторская методика предлагает перечень индикаторов экономической безопасности и их пороговых значений, отклонение от которых в ту или иную сторону может привести к банкротству. Это свидетельствует в том числе и о необходимости исследовать релевантные разработки отечественных и зарубежных ученых-экономистов в

области выявления признаков предбанкротного состояния организации.

Экономическая безопасность как объект современных экономических исследований: обзор литературы

Современной экономической мысли удалось значительно продвинуться вперед в исследовании вопросов, связанных с финансовым анализом на микроуровне.

Вопросы оценки финансового состояния хозяйствующих субъектов подробно рассмотрены в работах таких методологов анализа хозяйственной деятельности, как М.И. Баканов, А.Д. Шеремет, М.В. Мельник, Е.В. Негашев, Г.В. Савицкая и др. Стоит отметить, что указанные исследователи считают финансовую устойчивость хозяйствующего субъекта одной из важнейших характеристик финансового состояния предприятия [2]. В то же время, с точки зрения Г.В. Савицкой¹, четко провести различие между понятиями «финансовое состояние» и «финансовая устойчивость» достаточно трудно. Поскольку мы в целом солидарны с позицией отечественных экономистов в отношении значимости анализа финансовой устойчивости, мы включили в перечень индикаторов экономической безопасности некоторые из показателей, максимально точно ее характеризующих.

Также значительное внимание в научной литературе уделяется применению методов финансового анализа для целей прогнозирования и выявления предбанкротных ситуаций, признаков потери финансовой устойчивости хозяйствующими субъектами, а также факторов, способствующих такому развитию событий. По данной проблематике можно выделить ряд фундаментальных работ как отечественных (Ю.А. Беликов, О.П. Зайцева, Р.С. Сайфуллин и Г.Г. Кадыков), так и зарубежных ученых (в большинстве своем представлены моделями Э. Альтмана, Ж. Лего, Р. Лис, Г. Спрингейта, Р. Тафлера, Г. Тишоу, а также их модификация-

ми) [3]. Мы сознательно уходим от разработки сложной математической модели, поскольку такая модель будет ограниченно применима в условиях, отличных от тех, для которых она была разработана.

Широкое применение различных по своему смыслу индикаторов, в большинстве случаев рассчитываемых на основе данных финансового и управленческого учета организаций, как в теории, так и на практике лишь подтверждает глубину и безграничность имеющихся и потенциальных научных работ.

Обзор литературных источников по рассматриваемой теме свидетельствует также о том, что, когда речь идет об индикаторах экономической безопасности хозяйствующих субъектов, в основном проблема рассматривается на региональном уровне. Так, вопросы обеспечения функционирования системы экономической безопасности на уровне региона и государства нашли отражение в работах авторских коллективов В.И. Сигова и А.А. Песоцкого [4], Т.Ю. Ткачевой и Л.В. Афанасьевой [5]. По нашему мнению, данные исследования тесно связаны с исследованиями экономической безопасности на уровне отдельных организаций. В частности, в исследовании Т.Ю. Ткачевой и Л.В. Афанасьевой представлена логическая схема, описывающая систему экономической безопасности в России. Научный интерес, в том числе и в контексте данного исследования, представляет подход, при котором каждая подсистема указанной системы рассматривается на микро-, мезо- и макроуровнях. Подсистема субъекта управления экономической безопасностью на микроуровне, по замыслу авторов, включает в себя руководителей и органы управления коммерческих и некоммерческих организаций, общественных объединений, граждан. Коммерческие и некоммерческие организации, общественные объединения и другие рассматриваются как социально-экономические системы, развивающиеся с определенными закономерностями, имеющие цели, структуру, внешние и внутренние связи, действующие под влиянием факторов внешней конкурентной среды.

¹ См. Савицкая Г.В. Экономический анализ: учебник. 14-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 649 с.

В области исследования вопросов экономической безопасности фирмы можно выделить научные работы Н.А. Казаковой и А.Н. Ивановой [6], А.А. Тютяева и Е. С. Джевицкой [7], Е.Н. Поповой [8], В.Л. Поздеева [9].

Н.А. Казакова и А.Н. Иванова разработали 6 этапов оценки финансовой безопасности организации, представляющей собой подсистему экономической безопасности организации. Авторы рассматривают показатели маржинального дохода, операционного рычага, ликвидности и рентабельности, некоторые из которых мы также предлагаем включать в перечень индикаторов оценки экономической безопасности организаций – участников ВЭД. Недостаток упомянутой выше методики состоит в том, что она позволяет оценивать только один, хотя и наиболее важный, аспект экономической безопасности хозяйствующего субъекта – финансовую безопасность [6].

Е.Н. Попова также предлагает методику оценки исключительно финансовой безопасности хозяйствующего субъекта. Интересно, однако, что автор предлагает систему индикаторов оценки уровня экономической безопасности хозяйствующего субъекта, выводит некоторые пороговые значения для выбранных индикаторов [8]. Для построения нашей методики мы также использовали систему индикаторов, для которых установлены пороговые значения, однако сделали это с учетом специфики компаний, осуществляющих ВЭД. В целом считаем подход Е.Н. Поповой обоснованным, однако недоработанным с точки зрения оценки полученных результатов и сформулированных выводов. В нашем исследовании мы развиваем подход Е.Н. Поповой посредством введения обобщающего показателя, который с использованием элементов балльно-рейтинговой системы оценивания позволяет при необходимости не только отслеживать динамику общего уровня экономической безопасности организации – участника ВЭД, но и формировать рейтинг таких организаций.

Несколько иной взгляд на оценку экономической безопасности сложился в

зарубежной научной литературе. Например, зарубежными исследователями рассматривается более широкий спектр компонентов экономической безопасности фирмы, включающих, к примеру, социальную ответственность бизнеса (SC, social responsibility) [10] и человеческий капитал [11].

Однако в контексте различных исследований финансовой устойчивости и финансовой безопасности практически не затрагиваются особенности организаций – участников ВЭД, для которых, как мы считаем, необходимо адаптировать или разрабатывать отдельные методики анализа. Это обусловлено наличием специфических рисков, связанных с ведением деятельности в нескольких юрисдикциях. Внимание к данной проблеме попытались привлечь Ch. Lipson [12], который рассматривает риски безопасности, являющиеся последствиями международной кооперации в экономике, а также А. Khajeh-Hosseini с соавторами [13] и Е.Е. Anderson с соавторами [14], исследующие риски информационной безопасности, которые характерны и для организаций – участников ВЭД.

В научной среде имеется целый ряд актуальных исследований и в области анализа эффективности внешнеэкономической деятельности организации. Так, например, видятся весьма прогрессивными взгляды С.Ю. Чанышевой [15] на оценку эффективности внешнеэкономических операций. Автор рассматривает финансовый анализ как инструмент анализа ВЭД, однако не развивает указанную идею далее и не предлагает показателей или систем показателей, которые наиболее всего подходили бы для проведения анализа внешнеэкономических операций на микроуровне.

С.И. Шиленко, М.В. Емельянова предлагают собственную методику оценки эффективности внешнеэкономической деятельности организации, в ходе анализа которой указанные исследователи акцентируют внимание на расчете показателей эффективности импорта товаров производственного назначения и народного потребления [16].

Целью научных исследований Л.М. Бабак, О.А. Веретенниковой, В.А. Осипова [17] также является рассмотрение методов оценки эффективности внешнеэкономической деятельности предприятия. Авторы разрешают трудности методологического плана, предлагают в качестве ключевого метод факторного анализа обобщающего показателя, однако не вводят формулу его расчета и оставляют на усмотрение пользователей сам по себе выбор показателей для включения в факторную модель.

В работе Ю.Р. Мезенцевой [18] представлена разработка теоретических положений и методических основ по совершенствованию системы аналитического обеспечения холдингов, направленных на повышение качества учетно-аналитической информации, служащей базой для принятия управленческих решений в сфере внешнеэкономической деятельности. Автор обосновывает необходимость использования инструментов экономико-математического моделирования для целей анализа и предлагает модель анализа внешнеэкономической деятельности в холдинговых структурах.

Анализ вопросов, связанных с оценкой внешнеэкономической деятельности, нашел свое отражение и в работах других ученых – в научной статье Е.А. Барышевой [19], в монографии С.Л. Соркина «Эффективность внешнеэкономической деятельности», в которой автор исследует теоретико-методологические и практические аспекты проблемы эффективности внешнеэкономической деятельности предприятия [20, с. 51–61], и др.

Заслуживают внимания исследования, отражающие региональный аспект эффективности внешнеэкономической деятельности, в частности работы С.Н. Расторцевой, Е.Э. Колчинской [21].

Вместе с тем в научной литературе практически отсутствуют исследования, в которых предлагается система индикаторов экономической безопасности именно организаций – участников внешнеэкономической деятельности как отдельных хозяйствующих субъектов. Полагаем, что предложенный нами перечень индикато-

ров позволит восполнить ограниченность существующих методических предложений по данной проблематике.

Обоснование перечня индикаторов и разработка методики оценки интегрального показателя экономической безопасности организаций – участников ВЭД

Методика, представленная далее в статье, может служить основой для разработки внутрифирменных стандартов управления экономической безопасностью организаций – участников ВЭД. Разработка указанных стандартов позволит унифицировать аналитическую деятельность организаций, что обеспечит возможности для оценки угроз безопасности на ранних стадиях проявления [9].

Заметим, что на сегодняшний момент внедрение внутрифирменных стандартов управления финансово-хозяйственной деятельностью в крупных организациях и холдинговых структурах является обычной практикой. Наиболее широкое распространение получили стандарты риск-менеджмента, однако в ряде корпораций разработаны и внедрены и стандарты управления экономической безопасностью. В частности, с 28 октября 2011 г. нормативный документ «Система управления экономической безопасностью» действует на предприятиях АО «РЖД».

Высокая ценность внедрения таких стандартов для организаций – участников ВЭД, финансовые риски которых, в частности риски неплатежеспособности, существенно выше в сравнении с организациями, функционирующими исключительно на внутреннем рынке, не может быть поставлена под сомнение.

Организации – участники внешнеэкономической деятельности должны разрабатывать и утверждать внутрифирменные стандарты экономической безопасности, включающие конкретные методики анализа показателей рентабельности, финансовой устойчивости, а также индикаторов экономической безопасности и их пороговых значений, отклонение от которых

в ту или иную сторону может привести к банкротству.

Основными инструментами управления экономической безопасностью организации – участника внешнеэкономической деятельности должны стать индикаторы экономической безопасности организации, позволяющие выявить слабые звенья в ее деятельности и определить важные направления, способствующие повышению ее эффективности.

Для включения в перечень индикаторов и их пороговых значений для организации – участника внешнеэкономической деятельности мы выбрали ряд показателей, позволяющих наиболее полно охарактеризовать их состояние с позиции обеспечения экономической безопасности.

Понятие «пороговые значения для оценки состояния экономической безопасности» впервые были предложены С.Ю. Глазьевым применительно к федеральному уровню управления в виде 22 показателей, увязывающих состояние экономической безопасности с динамикой производства, состояния бюджета и государственного долга [22]. Затем в начале 2000-х гг. В.К. Сенчаговым¹ были предложены пороговые индикаторы для оценки экономической безопасности регионов.

Что касается индикаторов экономической безопасности на уровне организации – участника ВД, то они, как уже отмечалось, предлагаются впервые (табл. 1).

Таблица 1

Система индикаторов экономической безопасности организации – участника ВЭД РФ

№ п/п	Индикатор	Пороговое значение	Фактическое значение	Характер влияния (прямой/ обратный)
1	Доля экспортной продукции в общем объеме выпуска	50–70%	90%	+
2	Доля затрат на производство экспортной продукции в общей себестоимости	50–70%	80%	+
3	Доля экспортируемых товаров со знаком качества	90–95%	98%	+
4	Доля рекламируемых экспортируемых товаров	90–95%	95%	+
5	Доля инновационных экспортируемых товаров	90–95%	95%	+
6	Доля экспортируемых товаров с привлекательным дизайном	95–98%	100%	+
7	Доля экологически чистых экспортируемых товаров	95–98%	100%	+
8	Востребованность продукции на внешнем рынке	70–90%	95%	+
9	Востребованность продукции в странах Евразийского союза	70–90%	100%	+
10	Востребованность продукции на российском рынке	70–90%	100%	+
11	Рентабельность экспортной продукции	90–95%	138%	+
12	Рентабельность продаж	90–95%	158%	+
13	Рентабельность активов	80–90%	95%	+
14	Рентабельность инвестиций	90–95%	90%	+
15	Рентабельность собственного капитала	90–95%	95%	+
16	Рентабельность основной деятельности	Среднеотраслевой уровень	Выше	+

¹ См. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник. 2-е изд. / под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. 896 с.

Окончание табл. 1

№ п/п	Индикатор	Пороговое значение	Фактическое значение	Характер влияния (прямой/ обратный)
17	Рыночная (курсовая) цена акции	Падает	Растет	+
18	Рыночная капитализация	Падает	Растет	+
19	Доходность акции	Падает	Растет	+
20	Полная доходность акции	Падает	Растет	+
21	Мультипликатор рынка	Высокий	Низкий	+
22	Текущая доходность акции	Падает	Растет	+
23	Коэффициент соотношения цены и стоимости акции	Падает	Растет	+
24	Фондоотдача основных средств	Среднеотраслевой уровень	Выше	+
25	Материалоотдача	Среднеотраслевой уровень	Выше	+
26	Оборачиваемость активов	Среднеотраслевой уровень	Выше	+
27	Оборачиваемость кредиторской задолженности	Падает	Растет	+
28	Период оборота кредиторской задолженности	Падает	Растет	+
29	Себестоимость единицы продукции	Среднеотраслевой уровень	Ниже	+
30	Удельный вес бракованной продукции	Норматив	Ниже нормативной	+
31	Физический износ основных средств	Не выше 30–50%	10	+
32	Моральный износ основных средств	1–2%	2	+
33	Владение контрольным пакетом акций	50–70%	96%	+
34	Наличие кооперационных связей	2–3	5	+
35	Членство в составе транснациональных корпораций	Нет	Да	+
36	Сформирована собственная база клиентов	300–500	3500	+
37	Карты постоянного клиента	Нет	Да	+
38	Внутренний контроль качества	Нет или одноуровневый	Трехуровневый	+
39	Гарантия на товары	Нет	Да	+
40	Коэффициент абсолютной ликвидности	Не ниже 0,2	0,2	+
41	Коэффициент срочной ликвидности	Не более 0,8–1,0 (в розничной торговле 0,4–0,5)	1,2	+
42	Коэффициент текущей ликвидности	2	1,6	–
43	Коэффициент обеспеченности собственными средствами	0,1	–0,2	–
44	Коэффициент восстановления платежеспособности	1	0,7	–
45	Коэффициент утраты платежеспособности	1	–	–

Пороговые значения индикаторов устанавливаются на уровне среднеотраслевых значений либо задаются экспертным путем и сравниваются с фактическими значениями. В нашем случае представленные в таблице 1 фактические значения индикаторов являются расчетными данными успешно функционирующей организации

– участника ВЭД. Таким образом, эффективность выбранных показателей подтверждается на практике.

Отметим, что при разработке системы индикаторов конкретной организацией не следует ориентироваться на указанные в таблице 1 пороговые значения. Они носят рекомендательный характер, и

при необходимости их можно задать, ориентируясь на собственное профессиональное суждение, и утвердить нормы во внутрифирменных стандартах. Кроме того, в перечень индикаторов включены показатели, которые могут быть оценены только в динамике («падает» – «растет»). Следо-

вательно, на первом году жизни компании их оценка нецелесообразна.

В таблице 2 представлены формулы расчета или характеристика индикаторов экономической безопасности организации – участника ВЭД РФ.

Таблица 2

Методика расчета индикаторов экономической безопасности организации – участника ВЭД РФ

№ п/п	Индикатор	Формула или краткая характеристика
1	Доля экспортной продукции в общем объеме выпуска (УД _i)	$УД_i = \frac{ВР_{эксп.}}{ВР} \cdot 100\%$, где ВР _{эксп.} – выручка от продажи товаров на экспорт, ВР – выручка от продажи всей товарной продукции
2	Доля затрат на производство экспортной продукции в общей себестоимости (УД _i)	$УД_i = \frac{Сс_{эксп.}}{Сс} \cdot 100\%$, где Сс _{эксп.} – себестоимость экспортированной продукции, Сс – себестоимость всей товарной продукции
3	Доля экспортируемых товаров со знаком качества	Доля товаров высшего сорта, или со знаком качества, или с фирменным лейблом в общем объеме товарной продукции, %
4	Доля рекламируемых экспортируемых товаров	Доля товаров, рекламируемых такими способами, как контекстная реклама, реклама на телевидении, радио, печати, SMM-продвижение, в общем объеме товарной продукции, %
5	Доля инновационных экспортируемых товаров	Удельный вес инновационной экспортной продукции в общем объеме товарной продукции, %
6	Доля экспортируемых товаров с привлекательным дизайном	Доля экспортируемых товаров с привлекательным дизайном в общем объеме товарной продукции, %
7	Доля экологически чистых экспортируемых товаров	Доля экологически чистых экспортируемых товаров в общем объеме товарной продукции, %
8	Востребованность продукции на внешнем рынке (УД _i)	$УД_i = \frac{ВР_{эксп.}}{ВР} \cdot 100\%$, где ВР _{эксп.} – выручка от продажи экспортированных товаров, ВР – вся сумма выручки от продажи произведенных товаров
9	Востребованность продукции в странах Евразийского экономического союза (УД _i ^{ЕАЭС})	$УД_i = \frac{ВР_{ЕАЭС}}{ВР} \cdot 100\%$, где ВР _{ЕАЭС} – выручка от продажи товаров странам Евразийского экономического союза, ВР – вся сумма выручки от продажи произведенных товаров
10	Востребованность продукции на российском рынке (УД _i)	$УД_i = \frac{ВР_{РФ}}{ВР} \cdot 100\%$, где ВР _{РФ} – выручка от продажи товаров в России, ВР – вся сумма выручки от продажи произведенных товаров
11	Рентабельность экспортной продукции (R _{эксп.пр.})	$R_{эксп.пр.} = \frac{ЧП_{эксп.}}{Сс_{эксп.}} \cdot 100\%$, где ЧП _{эксп.} – чистая прибыль от экспортированной продукции, Сс _{эксп.} – себестоимость от продажи экспортированной продукции
12	Рентабельность продаж	$ROS = \frac{ЧП}{ВР} \cdot 100\%$, где ROS – рентабельность продаж, ЧП – чистая прибыль, ВР – выручка от реализации товаров (работ, услуг)
13	Рентабельность активов (ROA)	$ROA = \frac{ЧП}{А} \cdot 100\%$, где ЧП – чистая прибыль, А – средняя за период величина активов
14	Рентабельность инвестиций (ROI)	$ROI = \frac{ЧП}{СК+ДЗ} \cdot 100\%$, где ЧП – чистая прибыль, СК – собственный капитал, ДЗ – долгосрочные займы
15	Рентабельность собственного капитала (ROE)	$ROE = \frac{ЧП}{СК} \cdot 100\%$, где ЧП – чистая прибыль, СК – собственный капитал

№ п/п	Индикатор	Формула или краткая характеристика
16	Рентабельность основной деятельности ($R_{\text{осн.деят.}}$)	$R_{\text{осн.деят.}} = \frac{\text{ПП}}{\text{Сс}} \cdot 100\%$, где ПП – прибыль от реализации (продаж), Сс – себестоимость реализованной продукции
17	Рыночная (курсовая) цена акции	Цена акции бывает также номинальная; балансовая
18	Рыночная капитализация (МС)	$МС = n \cdot FQ$, где n – число обыкновенных акций, FQ – курс акций
19	Доходность акции (D_a)	$D_a = \frac{\text{Пр после НО}}{n}$, где Пр после НО – прибыль после уплаты налогов, n – число выпущенных обыкновенных акций
20	Полная доходность акции ($ПД_a$)	$ПД_a = \frac{D_a}{C_a}$, где D_a – доходность акции, C_a – цена акции
21	Мультипликатор рынка (МР)	$МР = \frac{C_a}{D_a}$ или $МР = \frac{C_a}{\text{ЧП}}$, где C_a – цена акции, D_a – доходность акции, ЧП – чистая прибыль
22	Текущая доходность акции ($ТД_a$)	$ТД_a = \frac{Н_d}{C_a}$, где $Н_d$ – дивиденды на акцию (норма дивиденда), C_a – цена акции
23	Коэффициент соотношения цены и стоимости акции (К)	$К = \frac{C_a}{C_{та}}$, где C_a – цена акции, $C_{та}$ – балансовая стоимость одной акции
24	Фондоотдача основных средств (ФО)	$ФО = \frac{ВР}{\overline{ОС}}$, где ВР – выручка от реализации, $\overline{ОС}$ – средняя стоимость основных средств за период
25	Материалоотдача (МО)	$МО = \frac{ВР}{МЗ}$, где ВР – выручка от реализации, МЗ – материальные затраты
26	Оборачиваемость активов, в днях ($ДН_{ОА}$)	$ДН_{ОА} = \frac{365}{K_{об}}$, где $K_{об}$ – коэффициент оборачиваемости оборотных средств. $K_{об} = \frac{ВР}{\overline{ОА}}$, где ВР – выручка от реализации, $\overline{ОА}$ – средняя величина оборотных активов за период
27	Оборачиваемость кредиторской задолженности ($K_{об}$)	$K_{кз} = \frac{ВР}{\overline{КЗ}}$, где ВР – выручка от реализации, $\overline{КЗ}$ – средняя величина кредиторской задолженности за период
28	Период оборота кредиторской задолженности ($ДН_{КЗ}$)	$ДН_{КЗ} = \frac{365}{K_{об}}$, где $ДН_{ОА}$ – оборачиваемость кредиторской задолженности в днях, $K_{об}$ – коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности
29	Себестоимость единицы продукции, руб. ($Сс_{ед.}$)	$Сс_{ед.} = \frac{З_{пр-во} + З_{реал.}}{Q}$, где $З_{пр-во}$ – затраты на производство, $З_{реал.}$ – затраты на реализацию, Q – количество проданной продукции
30	Удельный вес бракованной продукции	Доля бракованной продукции в общем объеме товарной продукции, %
31	Физический износ основных средств ($ФИ_{ОС}$)	$ФИ_{ОС} = \frac{А_{МОС}}{ОС} \cdot 100\%$, где $А_{МОС}$ – начисленная амортизация основных средств, ОС – первоначальная стоимость всех основных средств
32	Доля морально устаревших основных средств в общем объеме основных средств ($УД_i$)	$УД_i = \frac{ОС_{уст.}}{ОС} \cdot 100\%$, где $ОС_{уст.}$ – первоначальная стоимость морально устаревших основных средств, ОС – первоначальная стоимость всех основных средств

№ п/п	Индикатор	Формула или краткая характеристика
33	Владение контрольным пакетом акций	Оценивается путем определения доли акций организации, которыми она располагает, в процентах от общего количества акций
34	Наличие кооперационных связей	Указать количество организаций, с которыми существуют внешние или внутренние кооперационные связи
35	Членство в составе транснациональных корпораций	Указать название транснациональной корпорации, в состав которой входит или с которой кооперирует организация
36	Сформирована собственная база клиентов	Численность в подписной базе клиентов, зарегистрированных через форму подписки на сайте организации, которым систематически рассылается информация о новых товарах, поступлениях, распродажах, акциях
37	Карты постоянного клиента	Актуально для розничных магазинов транснациональных корпораций, таких как «Лента», «Пятерочка», «Euro Spar»
38	Внутренний контроль качества	Указать количество уровней контроля, которые проходит продукция от начала производства до ее продажи. Наличие многоуровневого контроля усиливает доверие покупателей к качеству продукции
39	Гарантия на товары	Наличие гарантии на товар после ее продажи покупателям: возможность обмена на другой исправный товар, на бесплатный гарантийный ремонт и т. п.
40	Коэффициент абсолютной ликвидности ($K_{аб.}$)	$K_{аб.} = \frac{ДС}{КО}$, где ДС – денежные средства, КО – краткосрочные обязательства
41	Коэффициент срочной ликвидности ($K_{бл.}$)	$K_{бл.} = \frac{ДС+КДЗ}{КО}$, где ДС – денежные средства, КДЗ – краткосрочная дебиторская задолженность, КО – краткосрочные обязательства
42	Коэффициент текущей ликвидности ($K_{тл.}$)	$K_{тл.} = \frac{ОА}{КО}$, где ОА – оборотные (текущие) активы, КО – краткосрочные обязательства
43	Коэффициент обеспеченности собственными средствами (K_2)	$K_2 = \frac{СК-ВНА}{ОА}$, где СК – собственный капитал, ВНА – внеоборотные активы, ОА – оборотные активы
44	Коэффициент восстановления платежеспособности (K_3)	$K_3 = \frac{[K1_{к.г.} + \frac{6}{T}(K1_{к.г.} - K1_{н.г.})]}{K_{норм.}}$, где $K1_{к.г.}$ – коэффициент текущей ликвидности на конец года, $K1_{н.г.}$ – коэффициент текущей ликвидности на начало года, Т – продолжительность отчетного периода в месяцах, $K_{норм.}$ – нормативное значение коэффициента текущей ликвидности, равное 2
45	Коэффициент утраты платежеспособности (K_4)	$K_4 = \frac{[K1_{к.г.} + \frac{3}{T}(K1_{к.г.} - K1_{н.г.})]}{K_{норм.}}$, где $K1_{к.г.}$ – коэффициент текущей ликвидности на конец года, $K1_{н.г.}$ – коэффициент текущей ликвидности на начало года, Т – продолжительность отчетного периода в месяцах, $K_{норм.}$ – нормативное значение коэффициента текущей ликвидности, равное 2. K_4 не рассчитывается, если K_1 и K_2 ниже нормативного значения

Предлагаемая методика может быть полезна при разработке собственных внутрифирменных стандартов и другими организациями, функционирующими на внешних рынках. Методика содержит показатели, позволяющие всесторонне охарактеризовать эффективность бизнеса организации – участника внешнеэкономической деятель-

ности, что и является основой обеспечения экономической эффективности на любом уровне управления. При разработке перечня индикаторов учтены вопросы маркетинга, инвестиционной привлекательности акций организации; показатели доходности/рентабельности; качество и востребованность продуктов; обеспеченность акти-

вами и отдача от них; всесторонняя характеристика показателей экспорта продукции; ликвидность активов организации; показатели, сигнализирующие об угрозе банкротства, коэффициенты восстановления платежеспособности при банкротстве и др.

Предложенный перечень может быть как дополнен новыми индикаторами, так и оптимизирован, если какие-то перечисленные в нем показатели не представляют интереса для анализируемой организации. Он может быть составлен как по организации в целом, так и по конкретным видам производимой ею продукции. Сельскохозяйственные организации, например, могут включить сюда показатели продуктивности животных и урожайности сельскохозяйственных культур, показатели выбытия животных из основного стада и падежа скота, выхода делового приплода на 100 коров и т. п. Особенно важны показатели качества, например жирность молока, твердость зерна, жирность масличных культур и др.

Отметим, что важность показателей качества продукции неоспорима. Так М. Zaman [23] исследует финансовые и нефинансовые показатели зарубежных дочерних компаний, которые позволяют материнской компании, зарегистрированной в Словении, осуществлять контроль и управление, и с помощью эконометрических методов создает рейтинг показателей, наиболее значимых для анализа. Наиболее высок уровень значимости для показателей покупательской удовлетворенности и качества продукта.

Несмотря на то что числовые пороговые значения индикаторов можно привести не по всем показателям, это не должно быть поводом для того, чтобы исключить их из перечня, ибо в таких случаях нужно сделать пороговым сам факт наличия изменения показателя в положительную сторону. Например, к таким показателям в предлагаемом нами перечне для оценки экономической безопасности организаций – участников ВЭД относятся рыночная цена акций компании, ее капитализация, рыночный мультипликатор и другие индикаторы.

Для интегральной оценки уровня экономической безопасности, согласно авторской методике, количество положительных баллов следует разделить на количество всех показателей, приведенных в таблице. Если оценка уровня безопасности по конкретному показателю не соответствует пороговым значениям индикатора, то ставится знак «минус», а если соответствует, то знак «плюс». Для упрощения расчетов допустим, что один знак приравнивается к одному баллу. При необходимости наиболее приоритетным показателям можно ставить по несколько баллов. Например, качество продуктов высшего сорта – «+10».

Формула для определения обобщающего показателя оценки экономической безопасности выглядит следующим образом:

$$R_{ES} = \frac{m}{\sum_{i=1}^n q} \times 100\% , \quad (1)$$

где R_{ES} (Ratio of economic security) – уровень экономической безопасности организации – участника ВЭД;

m – количество полученных баллов;

n – общее количество индикаторов;

q – максимально возможное количество баллов для каждого индикатора.

При интерпретации значения обобщающего показателя оценки экономической безопасности организации – участника ВЭД в процентах можно ориентироваться на следующие интервалы значений:

95–100 % – высокий уровень экономической безопасности;

75–94 % – средний;

1–74 % – низкий.

Для организации – участника ВЭД, которая выступила объектом апробации методики в настоящем исследовании уровень экономической безопасности равен

$$R_{ES} = \frac{41 \text{ (балл)}}{45 \text{ (баллов)}} \times 100\% \approx 91\% . \quad (2)$$

Таким образом, уровень экономической безопасности составляет 91% от максимально возможного его значения, что подтверждает средний уровень экономической безопасности исследуемой организации.

При разработке внутрифирменных стандартов перечень индикаторов целесо-

образно сопроводить соответствующей пояснительной запиской, где дается более полная информация, касающаяся всех включенных в перечень индикаторов.

Заключение

Настоящее исследование представляет собой лишь один из возможных подходов к подбору индикаторов, характеризующих экономическую безопасность организаций – участников ВЭД. Вместе с тем ни в научной литературе, ни в законодательстве ранее не предлагались системы индикаторов, которые позволяли бы не просто оценить уровень экономической безопасности, но и учитывать при этом специфику деятельности хозяйствующего субъекта, широкие международные связи и активность ведения внешнеэкономической деятельности. Таким образом, проведенное нами исследование вносит вклад в развитие вопроса оценки уровня экономической безопасно-

сти ведения ВЭД хозяйствующими субъектами.

На наш взгляд, одним из существенных недостатков индикаторов экономической безопасности, применяемых в настоящее время, является отсутствие среди них качественных параметров. Предложенный нами подход может быть углублен, а анализ индикаторов – многократно детализирован. В частности, показатель наличия кооперационных связей может быть исследован на качество и широту связей, а внутренний контроль качества – на эффективность проводимых мероприятий. Все вышесказанное позволяет утверждать, что авторская методика оценки экономической безопасности организаций – участников ВЭД может представлять интерес как для теоретиков, так и для практиков экономического анализа, а ее совершенствование – стать предметом последующих научно-практических исследований.

Список литературы

1. Глуштенков И.В. Экономическая безопасность организации // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 2 (18). С. 77–81.
2. Шеремет А.Д. Комплексный анализ показателей устойчивого развития предприятия // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 45. С. 2–10.
3. Бехтина О.Е. Современные проблемы прогнозирования банкротства предприятий // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. Vol. 1. № 1. С. 75–81.
4. Сигов В.И., Песоцкий А.А. Безопасность экономического пространства региона: концептуальные основы и система показателей // Экономика региона. 2017. Vol. 13. № 4. С. 1236–1250. doi: 10.17059/2017-4-21.
5. Ткачева Т.Ю., Афанасьева Л.В. Логическая структура многоуровневой системы экономической безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (19). С. 22–27.
6. Казакова Н.А., Иванова А.Н. Финансовая безопасность компании: аналитический аспект // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 10. С. 93–105.
7. Тютяев А.А., Джевицкая Е.С. Концептуальные основы управления экономической безопасностью современного предприятия // Символ науки Международный научный журнал. 2017. № 3-1. URL: http://os-russia.com/SBORNIKI/SN-2017-03_1.pdf (дата обращения: 14.04.2018).
8. Попова Е.Н. Диагностика финансового состояния пищевой промышленности с позиции экономической безопасности // Проблемы современной экономики. 2012. № 2 (42). С. 127–130.
9. Поздеев В.Л. Актуальные задачи анализа экономической безопасности предприятий // Учет. Анализ. Аудит. 2016. № 2. С. 16–22.
10. Korchevska L., Zhosan G., Kavun S. Social responsibility as a contextual component of the enterprise economic security // Journal of Finance and Economics. 2013. Vol. 1. Iss. 4. P. 95–104. doi: 10.12691/jfe-1-4-6.
11. McGregor D. The human side of enterprise. In Book: The sociology of organizations: Classic, contemporary, and critical readings. Ed. by M.J. Handel. SAGE, 2003, pp. 108–113.
12. Lipson Ch. International cooperation in economic and security affairs // World Politics. 1984. № 1. P. 1–23.

13. *Khajeh-Hosseini A., Sommerville I., Sriram I.* Research challenges for enterprise cloud computing // *Proceedings of the 1st ACM Symposium on Cloud Computing. SoCC, 2010.* URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1001/1001.3257.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).
14. *Anderson E.E., Choobineh J.* Enterprise information security strategies // *Computers and Security.* 2008. № 1-2. P. 22–29.
15. *Чанышева С.Ю.* Финансовый анализ как инструмент управления внешнеэкономической деятельностью промышленного предприятия // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета.* 2010. № 3. С. 96–97.
16. *Шиленко С.И., Емельянова М.В.* Направления оценки эффективности внешнеэкономической деятельности организаций // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права.* 2016. № 2 (58). С. 146–156. doi: 10.21295/2223-5639-2016-2-146-156.
17. *Бабак Л.М., Веретеникова О.А., Осипов В.А.* Оценка эффективности внешнеэкономической деятельности предприятия // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* 2016. № 7-6. С. 1011–1015.
18. *Мезенцева Ю.Р.* Модель анализа внешнеэкономической деятельности холдинговых структурах // *Интернет-журнала «Науковедение».* 2016. Том 8. № 1. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/59EVN116.pdf> (дата обращения: 14.04.2018). doi: 10.15862/59EVN116.
19. *Барышева Е.А.* Определение направлений повышения эффективности внешнеэкономической деятельности предприятий // *Российское предпринимательство.* 2013. № 12. С. 29–35.
20. *Соркин С.Л.* Эффективность внешнеэкономической деятельности: понятие, измерение и оценка. Гродно: ГрГУ, 2011. 130 с.
21. *Расторцева С.Н., Колчинская Е.Э.* Внешнеэкономическая деятельность как фактор развития российских регионов // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика.* 2013. Vol. 28. № 22-1. С. 13–24.
22. *Глазьев С.Ю.* Основы обеспечения экономической безопасности страны – альтернативный реформационный курс // *Российский экономический журнал.* 1997. № 1. С. 3–19.
23. *Zaman M.* The role of financial and non-financial evaluation measures in the process of management control over foreign subsidiaries – empirical evidence in Slovene multinational companies // *Management: Journal of Contemporary Management Issues.* 2004. Vol. 9. № 2. P. 53–73.
24. *Ball R., Gerakos J., Linnainmaa J.T., Nikolaev V.* Accruals, cash flows, and operating profitability in the cross section of stock returns // *Journal of Financial Economics.* 2016. № 121. P. 28–45.
25. *Israelov R., Klein M.* Risk and return of equity index collar strategies // *The Journal of Alternative Investments.* 2016. Vol. 19 № 1. URL: www.iinews.com/site/pdfs/JAI_Summer_2016_AQR.pdf (дата обращения: 15.04.2018).

Статья поступила в редакцию 20.04.2018

Сведения об авторе

Савин Владимир Юрьевич – кандидат экономических наук, руководитель группы международной и управленческой отчетности, ЗАО «РосБизнесКонсалтинг» (Россия, 117393, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 78, стр. 1; e-mail: savin.msu@gmail.com).

References

1. Glustenkov I.V. Ekonomicheskaya bezopasnost' organizatsii [Economic security of a company]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava.* [Herald of International Institute of Economics and Law], 2015, no. 2 (18), pp. 77–81. (In Russian).
2. Sheremet A.D. Kompleksnyi analiz pokazatelei ustoichivogo razvitiya predpriyatiya [A complex analysis of sustainable development indicators of an enterprise]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika.* [Economic Analysis: Theory and Practice], 2014, no. 45, pp. 2–10. (In Russian).
3. Bekhtina O.E. Sovremennye problemy prognozirovaniya bankrotstva predpriyatii [Modern problems of enterprise bankruptcy prediction]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatischeva.* [The Reporter of Volzhsky University after V.N. Tatischev], 2017, vol. 1, no. 1, pp. 75–81. (In Russian).

4. Sigov V.I., Pesotskii A.A. Bezopasnost' ekonomicheskogo prostranstva regiona: kontseptual'nye osnovy i sistema pokazatelei [Security of regional economic space: Conceptual framework and system of indicators]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 1236–1250. (In Russian). doi: 10.17059/2017-4-21.

5. Tkacheva T.Yu., Afanas'eva L.V. Logicheskaya struktura mnogourovnevoi sistemy ekonomicheskoi bezopasnosti [Logical framework multilevel system economic security]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Proceedings of the Southwest State University. Economy. Sociology. Management], 2016, no. 2 (19), pp. 22–27. (In Russian).

6. Kazakova N.A., Ivanova A.N. Finansovaya bezopasnost' kompanii: analiticheskii aspekt [Financial safety of the company: An analytical aspect]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. [Economic Analysis: Theory and Practice], 2016, no. 10, pp. 93–105. (In Russian).

7. Tyutyayev A.A., Dzhevitskaya E.S. Kontseptual'nye osnovy upravleniya ekonomicheskoi bezopasnost'yu sovremennogo predpriyatiya [Conceptual framework of managing economic security of the modern enterprise]. *Simvol nauki. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*. [Symbol of science. International Scientific Journal], 2017, no. 3-1. (In Russian). Available at: http://os-russia.com/SBORNIKI/SN-2017-03_1.pdf (accessed 14.04.2018).

8. Popova E.N. Diagnostika finansovogo sostoyaniya pishchevoi promyshlennosti s pozitsii ekonomicheskoi bezopasnosti [Diagnostics of financial state of the food industry from the perspective of economic security]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 2012, no. 2 (42), pp. 127–130. (In Russian).

9. Pozdeev V.L. Aktual'nye zadachi analiza ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatii [Acute issues of analysis of the company's economic security]. *Uchet. Analiz. Audit* [Accounting. Analysis. Auditing], 2016, no. 2, pp. 16–22. (In Russian).

10. Korchevska L., Zhosan G., Kavun S. Social responsibility as a contextual component of the enterprise economic security. *Journal of Finance and Economics*, 2013, vol. 1, iss. 4, pp. 95–104. doi: 10.12691/jfe-1-4-6.

11. McGregor D. The human side of enterprise. In Book: *The Sociology of Organizations: Classic, Contemporary, and Critical Readings*. Ed. by M.J. Handel. SAGE, 2003, pp. 108–113.

12. Lipson Ch. International cooperation in economic and security affairs. *World Politics*, 1984, vol. 37, iss. 1, pp. 1–23.

13. Khajeh-Hosseini A., Sommerville I., Sriram I. Research challenges for enterprise cloud computing. *Proceedings of the 1st ACM Symposium on Cloud Computing*. SoCC, 2010. Available at: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1001/1001.3257.pdf> (accessed 15.04.2018).

14. Anderson E.E., Choobineha J. Enterprise information security strategies. *Computers and Security*, 2008, no. 1-2, pp. 22–29.

15. Chanysheva S.Yu. Finansovyi analiz kak instrument upravleniya vneshneekonomicheskoi deyatel'nost'yu promyshlennogo predpriyatiya [Financial analysis as an instrument of foreign-economic activity management at industrial enterprises]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University], 2010, no. 3, pp. 96–97. (In Russian).

16. Shilenko S.I., Emel'yanova M.V. Napravleniya otsenki effektivnosti vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti organizatsii [Organizations' foreign economic activity efficiency assessment directions]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava* [Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 2016, no. 2 (58), pp. 146–156. (In Russian). doi: 10.21295/2223-5639-2016-2-146-156.

17. Babak L.M., Veretenikova O.A., Osipov V.A. Otsenka effektivnosti vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti predpriyatiya [Evaluation of the effectiveness of foreign economic activity of the enterprise]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2016, no. 7-6, pp. 1011–1015. (In Russian).

18. Mezentseva Yu.R. Model' analiza vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti kholdingovykh strukturakh [Model of analysis of foreign economic activity of holding structures]. *Internet-zhurnal "Naukovedenie"* [Internet-journal "Naukovedenie"], 2016, vol. 8, no. 1. (In Russian). Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/59EVN116.pdf> (accessed 14.04.2018). doi: 10.15862/59EVN116.

19. Barysheva E.A. Opredelenie napravlenii povysheniya effektivnosti vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti predpriyatii [Determination of efficiency directions improvement for external economic activities of enterprises]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 2013, no. 12, pp. 29–35. (In Russian).

20. Sorkin S.L. *Effektivnost' vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti: ponyatie, izmerenie i otsenka* [Efficiency of foreign economic activity: Concept, measurement and evaluation]. Grodno, State University of Grodno Publ., 2011. 130 p. (In Russian).

21. Rastortseva S.N., Kolchinskaya E.E. Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' kak faktor razvitiya rossiiskikh regionov [Foreign economic activity as a factor in the development of Russian regions]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series Economy. Computer Science], 2013, vol. 28, no. 22-1, pp. 13–24. (In Russian).

22. Glaz'ev S.Yu. Osnovy obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti strany – al'ternativnyi reformatsionnyi kurs [The basis of ensuring the economic security of the country – alternative course of reformation]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 1997, no. 1, pp. 3–19. (In Russian).

23. Zaman M. The role of financial and non-financial evaluation measures in the process of management control over foreign subsidiaries – Empirical evidence in Slovene multinational companies. *Management: Journal of Contemporary Management Issues*, 2004, vol. 9, no. 2, pp. 53–73.

24. Ball R., Gerakos J., Linnainmaa J.T., Nikolaev V. Accruals, cash flows, and operating profitability in the cross section of stock returns. *Journal of Financial Economics*, 2016, no. 121, pp. 28–45.

25. Israelov R., Klein M. Risk and return of equity index collar strategies. *The Journal of Alternative Investments*, 2016, vol. 19, no. 1. Available at: www.iinews.com/site/pdfs/JAI_Summer_2016_AQR.pdf (accessed 15.04.2018).

The date of the manuscript receipt: 20.04.2018

Information about the Author

Savin Vladimir Yur'evich – Candidate of Economic Sciences, Head of international and management reporting group, CJSC “RosBiznesKonsalting” (1, 78, Profsoyuznaya st., Moscow, 117393, Russia; e-mail: savin.msu@gmail.com).

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Савин В.Ю. Индикаторы оценки экономической безопасности как комплексной характеристики защищенности финансово-хозяйственной деятельности организаций – участников ВЭД // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2018. Том 13. № 2. С. 303–318. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-303-318

Please cite this article in English as:

Savin V.Y. Economic security indicators as a complex characteristic of security of financial and business activity of organizations participating in foreign-economic activity. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 303–318. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-303-318

doi 10.17072/1994-9960-2018-2-319-333

УДК 325.1:37

ББК 60.7+74

JEL Code J110

МЕТОДОЛОГИЯ УЧЕТА И ИЗМЕРЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Татьяна Андреевна Корепина

ORCID ID: [0000-0001-7958-8801](https://orcid.org/0000-0001-7958-8801), Researcher ID: [V-3757-2017](https://orcid.org/V-3757-2017)

Электронный адрес: korepina-tatyana@mail.ru

Вологодский научный центр Российской академии наук
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, 56а

В настоящее время, несмотря на усиление оттока молодежи в центральные вузы, проблемам образовательной миграции не уделяется должного внимания, в то время как потребность в многоаспектном познании механизмов и тенденций миграции обуславливает необходимость изучения данного явления представителями многих отраслей научного знания. В России субъектами сбора данных о миграции являются различные министерства и ведомства (Министерство внутренних дел, Министерство образования и науки, Министерство труда и социальной защиты населения) и их подведомственные организации. Соответственно ключевым достоверным источником информации о миграции выступает система статистического учета в Федеральной службе государственной статистики Российской Федерации, которая однако не дает детализированных данных об образовательной миграции населения. Недостаточное количество аналитических данных не позволяет оценить масштаб существующей проблемы оттока населения за пределы региона и их дальнейшие миграционные установки. Целью статьи является разработка комплексного подхода к анализу образовательной миграции населения региона на основе сравнительного анализа существующих методов сбора данных по образовательной миграции. В ходе проведенного исследования рассмотрен отечественный и зарубежный опыт сбора данных по образовательной миграции, позволивший выявить специфику методологических подходов к измерению образовательной миграции населения. Новизна исследования состоит в обобщении и сравнительном анализе существующих методологических подходов сбора данных, характеризующих образовательную миграцию. Результаты показали, что социологические методы обследования населения (биографический метод, фокус-группы и т.п.) сегодня становятся важным инструментом получения детальной и разнообразной информации об образовательной миграции. В статье обосновано, что использование статистического учета и социологического наблюдения в комплексе позволяет выявить текущее состояние образовательной миграции населения, определить дальнейшие миграционные установки молодежи, а также выявить специфические факторы, влияющие на перемещения выпускников образовательных организаций, с целью построения агент-ориентированных моделей образовательной миграции населения региона.

Ключевые слова: миграция, образовательная миграция, данные миграции, статистический учет, методика статистического учета, социологическое обследование, качественные методы, агент-ориентированное моделирование, человеческий капитал.

METHODOLOGY OF ACCOUNTING AND MEASUREMENT OF EDUCATIONAL MIGRATION OF POPULATION: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Tatyana A. Korepina

ORCID ID: 0000-0001-7958-8801, Researcher ID: V-3757-2017

E-mail: korepina-tatyana@mail.ru

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

56A, Gorky st., Vologda, 160014, Russia

Currently despite the rapid outflow of the youth to the central higher educational establishments the issues of educational migration have not been taken up, though the demand for multiaspect perception of migration mechanisms and trends requires scholars representing different branches of science to study the phenomenon. In Russian different ministries and departments (Ministry of Internal Affairs, Ministry of Education and Science, Ministry of Labor and Social Protection of Population) and their lower organizations are the subjects for the migration data collection. Correspondingly the system of statistical accounting in the Federal service of state statistics of the Russian Federation is the key and most reliable source of information about migration. However, it does not provide detailed data about educational migration of the population. Lack of analytical data does not allow estimating the current outflow migration rate beyond a region and their further migration settings. The purpose of the article is to develop a complex approach to the analysis of educational migration of the population of a region on the basis of the comparative analysis of the current methods for the data collection of educational migration. Russian and foreign experience of the data collection on educational migration has been studied that has permitted to reveal the specificity of methodological approaches used to measure the educational migration of the population. The novelty of the study is to summarize and compare the current methodological approaches to the collection of data that characterize educational migration. The obtained results have revealed that sociological methods for population observation (biographical interviews, focus-groups, etc.) are becoming important tools for obtaining detailed and various data about educational migration. It has been proved that the complex use of statistical accounting and sociological surveys permit to reveal the current state of educational migration of the population, to determine further migration settings of the youth, as well as to determine particular factors affecting the university graduates displacement to build agent-based models of educational migration of the population in a region.

Keywords: migration, educational migration, migration data, statistical accounting, statistical accounting methodology, sociological survey, qualitative methods, agent-based modeling, human capital.

Введение

Выпускники образовательных организаций в современных условиях выступают как одна из самых мобильных групп населения. Миграционные намерения молодежи менее зависимы от обстоятельств [1]. Не обремененные социальными обязательствами индивиды готовы уезжать из регионов с целью получения образования в престижных вузах страны и зарубежья. Тем самым регион теряет талантливую молодежь, а в результате ее невозвращения и человеческий капитал. Так, в Вологодской области за пределы региона в 2016 г. в связи с учебной выбыло 3248 человек. Общая динамика за период с 2008 г. и по настоящий период показывает негативную тенденцию (рис. 1).

Результаты проведенного Вологодским научным центром РАН в 2016 г. социологического опроса населения сельских

территорий Вологодской области показали, что 42% молодых сельчан (от 18 до 30 лет) хотели бы переехать, сменить место жительства¹. Причем основными причинами переезда называют отсутствие работы (31%) и получение образования (13%).

Все это обуславливает пристальное внимание к проблеме и потребность в многоаспектном познании механизмов и тенденций образовательной миграции. Для объяснения и понимания вышеперечисленных задач требуются статистические данные о перемещениях населения, имеющих в своей основе установки на получение образования.

¹ Данные социологического опроса «Человеческий потенциал сельских территорий в период социально-экономических трансформаций» / ВолНЦ РАН, 2016.

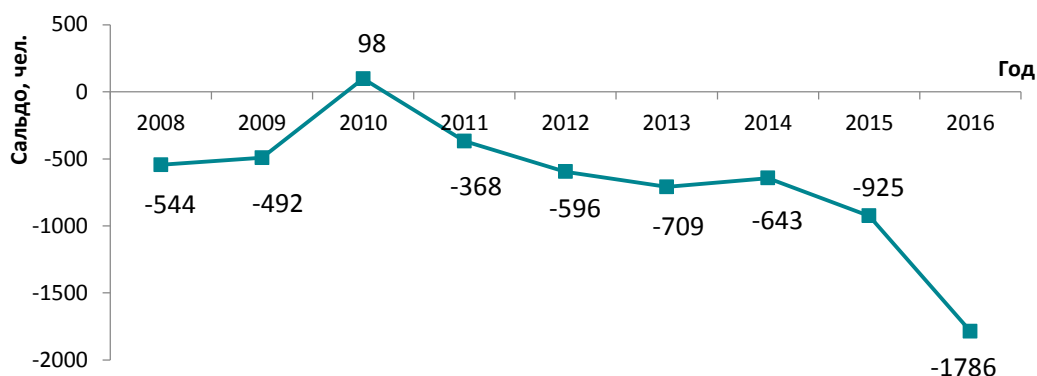

Рис. 1. Сальдо числа населения Вологодской области, сменивших место жительства по причине учебы в возрасте старше 14 лет*

* Составлено автором по данным Демографических ежегодников Вологодской области за 2009–2017 гг. (Демографический ежегодник Вологодской области: ст. сб. Вологда, 2009. С. 56; Там же. 2010. С. 70; Там же. 2011. С. 72; Там же. 2012. С. 74; Там же. 2013. С. 71; Там же. 2014. С. 72; Там же. 2015. С. 72; Там же. 2016. С. 72; Там же. 2017. С. 72).

С помощью публикуемой официальной статистики по образовательной миграции невозможно выявить причины рассматриваемого процесса, оценить его последствия, в связи с чем ученые пытаются собрать информацию другими способами, например с помощью трудоемких и дорогостоящих социологических опросов. Тем самым возникла потребность в ретроспективном анализе сбора статистических данных по образовательной миграции, обзоре современных отечественных и зарубежных методик с перспективой разработки комплексной методики сбора данных об образовательной миграции населения региона, которая позволит построить качественную агент-ориентированную модель образовательной миграции населения региона, всесторонне оценить рассматриваемый процесс, выявить основные факторы, влияющие на отток населения из региона, а также на основе полученных результатов разработать систему мер по регулированию образовательной миграции.

Целью статьи является разработка комплексного подхода к анализу образовательной миграции населения региона на основе сравнительного анализа существующих методов сбора данных по образовательной миграции.

Сущность образовательной миграции

Миграционные процессы являются той движущей силой, которая определяет динамику и изменяет структуру расселения населения. От этих демографических процессов, в свою очередь, зависит эффективность использования труда и капитала на территориях прибытия и выбытия. Образовательная миграция стала неотъемлемым и очень важным атрибутом «социальной реальности современного российского общества». Как отмечают исследователи, «процесс концентрации населения не завершен, на повестке дня – конкуренция городов за население, за молодежь. В связи с демографической исчерпанностью села мигрантов заменяют жители малых и средних городов» [2].

В данном исследовании нами было предложено авторское определение образовательной миграции, которое заключается в территориальных перемещениях населения между разными населенными пунктами на длительный срок, совершаемых с целью получения образования и предполагающих регистрацию по месту пребывания.

Изучая миграцию, целью которой является получение образования, исследователи часто употребляют понятие учебной миграции. Ее отличительной особен-

ностью является набор участников. Если в учебной миграции участвуют индивиды, получающие дошкольное, школьное, высшее образование, то в образовательной миграции добавляются докторанты, стажеры, научные работники, исследователи и т.д. [3, с. 123]. Таким образом, образовательная миграция является более широким понятием, которое включает в себя учебную миграцию.

Образовательная миграция по классификации входит в состав социальной миграции и обусловлена прежде всего такими факторами, как удовлетворение потребности в получении образования и повышении уровня квалификации (разнообразные стажировки, дополнительное образование, курсы, обмен опытом и т.д.) [3].

Поскольку образовательная миграция относится к временному виду перемещений и при этом может быть как краткосрочной (менее 1 года), так и долгосрочной, ее измерение является сложным и в большинстве случаев длительным процессом.

В России фиксация совершившегося передвижения индивида осуществляется в тех случаях, когда он покидает прежнее место жительства на срок более 1,5 месяца внутри страны и с момента пересечения границы, если обучение проходит за рубежом.

Современные исследователи в своих выступлениях часто указывают на недостаточное количество разнообразных данных, характеризующих образовательную миграцию. Публикуемые Федеральной службой государственной статистики РФ официальные данные по миграции населения в связи с учебой (количество прибывших/выбывших) позволяют лишь сформировать общее представление о процессе. Дальнейшая миграционная судьба индивидов неизвестна, поэтому возникают вопросы, вернулся ли мигрант на прежнее место жительства, совершил ли он дальнейшее перемещение в другой регион или остался жить на месте получения образования.

В связи с большим оттоком населения в крупные города возникла потреб-

ность в многоаспектном познании механизмов и тенденций изучаемого процесса, что изначально предполагает наличие соответствующей информационной базы. В нашем исследовании была рассмотрена эволюция статистического учета образовательной миграции населения в России, а также проведен сравнительный анализ существующих методов сбора данных.

Эволюция статистического учета образовательной миграции населения в России

Как исследователи в ходе изучения рассматриваемого процесса [4–7], так и органы власти при оценке текущей ситуации и формировании стратегий развития располагают недостаточным количеством информации по данному вопросу. В настоящем исследовании проведен анализ основных источников данных по образовательной миграции начиная со времен СССР и по настоящее время, представлен современный российский и зарубежный опыт.

В зависимости от того, какой метод был применен к сбору информации, можно выделить два основных типа данных образовательной миграции – статистические и социологические.

Сбор статистических данных по образовательной миграции в СССР ограничивается периодом 50–60-х гг. XX в. Например, отечественный экономист Л.И. Леднева выделяет четыре подпериода:

1. 1918 г. – конец 1930-х гг. Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР осуществляло сбор и обработку статистической информации по социальному положению и профессиям мигрирующего населения; разделение мигрантов на классы, в том числе «учащиеся»; распределение прибывших и выбывших по цели приезда.

2. 1940–1950-е гг. Сложность учета миграционных передвижений в связи с военным положением страны. В послевоенное время осуществлялся статистический учет всех индивидов, приезжающих на учебу (исключением выступали прибывшие на краткосрочное обучение, курсы, а также семьи учебных мигрантов). Произ-

водился учет выбывших индивидов из числа постоянно проживающих на территории определенного субъекта по причине получения образования или по окончании учебы. В отрывных талонах, по которым осуществлялся учет, цель перемещения не была указана.

3. 1960-е – первая половина 1970-х гг. В 1968 г. был выделен отдельный пункт, указывающий на причины переезда, среди которых была «на учебу», что определяло общественную значимость учебной миграции населения. При заполнении регистрационных форм производилось ранжирование по возрасту, всего выделялось 10 групп. Затем в 1975 г. термин «причина» выбытия/прибытия был заменен на «цель» выбытия/прибытия. В материалах по механическому движению населения содержалась информация об учебной миграции отдельно по мужчинам и женщинам, а также по направлениям «село – село», «город – село», «село – город». Особое место в статистическом учете учебной миграции заняла Всесоюзная перепись населения 1970 г. Ее результаты дали возможность оценить объемы прямой (переезд к месту учебы) и возвратной (переезд с места учебы) учебной миграции.

4. Вторая половина 1970-х – 1991 г. В рассматриваемый период Российский государственный архив экономики обладал подробными статистическими данными по учебной миграции населения страны. План распределения молодых специалистов дал возможность судить об объемах учебной миграции в СССР. Сводные отчеты содержали в себе информацию о поступившей в вузы иногородней молодежи, о завершивших обучение и дальнейшем направлении трудоустройства мигранта. Имелись таблицы, показывающие зависимость учебной миграции от уровня образования, семейного положения, национальности, пола, занятиям по прежнему месту жительства. По имеющимся данным можно было оценить массовость переезда (индивид переехал с семьей, с частью семьи, один), степень миграционной активности

(совершал ли индивид территориальные перемещения ранее). Разработанная методология позволяла собрать подробную информацию по учебной миграции, что не наблюдалось ранее и в период после распада СССР [8; 9]. Использование данного подхода позволяло всесторонне оценить учебную миграцию населения страны, сочетание текущего учета передвижений, перепись населения, а также другие косвенные сведения (например, отчеты о выполнении планов распределения специалистов) позволяли сформировать целостную картину движения населения с целью получения образования.

За каждый подпериод имеются материалы и статистические сведения по учебной миграции, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики. Стоит отметить, что дополнительным источником информации за весь период являлась подведомственная статистика (например, статистика Министерства образования).

В период после 1992 г. информация об образовательной миграции населения в целом стала собираться в меньшем объеме. Отсутствие плана распределения молодых специалистов послужило тому, что перестала фиксироваться подробная информация об участниках учебной миграции, об их дальнейших передвижениях.

На рис. 2 представлены основные источники данных по образовательной миграции в России в настоящее время. Органы власти и их подведомственные организации ведут текущий учет миграционных процессов, а также проводят отдельные мероприятия с некоторой периодичностью (например, Всероссийская перепись населения).

В итоге вся полученная информация по перемещениям населения в связи с учебной поступает в Федеральную службу государственной статистики, где подвергается обработке и опубликованию. Также данные можно найти в промежуточных и годовых отчетах о деятельности органов власти и их подведомственных организаций.

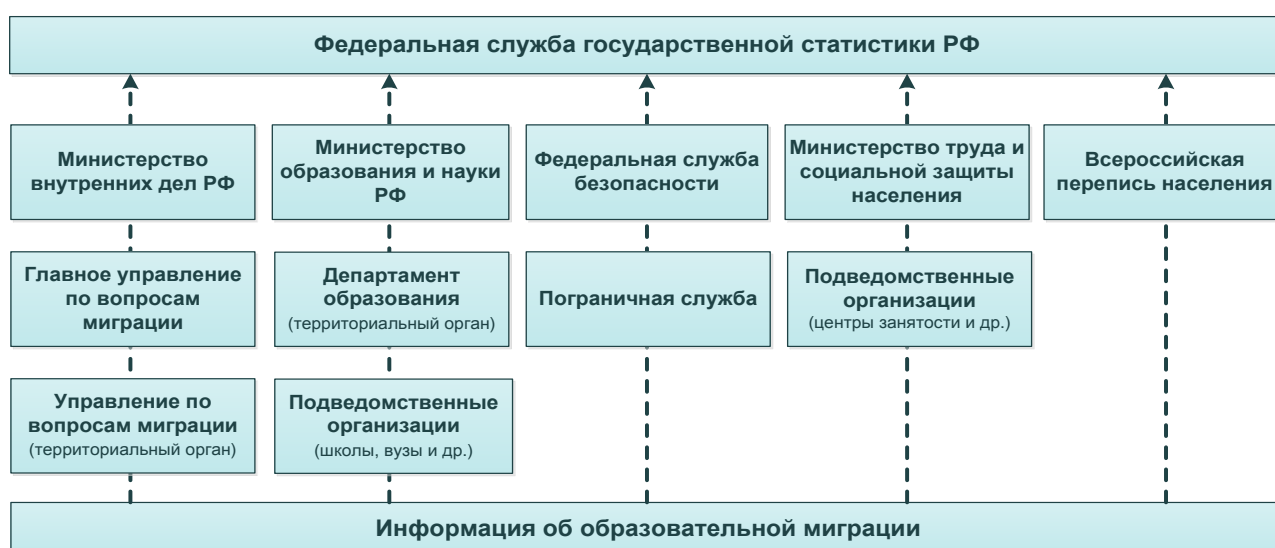

Рис. 2. Основные официальные источники сбора данных по образовательной миграции в РФ

Несмотря на то что источников данных по миграции в нашей стране доста-

точно много, информация представляется в неполном объеме, что отражает табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ основных источников информации о мигрантах в РФ*

Данные	Ведомство, ответственное за сбор первичной информации	Оценка качества информации	Доступность данных для общественности	Наличие данных по образовательной миграции
Текущий учет на основе данных о регистрации по месту жительства (внешняя миграция граждан РФ и внутрироссийская миграция)	Министерство внутренних дел	Невысокое (недоучет значительных объемов внутренней и международной миграции)	Доступны, публикуются в печатном виде	Присутствует информация по цели перемещения «в связи с учебой»
Данные о разрешении на въезд (в РФ) и на выезд (из РФ) для постоянного жительства	Министерство внутренних дел	Соответствует специфике данных (получение разрешения не всегда сопровождается переездом или не всегда совпадает во времени)	Имеются в Федеральной службе государственной статистики	Присутствуют (регистрация внешней образовательной миграции; количество прибывших и выбывших в связи с учебой)
Данные о численности привлеченной иностранной рабочей силы (число разрешений на работу) и данные о численности российских граждан, трудоустроенных за границей	Министерство внутренних дел	Среднее	В развернутом виде не публикуются, доступны с ограничениями	Отсутствуют
Данные о численности студентов, прибывших из-за рубежа, и численности студентов, нуждающихся в общежитии (в т. ч. – внутренних мигрантов)	Министерство образования и науки	Достаточно хорошее	Доступны, но публикуются нерегулярно	Присутствуют

Данные	Ведомство, ответственное за сбор первичной информации	Оценка качества информации	Доступность данных для общественности	Наличие данных по образовательной миграции
Статистика разрешений на временное проживание и видов на жительство	Министерство внутренних дел	В разработке; качество должно быть приемлемым, но есть вероятность повторного учета мигрантов (при выдаче вида на жительство лицам, имевшим разрешение на временное проживание)	Условия доступа и место публикации неизвестны	Отсутствуют
Статистика на основе миграционных карт	Министерство внутренних дел	В стадии формирования, качество не поддается оценке	Условия доступа и место публикации не известны	Отсутствуют
Данные о числе беженцев и вынужденных переселенцев в РФ	Министерство внутренних дел	Приемлемое	Доступны, публикуются в достаточном объеме в ежегодниках Федеральной службы государственной статистики	Отсутствуют
Данные Федеральной пограничной службы о числе иностранных граждан и лиц без гражданства, въехавших на территорию РФ и выехавших за ее пределы	Федеральная служба безопасности	Не поддается оценке, т. к. неясна процедура получения первичной и агрегированной информации, учитываются факты пересечения границы, а не физические лица	Агрегированные данные доступны в общем виде, публикуются в ежегодниках Федеральной службы государственной статистики	Отсутствуют
Статистика выданных виз	Министерство иностранных дел	Достаточно хорошее	Доступны, опубликованы	Присутствуют (количество выданных учебных виз)
Всероссийская перепись населения	Федеральная служба государственной статистики	Достаточно хорошее	Доступны, опубликованы	Присутствуют

* Источники: [10; 11] с поправками автора.

Данные по миграции, которые опубликованы в ежегодных статистических сборниках Федеральной службы государственной статистики, содержат информацию по различным видам перемещений. К основным видам относятся международная, межрегиональная и внутрирегиональная миграция. Число прибывшего/выбывшего населения в/из страны, региона, района представляет собой первоначальную общую информацию, на основе которой в дальнейшем рассчитывается миграционная убыль / прирост.

Более детализированную информацию показывают таблицы с градацией прибывшего/убывшего населения по различным причинам (например, по личным и семейным обстоятельствам; в связи с учебой; в связи с работой; возвращение на прежнее место жительства и т. д.), разделение мигрантов по возрастным группам и уровню образования и полу¹.

¹ Демографический ежегодник Вологодской области: ст. сб. Вологда, 2009–2017. 90 с.

Статистический учет является одним из основных инструментов Федеральной миграционной службы МВД, при помощи которого производится контроль миграционных процессов в России. Индивиды, совершившие перемещение в другой населенный пункт на постоянное место жительства, должны пройти процедуру регистрации. Первоначальным источником информации выступает листок статистического учета мигранта, который заполняется в районных отделениях по вопросам миграции МВД каждым индивидом, прибывшим на постоянное место жительства. Затем листки статистического учета поступают в краевые, областные или окружные отделения. После этого их передают в краевые, областные или окружные подразделения Федеральной службы государственной статистики.

Индивиды, прибывшие на другую территорию с целью получения образования на длительный период (более 1,5 месяца), проходят регистрацию по месту пребывания. Однако существует погрешность в учете, так как не все прибывшие участники образовательной миграции проходят процедуру временной регистрации.

И все же, несмотря на рассмотренные процессы регистрации мигрантов, учет образовательной миграции в должной мере не осуществляется. Публикуемые данные по Всероссийской переписи населения, Федеральной службы государственной статистики, Министерства внутренних дел и Министерства науки и образования содержат информацию только о числе выбывших за пределы территории в связи с учебой, что является недостаточным для осуществления более качественной оценки образовательной миграции.

Социологические методы сбора данных по образовательной миграции в современной науке

Ученые образовательных и научных организаций для проведения исследований в области образовательной миграции и получения данных используют социологические методы получения информации. К ним можно отнести социологические

опросы, интервью, фокус-группы, биографический метод, исторические и этнографические исследования.

Например, в НИУ ВШЭ был реализован проект «Оценка миграционного потенциала студентов выпускных курсов высших учебных заведений стран СНГ»¹, целью которого явилась оценка объема и структуры потенциального миграционного потока, а также анализ факторов, определяющих место жительства после окончания учебы выпускниками региональных вузов. Эмпирической базой исследования выступили результаты опроса 2797 студентов из десяти вузов, которые расположены в различных крупных муниципальных образованиях Российской Федерации.

С помощью опроса исследователям удалось сделать выводы о значительном миграционном потенциале выпускников региональных вузов страны. Сравнительный анализ миграционных планов по гендерному различию позволил выявить факторы, которые влияют на возвращение индивида на прежнее место жительства после получения образования. Среди них трудоустройство по специальности, наличие в родном городе определенной инфраструктуры и социальных связей [1].

Стоит отметить еще несколько исследовательских проектов, проводимых НИУ ВШЭ: Мониторинг образовательных и трудовых траекторий, Мониторинг образовательных и трудовых траекторий выпускников школ и вузов², Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения³.

¹ Оценка миграционного потенциала студентов выпускных курсов высших учебных заведений стран СНГ: мониторинг НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/org/projects/79455529> (дата обращения: 06.11.2017).

² Мониторинг образовательных и трудовых траекторий: мониторинг НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/monitoring/univer> (дата обращения: 06.11.2017).

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 06.11.2017).

Мониторинг образовательных и трудовых траекторий проводится с целью выявления и анализа типичных образовательных-профессиональных траекторий, факторов и культурных структур, определяющих их формирование. Исследование представляет собой лонгитюдное обследование (количественные опросы и глубинные интервью) нескольких региональных (республика Татарстан, Ярославская область) и одной национальной панели (школьники 8 классов, Trends in Mathematics and Science Studies – 5000 респондентов), проводимых с 2009 и с 2011 гг. соответственно. Результаты мониторинга полностью открыты при наличии регистрации в Едином архиве экономических и социологических данных НИУ ВШЭ.

В опубликованной анкете Мониторинга образовательных и трудовых траекторий выпускников школ и вузов содержится вопрос: «Меняли ли Вы фактическое место проживания в связи с поступлением в учебное заведение в течение последних двух лет?». Информация, полученная из ответа на данный вопрос, характеризует о наличии/отсутствии совершения факта образовательной миграции. Данные опроса выступили эмпирической основой ряда исследований таких ученых, как Д.С. Попова, Ю.А. Тюменевой, Ю.В. Кузьминой, Я.М. Рощиной и др. В своих работах авторы анализируют типичные планы повышения образования школьников и студентов, влияние образовательных ресурсов семьи на их осуществление [12], а также изучают семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников [13].

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) является лонгитюдным обследованием, общенациональные репрезентативные опросы проводятся ежегодно, начиная с 1994 г. База данных, полученная в результате анкетирования, содержит информацию по индивидам и домохозяйствам отдельно. В базе данных по индивидам содержится информация о возрасте, половой принадлежности, уровне образования, семейном положении, трудо-

устройстве, а также миграционных планах. Один из вопросов анкеты («Если через год мы снова захотим побеседовать с Вами о том, что изменилось в Вашей жизни, мы сможем найти Вас по этому адресу или Вы собираетесь переехать куда-нибудь в другое место в ближайшие 12 месяцев?») характеризует то, что с помощью современного программного обеспечения (в данном случае данные представляются в формате SPSS и Stata) можно составить сводные таблицы, где будут представлены различные зависимости (например, от уровня образования, возраста и т.д.). С помощью подобных открытых статистических баз данных у исследователей появляется возможность изучать поведение населения по вопросам миграции, отслеживать как оно изменяется с течением времени, выявлять основные факторы процесса образовательной миграции.

Российские ученые последние два десятилетия на основе данных социологических опросов анализировали миграционные намерения выпускников вузов отдельных регионов нашей страны. Примером является исследование по социально-профессиональным и миграционным ориентирам мотивации поведения студентов Хабаровского края. Изучение глубинных факторов и параметров формирования миграционной мотивации молодежи было проведено на основе данных опроса выпускников вузов Хабаровского края (1500 респондентов из 9 образовательных организаций), которые содержат в себе информацию о семейной среде воспитания, мотивах выбора вуза, возможных источниках помощи в трудоустройстве, дальнейших миграционных планах и др. [14].

В исследовании миграционного поведения молодежи Иркутской области использовались данные опроса, который охватывал 250 респондентов в возрасте от 17 до 34 лет. Полученная в ходе работы информация позволила выявить основные тенденции и особенности мотивации миграционного поведения молодежи в рассматриваемом регионе [15]. Проведение социологических опросов в различных регионах помогает сформировать общую

картину об образовательной миграции, а именно проследить, по каким причинам индивиды хотят учиться за пределами территории проживания, каковы их дальнейшие миграционные намерения.

Помимо этого, университеты ведут и внутренний учет по количеству поступивших / выпустившихся студентов, обладают личными данными каждого из них (год и место рождения, место получения полного среднего образования, год окончания) [16]. Интегрируя статистические данные с результатами социологических опросов, проводимых внутри университета, можно получить базу данных, которая позволит всестороннее изучить образовательную миграцию, выделить основные причины отъезда молодых и талантливых людей за пределы региона, по результатам разработать систему управленческих мер по регулированию изучаемого процесса.

Зарубежный опыт изучения образовательной миграции основывается на более разнообразных данных [17–20]. Помимо ведения статистики государственными органами (например, в Германии – Statistisches Bundesamt) [21], социологических проектов по обследованию домохозяйств [10; 22], в университетах создаются базы данных, в которых содержится информация о дальнейших перемещениях выпускников, их трудоустройстве и достижениях. Примером выступает база данных лонгитюдного обследования выпускников высших учебных заведений Агентства по статистике высшего образования Великобритании (DLHE)¹. Ее отличие от других рассмотренных баз данных заключается в том, что она содержит информацию в период с 1992 г. и по настоящее время. С помощью повторяющихся через определенный интервал времени опросов отслеживается биография выпускников, что позволяет получить информацию о дальнейших траекториях территориальных

перемещений индивидов и их трудоустройстве.

В исследованиях таких зарубежных ученых, как I. Moska [23] и J. Sage [24], содержится методология сбора данных по образовательной и постобразовательной миграции индивидов (рассматривается как единый процесс), которая представляет собой также социологическое обследование (опрос, лонгитюдное интервью). Полученная база данных (Higher Education Statistical Agency – HESA) используется в большом исследовании влияния вузов на региональную экономику и формирование человеческого капитала.

В ходе проведенной научно-исследовательской работы по агент-ориентированному моделированию образовательной миграции населения региона возникла необходимость в детализированных данных по рассматриваемому процессу. В рамках мониторинга трудового потенциала Вологодской области в 2017 г. Вологодским научным центром был проведен опрос, в результате которого была получена информация об образовательной миграции населения Вологодской области. Данные отражают не только основную причину переезда на другое место жительства, но и значимость отдельных факторов, влияющих на выбор образовательной организации, основные причины, которые препятствовали получению образования на территории проживания и др. Человек, принимая решения о переезде, в 59,3% случаев обосновывает это тем, что в месте его проживания отсутствует образовательная организация, в 29,4 % – отсутствует желаемая специальность в образовательных профессиональных организациях, в 8% – отсутствуют бюджетные места. Полученные в ходе социологического опроса данные, позволяют продолжить исследование в данном направлении. Но также социологический опрос имеет ряд недостатков: трудоемкость, большие временные и финансовые затраты.

В современных исследованиях по миграционным процессам часто встречается агрегирование статистических и социологических данных. Например, в объясни-

¹ Destinations of Leavers from Higher Education (DLHE): Longitudinal Survey // Higher Education Statistics Agency. URL: http://www.hesa.ac.uk/index.php?option=com_collns&task=show_collns&targetYear=any&targetStream=11&Itemid=231 (дата обращения: 05.11.2017).

тельных моделях современной миграционной подвижности населения России используются как данные Росстата, так и данные социологического опроса «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е годы)», опросов аналитического центра Ю. Левады, базы RLMS НИУ ВШЭ для оценки миграционной подвижности населения. Автором моделей отмечается, что «социологические репрезентативные опросы дают возможность судить о динамике и перспективных направлений пере-

мещений населения, структуре миграционных потоков, миграционных намерениях и установках на миграцию», что является основным преимуществом метода [25].

Для проведения сравнительного анализа статистического и социологического подходов к сбору данных по образовательной миграции населения (табл. 2) были выделены следующие критерии: организации, ответственные за сбор данных; доступность информации; трудоемкость сбора данных; финансовые затраты сбора данных; многообразие и содержательность данных; времязатратность.

Таблица 2

Сравнительный анализ статистического и социологического подходов к сбору данных по образовательной миграции населения

Метод	Преимущества	Недостатки
Статистический	<ul style="list-style-type: none"> – Сбором данных занимаются ведомства РФ и их подведомственные организации; – официальные данные регулярно публикуются на сайте Росстата и сайтах ведомств РФ и их подведомственных организаций; – проведение сбора данных за счет государственного бюджета; – экономия времени в поиске опубликованных данных по образовательной миграции; – лонгитюдный подход к сбору данных 	<ul style="list-style-type: none"> – Недостаток актуальной информации по образовательной миграции населения как отдельных регионов, так и страны в целом; – ограниченный доступ к некоторым источникам данных; – низкая содержательность публикуемых данных по образовательной миграции (количество прибывших/ выбывших с целью получения образования)
Социологический	<ul style="list-style-type: none"> – Опрос может провести любая государственная или частная организация, группа людей, отдельные физические лица; – возможность использования различных подходов к сбору данных, а именно проведение опросов (анкетирование, интервьюирование, экспертный опрос), фокус-групп, наблюдений, анализ документов и др.; – получение подробной (детализированной) информации по образовательной миграции населения определенной территории проживания (например, количество образовательных мигрантов, миграционные установки индивидов, факторы образовательной миграции, причины выбора образовательных организаций за пределами территории проживания, выявление специфических факторов изучаемого процесса и др.); – высокая доступность данных: открытые базы данных, базы данных по запросу; – учет образовательной миграции как подвида временной миграции 	<ul style="list-style-type: none"> – Трудоемкость сбора данных; – платный доступ к некоторым базам данных; – высокая стоимость проведения опросов; – большие затраты временных ресурсов

Таким образом, социологические методы обследования населения являются трудоемкими, затратными по времени и дорогостоящими, но в то же время предо-

ставляют подробную информацию, которая будет интересовать как исследователей, так и представителей органов государственной власти. Социологические об-

следования, проводимые образовательными и научными организациями нашей страны (НИУ ВШЭ, ВолНИЦ РАН), могут послужить примером для нового витка в развитии методологии сбора данных по образовательной миграции как на уровне регионов, так и на уровне страны.

Заключение

Опыт предыдущих лет показал, что в 1970–1991-х гг. нашим государством велся учет образовательной миграции как по стране в целом, так и по регионам отдельно. По отчетам распределения молодых специалистов можно судить об объемах учебной миграции в СССР. Поэтому статистические методы сбора данных по образовательной миграции также могут предоставить полную информацию, но в данном случае необходима заинтересованность со стороны органов власти.

Анализ основных современных источников данных о мигрантах в нашей стране показал, что информация об образовательных мигрантах косвенно содер-

жится в отчетах по итогам Всероссийской переписи населения, Министерства внутренних дел, а также предоставляется в ограниченном доступе Министерством образования и науки Российской Федерации (подведомственная статистика).

Острая ситуация с оттоком населения из Вологодской области по причинам учебы, характерная и для других регионов России, требует формирования новой системы мер по регулированию образовательной миграции (увеличение бюджетных мест в вузах, открытие новых специальностей, улучшение условий обучения и инфраструктуры образовательных организаций, предоставление рабочих мест по окончании обучения и др.). Представляется, что в данных условиях необходимо дальнейшее совершенствование современной методологии сбора данных по образовательной миграции с учетом предшествующего опыта эволюции статистического учета в нашей стране и передовой практики зарубежных стран.

Список литературы

1. *Варшавская Е.Я., Чудиновских Е.С.* Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
2. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
3. *Митин Д.Н.* Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2010. № 3. С. 123–133.
4. *Корепина Т.А.* Сравнительный анализ подходов к моделированию миграции // Вопросы территориального развития. 2017. № 1 (36). URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2132/full> (дата обращения: 25.11.2017).
5. *Леонидова Г.В., Вячеславов В.Н.* Гендерные особенности внутрирегиональной миграции населения // Вопросы территориального развития. 2016. № 2 (32). URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1822/full> (дата обращения: 27.11.2017).
6. *Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Агеева А.Ф.* Агент-ориентированный подход при моделировании трудовой миграции из Китая в Россию // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 2. С. 331–341. doi 10.17059/2017-2-1.
7. *Панов М.М.* Анализ миграционных потоков населения районов Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 124–138. doi: 10.15838/esc/2015.4.40.8.
8. *Леденева Л.И.* История формирования статистического учета учебной миграции в СССР // Вопросы статистики. 2009. № 3. С. 68–76.
9. *Леденева Л.И., Некителова Е.Ф.* Эмиграционные намерения элитарной научной молодежи // Демоскоп Weekly. 2003. № 115. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0115/tema02.php> (дата обращения: 20.11.2017).

10. Чудиновских О.С. Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики // Отечественные записки. 2004. № 4 (19). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/prichiny-i-posledstviya-krizisa-rossiyskoy-migracionnoy-statistiki> (дата обращения: 20.11.2017).
11. Чудиновских О.С. Причины миграции в Россию // Проблемы прогнозирования. 1998. № 5. С. 121–132.
12. Попов Д.С., Тюменева Ю.А., Кузьмина Ю.В. Современные образовательные траектории школьников и студентов // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 135–142.
13. Рощина Я.М. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 257–277.
14. Мотрич Е.Л., Ли Е.Л., Скрипник Е.О. Студенчество Хабаровского края. Социально-профессиональные и миграционные ориентиры и мотивация поведения // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 47–57.
15. Гольцова Е.В. Миграционное поведение молодежи Иркутской области // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 103–109.
16. Горбунова Е.В., Ульянова В.В., Фурманов К.К. Построение модели выбытия студентов по данным университетов с разной периодичностью рубежного контроля // Прикладная эконометрика. 2017. № 1 (45). С. 116–135.
17. Castles S., Miller M. The age of migration: International population movement in the modern world. London, 1998. 401 p.
18. Hunt J.C., Kau J.B. Migration and wage growth: A human capital approach // Southern Economic Journal. 1985. Vol. 51. № 3. P. 697–710.
19. Johnson J.H., Salt J. Labour migration within organizations: an introductory study // Tijdschrift voor economische en sociale geografie, 1980. Vol. 71. № 5. P. 277–284.
20. Kananec M., Kralikova R. Higher educational policy and migration: The role of educational student mobility // CESifo DICE Report. 2011. P. 20–27.
21. Borjas G.J. Immigration and welfare magnets // Journal of Labor Economics. 1999. Vol. 17. № 4. P. 607–637.
22. Heiland F. The collapse of the Berlin wall: Simulating state-level East to West German migration patterns. In Book: Agent-based computational demography. Billari F.C., Prskawetz A. (eds.). Springer-Verlag Heidelberg, 2003, pp. 73–96.
23. Moska I., Wright R.E. National and international graduate migration flows // Population Trends. 2010. Vol. 141. Iss. 1. P. 36–53.
24. Sage J., Evandrou M., Falkingham J. *The complex migration pathways of UK graduates. CPC Briefing Paper*, 2012, no. 9. URL: https://eprints.soton.ac.uk/344930/1/BP9_Migration_Pathways_of_UK_Graduates%255B1%255D.pdf (дата обращения: 15.11.2017).
25. Иванова Е.И. Миграционные намерения современных поколений россиян: новая волна миграции // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 106–118.

Статья поступила в редакцию 13.12.2017

Сведения об авторе

Корепина Татьяна Андреевна – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: korepina-tatyana@mail.ru).

References

1. Varshavskaya E.Ya., Chudinovskikh O.S. Migratsionnye plany vypusknikov regional'nykh vuzov Rossii [Migration intentions of graduates of Russia's regional higher educational institutions]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Moscow University Economics Bulletin], 2014, no. 3, pp. 36–58. (In Russian).
2. Nefedova T.G., Treivish A.I. Teoriya «differentsial'noi urbanizatsii» i ierarkhiya gorodov v Rossii na rubezhe XXI veka [The theory of «differential urbanization» and hierarchy of cities in Russia]. *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov* [Problems of urbanization at the turn of the century]. Smolensk, Oikumena Publ., 2002, pp. 71–86. (In Russian).

3. Mitin D.N. Obrazovatel'naya (uchebnaya) migratsiya: ponyatie, problemy i puti resheniya [Educational migration: The notion, problems and ways of solution]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2010, no. 3, pp. 123–133. (In Russian).
4. Korepina T.A. Sravnitel'nyi analiz podkhodov k modelirovaniyu migratsii [Comparative analysis of approaches to migration simulation]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues (online edition)], 2017, no. 1 (36). (In Russian). Available at: <http://vtr.vsc.ac.ru/article/2132/full> (accessed 25.11.2017).
5. Leonidova G.V., Vyacheslavov V.N. Gendernye osobennosti vnutriregional'noi migratsii naseleniya [Gender specifics of intraregional migration]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues (online edition)], 2016, no. 2 (32). (In Russian). Available at: <http://vtr.vsc.ac.ru/article/1822/full> (accessed 27.11.2017).
6. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D., Ageeva A.F. Agent-orientirovannyi podkhod pri modelirovanii trudov o imigratsii iz Kitaya v Rossiyu [Agent-based approach for modelling the labour migration from China to Russia]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2017, vol. 13, no. 2, pp. 331–341. (In Russian). doi 10.17059/2017-2-1.
7. Panov M.M. Analiz migratsionnykh potokov naseleniya raionov Vologodskoi oblasti [Analysis of migration flows of the population of the Vologda Oblast districts]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 4, pp. 124–138. (In Russian). doi: 10.15838/esc/2015.4.40.8.
8. Ledeneva L.I. Istoriya formirovaniya statisticheskogo ucheta uchebnoi migratsii v SSSR [History of statistical accounting of educational migration in the USSR]. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues], 2009, no. 3, pp. 68–76. (In Russian).
9. Ledeneva L.I., Nekipelova E.F. Emigratsionnye namereniya elitarnoi nauchnoi molodezhi [Emigration intentions of the elite scientific youth]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2003, no. 115. (In Russian). Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0115/tema02.php> (accessed 20.11.2017).
10. Chudinovskikh O.S. Prichiny i posledstviya krizisa rossiiskoi migratsionnoi statistiki [The causes and consequences of the crisis of Russian migration statistics]. *Otechestvennye zapiski* [National Notes], 2004, no. 4 (19). (In Russian). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/prichiny-i-posledstviya-krizisa-rossiyskoy-migratsionnoy-statistiki> (accessed 20.11.2017).
11. Chudinovskikh O.S. Prichiny migratsii v Rossiyu [The reasons for migration to Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 1998, no. 5, pp. 121–132. (In Russian).
12. Popov D.S., Tyumeneva Yu.A., Kuz'mina Yu.V. Sovremennye obrazovatel'nye traektorii shkol'nikov i studentov [Modern educational trajectories of schoolchildren and students]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 2, pp. 135–142. (In Russian).
13. Roshchina Ya.M. Semeinyi kapital kak faktor obrazovatel'nykh vozmozhnostei rossiiskikh shkol'nikov [Family capital as a factor in the educational opportunities of Russian schoolchildren]. *Voprosy obrazovaniya* [Education Studies Moscow], 2012, no. 1, pp. 257–277. (In Russian).
14. Motrich E.L., Li E.L., Skripnik E.O. Studenchestvo Khabarovskogo kraja. Sotsial'no-professional'nye i migratsionnye orientiry i motivatsiya povedeniya [Students of Khabarovsk Krai. Socio-professional and migration orientations and behavior motivation (Khabarovsk territory)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2008, no. 5, pp. 47–57. (In Russian).
15. Goltsova E.V. Migratsionnoe povedenie molodezhi Irkutskoi oblasti [Migration behavior of the youth in Irkutsk region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 5, pp. 103–109. (In Russian).
16. Gorbunova E.V., Ul'yanova V.V., Furmanov K.K. Postroenie modeli vybytiya studentov po dannym universitetov s raznoi periodichnost'yu rubezhnogo kontrolya [Using data from universities with different structure of academic year to model student attrition]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics], 2017, no. 1 (45), pp. 116–135. (In Russian).
17. Castles S., Miller M. *The age of migration: International population movement in the modern world*. London, 1998. 401 p.
18. Hunt J.C., Kau J.B. Migration and wage growth: A human capital approach. *Southern Economic Journal*, 1985, vol. 51, no. 3, pp. 697–710.
19. Johnson J.H., Salt J. Labour migration within organizations: An introductory study. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 1980, vol. 71, no. 5, pp. 277 – 284.

20. Kananec M., Kralikova R. Higher educational policy and migration: The role of educational student mobility. *CESifo DICE Report*, 2011, pp. 20–27.
21. Borjas G. J. Immigration and welfare magnets. *Journal of Labor Economics*, 1999, vol. 17, no. 4, pp. 607–637.
22. Heiland F. The collapse of the Berlin wall: Simulating state-level East to West German migration patterns. In Book: *Agent-based computational demography*. Billari F.C., Prskawetz A. (eds.). Springer-Verlag Heidelberg, 2003, pp. 73–96.
23. Moska I., Wright R.E. National and international graduate migration flows. *Population Trends*, 2010, vol. 141, iss. 1, pp. 36 – 53.
24. Sage J., Evandrou M., Falkingham J. *The complex migration pathways of UK graduates*. *CPC Briefing Paper*, 2012, no. 9. Available at: https://eprints.soton.ac.uk/344930/1/BP9_Migration_Pathways_of_UK_Graduates%255B1%255D.pdf (accessed 15.11.2017).
25. Ivanova E.I. Migratsionnye namereniya sovremennykh pokolenii rossiyan: novaya volna migratsii [Migration intentions of contemporary generations in Russia: A new wave]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2017, no. 3, pp. 106–118. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 13.12.2017

Information about the Author

Tatyana Andreevna Korepina – Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky st., Vologda, 160014, Russia; e-mail: korepina-tatyana@mail.ru).

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Корепина Т.А. Методология учета и измерения образовательной миграции населения: проблемы и перспективы развития // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2018. Том 13. № 2. С. 319–333. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-319-333

Please cite this article in English as:

Korepina T.A. Methodology of accounting and measurement of educational migration of population: Problems and prospects of development. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 319–333. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-319-333

Научное издание

**Вестник Пермского университета.
СЕРИЯ «ЭКОНОМИКА»
= Perm University Herald. ECONOMY
2018. Том 13. № 2**

Редактор М.А. Шемякина
Компьютерная верстка Т.Ю. Суслонova
Специалист-переводчик Т.И. Тутьнина
Секретарь О.Н. Беляева

Подписано в печать 27.06.2018. Формат 60x84 $\frac{1}{8}$.
Дата выхода в свет 30.06.2018
Усл. печ. л. 20,9. Тираж 500. Заказ № 1106/2018

Редакция научного журнала «Вестник Пермского университета. Серия «Экономика»
= Perm University Herald. ECONOMY»
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Экономический факультет.
Тел. (342) 233-19-69

Издательский центр Пермского государственного национального
исследовательского университета
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского
политехнического университета
614990, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел. (342) 219-80-33

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия «Экономика»
= Perm University Herald. ECONOMY» в каталогах «Пресса России» 41030

Распространяется бесплатно и по подписке

